3 1761 04561231 4

RCBI 4
40

„ЭТА“

"[illegible]"
S.A.R.L.
LIBRAIRIE - PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
62, Rue de France - NICE
R.C. Nice [illegible].083

„ЭТА“

ПОВѢСТЬ Н. Б. СѢВЕРОВОЙ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И. Е. РѢПИНА

ПОВѢСТЬ НАПЕЧАТАНА ВЪ „НИВѢ“ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ „БѢГЛЯНКА“

VEGA
UNION
S. A. R. L.
LIBRAIRIE - PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
62, Rue de France - NICE
R.C. Nice 57.083

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

PG
3470
S437 E8

Рисунки дозволены цензурою 23 октября 1900 г. С.-Петербургъ.

LIBRARY
SEP 25 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

Разсмотрѣть понятія, въ которыхъ мы воспитаны, и отвергнуть тѣ, которыя не выдерживаютъ испытанія, трудъ до того тяжкій, что уклонившіеся отъ него изъ боязни страданій, должны бы прежде подумать, а потомъ уже осуждать тѣхъ, кто пережилъ эти страданія.

Спенсеръ.

Играя далью золотистой
Насъ манитъ жизни океанъ!

А. Толстой.

"UNION"
S.A.R.L.
LIBRAIRIE - PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
62, Rue de France - Nice
R.C. Nice 07.003
VEGA

ЛЕГО

"UNION"
S.A.R.L.
LIBRAIRIE PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
12, Rue de France NICE
R.C. Nice 54.083
VEGA

*
* *

Вотъ и книга, которую вы все ждали. Найдете досугъ — прочтите. Она познакомитъ васъ съ мечтами и стремленіями моей юности. Перелистайте только скорѣе первыя главы — мое монотонное дѣтство. Старая исторія: воспитаніе задавливало въ ребенкѣ личность, а личность боролась и пробивалась къ настоящему свѣту, хотя родилась и росла въ «свѣтѣ».

Всякая среда какъ секта ревнива и ограниченна; трудно порвать съ нею; но только съ этого разрыва и начинается освобожденіе личности...

Очень интересуюсь вашимъ отзывомъ.

Н. Сѣверова.

VEGA

"UNION"
S.A.R.L
LIBRAIRIE - PAPETERIE
BIBLIOTHÈQUE
62, Rue de France - NICE
R.C. Nice 57.083

I.

Я родилась въ 1863 году въ одномъ изъ большихъ городовъ средней полосы Россіи, гдѣ отецъ мой былъ губернаторомъ. Мы жили въ обширномъ двухъ-этажномъ казенномъ домѣ. Нашъ садъ, очень старинный, съ густыми липовыми аллеями, выходилъ на полуразрушенную городскую стѣну, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку и на живописныя окрестности города. Въ самомъ концѣ сада была средневѣковая башня, подъ которой еще зіялъ когда-то существовавшій подземный ходъ; къ этому ходу вели ступени, разрушенныя и заросшія. На случайно уцѣлѣвшей крышѣ какъ-то неувѣренно росла молодая березка, постоянно колеблемая вѣтромъ. И башня, и видъ очень нравились мнѣ и приковывали все мое вниманіе.

Родители мои были люди состоятельные, и домъ нашъ считался открытымъ и хлѣбосольнымъ. Совершенно сознательно начинаю я по-

мнить себя лѣтъ съ семи. Жила я тогда наверху въ трехъ небольшихъ комнатахъ съ моей гувернанткой, Луизой Карловной, и горничной Леонтиной. Зимою меня будили часовъ въ 8, и сейчасъ же послѣ молока я садилась за уроки. Учили меня совершенно просто. Луиза Карловна, бывало, шьетъ или штопаетъ, а я сижу на стулѣ, болтаю ногами и, крѣпко прижавшись грудью къ краю стола, старательно переписываю что-нибудь изъ книги, или учу стихи, или дѣлаю сложеніе и вычитаніе на грифельной доскѣ. Часто я отвлекалась отъ урока и смотрѣла въ садъ; я любила знать, что̀ тамъ дѣлается, и настроеніе этого кусочка природы всегда дѣйствовало и на меня. Помню я, какъ радостно билось сердце ранней весной, когда снѣгъ таялъ и мѣстами начинала виднѣться черная земля и прошлогодняя травка! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я мая, когда раскрывались окна, и въ саду зацвѣтали сирень и жасминъ.

Въ 11 часовъ я бѣжала внизъ здороваться съ мама̀, которая въ это время въ голубой гостинной пила кофе и читала большое Евангеліе въ старинномъ сафьянномъ переплетѣ. Поцѣловавъ мама̀ руку, я должна была тщательно продѣлать передъ ней всѣ пять позицій, послѣ чего я старалась какъ можно скорѣе исчезнуть изъ комнаты, что̀, однако, не всегда удавалось мнѣ: иногда мама̀ вдругъ остановитъ меня и заставитъ

читать по-французски или разсказать что-нибудь. Разъ въ недѣлю въ этотъ часъ приходилъ нашъ домашній докторъ, который осматривалъ меня и дѣлалъ различные вопросы Луизѣ Карловнѣ, въ этихъ случахъ появлявшейся въ гостиной и почтительно стоявшей посреди комнаты.

— Въ общемъ здорова, говорилъ докторъ: — малокровна только и нервна.

Въ 12 часовъ мы завтракали, но я употребляла всѣ усилія, чтобы пораньше затащить въ столовую Луизу Карловну, въ надеждѣ увидѣть поскорѣе своего брата Леву. Онъ былъ на пять лѣтъ старше меня. Жилъ онъ во флигелѣ со своимъ старымъ французомъ Жакелемъ. Бывать у него въ гостяхъ позволялось мнѣ очень рѣдко, раза три-четыре въ годъ, не болѣе.

Жизнь Левы казалась мнѣ очень обаятельной. У него было множество самыхъ интересныхъ игрушекъ; коньки, живая лошадка и большой черный водолазъ. Лѣтомъ Левѣ позволяли купаться въ большой рѣкѣ и кататься на лодкѣ. Отецъ иногда бралъ его съ собою путешествовать и за обѣдомъ большіе не только разговаривали съ нимъ, но даже дразнили его, и Лева, радостный и смущенный, нерѣдко вызывалъ своими отвѣтами громкій смѣхъ и шумныя одобренія. Но что больше всего нравилось и въ то же время пугало меня, это то, что Лева былъ зна-

комъ съ какимъ-то подземнымъ духомъ Тонтеномъ, въ волшебномъ царствѣ котораго онъ проводилъ ночи.

— Ты развѣ не слышишь иногда ночью рѣзкій свистокъ, это онъ зоветъ меня къ себѣ.

— Неужели онъ? спрашивала я содрогаясь,— я еще на дняхъ слышала... и что же съ тобою тогда дѣлается?

— Со мною? да гдѣ бы я ни былъ, сейчасъ же подо мною раскрывается земля и я исчезаю.

— Слушай,— прошепталъ мнѣ какъ-то разъ особенно таинственно Лева.— Мы вырыли съ моимъ дядькой и товарищами въ одномъ углу сада глубокую, глубокую яму, тамъ у насъ цѣлая комната, но найти ее никто не можетъ, она покрыта досками и дерномъ. Хочешь мы спустимъ тебя внизъ на веревкѣ? у насъ очень хорошо, и стулья и посуда, а главное тамъ очень удобное сообщеніе съ Тонтеномъ.

— Съ Тонтеномъ? Я ни за что не пойду, ну вдругъ я его увижу?

— Ну такъ что же? Да ты не только тамъ, ты всюду можешь увидѣть его; онъ вотъ любитъ являться, когда человѣкъ одинъ въ комнатѣ. Ты вотъ сядешь на диванъ, а онъ вдругъ рядомъ, и смотритъ на тебя пристально, пристально, глаза у него такіе добрые, проницательные...

Итакъ въ 12 мы завтракали. Лакеи — вдоль стѣнъ, Лева, гувернеръ, Луиза Карловна и я—

у своихъ стульевъ; шопотомъ переговариваясь, ожидали мы появленія старшихъ. Наконецъ, въ гостиной слышались голоса, шумъ шаговъ, и въ комнату входила мамà, большею частью въ сопровожденіи гостей, а за ними, своей важной, тихой походкой, шелъ мой отецъ и въ дверяхъ столовой дѣлалъ общій поклонъ. Я съ трепетомъ подходила къ нему.

— Здравствуйте папà.

Онъ молча протягивалъ мнѣ для поцѣлуя свою красивую руку, отъ которой такъ чудно пахло духами и сигарой.

— Ужасно вкусно пахнетъ, — шепталъ мнѣ часто Лева. — Когда я буду большой, у меня будутъ совсѣмъ такія руки.

За столомъ шелъ общій, оживленный разговоръ, всегда по-французски, если только не присутствовалъ какой-нибудь гость, не говорившій на этомъ языкѣ.

Луиза Карловна сидѣла рядомъ со мною, всегда сконфуженная, красная, скромно складывая между блюдами руки на груди; братъ сидѣлъ между нею и старымъ французомъ, который то и дѣло нагибался къ нему, дѣлая различныя замѣчанія. Лева шопотомъ ворчалъ ему что-то въ отвѣтъ, но только шопотомъ, чтобы не обратить на себя вниманія мамà, которая въ такихъ случаяхъ вопросительно поднимала брови и на весь столъ спрашивала: «qu'est ce qu'il y a?». Этого

«qu'est ce qu'il y a» мы ужасно боялись. Я, впрочемъ, не любила никакихъ вообще замѣчаній и поэтому старалась вести себя примѣрно и въ точности копировать манеры мамà.

Послѣ завтрака большіе уходили въ гостиную пить кофе, Лева немедленно исчезалъ со своимъ Жакелемъ, а я бѣжала наверхъ одѣваться для прогулки. Бо̀льшею частью мы шли въ городской садъ и чинно обходили его одинъ разъ вокругъ, или же за мною заѣзжала жена предводителя дворянства со своими двумя дѣвочками, и мы медленно катались около часу всегда по однимъ и тѣмъ же улицамъ. Помню я какъ-то разъ вздумалось самой мамà взять меня съ собою покататься.

— Ужасная возня съ дѣтьми, говорила она, нетерпѣливо усаживая меня рядомъ съ собою въ коляску и нервно поправляя мнѣ бантъ подъ подбородкомъ.— Слышишь, сиди смирно, а главное не смѣй захотѣть! — И она внушительно погрозила мнѣ пальцемъ.

Въ четыре часа Луиза Карловна накидывала мнѣ на плечи пелеринку и вела въ большую залу, гдѣ я при двухъ свѣчахъ (зала освѣщалась только къ шести часамъ) должна была играть цѣлый часъ на фортепіано; сама же Луиза Карловна уходила къ себѣ тайкомъ пить кофе. Оставшись одна, я начинала дрожать отъ страха при одной мысли о Тонтенѣ. Играла я

совершенно машинально, боязливо оглядываясь во всѣ стороны и съ величайшимъ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія Луизы Карловны.

Вернувшись къ себѣ наверхъ, я съ наслажденіемъ и грустью втягивала въ себя запахъ кофе и старалась пробраться къ Леонтинѣ. Это была моя горничная, привезенная моей матерью изъ Петербурга. Она была родомъ изъ Швеціи, но отлично говорила по-нѣмецки. Я очень гордилась ею. Стройная, красивая, опрятная, она отличалась необыкновенно стойкимъ и ровнымъ характеромъ. Со мною Леонтина была очень строга и требовательна и только иногда тайкомъ она угощала меня въ 5 час. чашкой чаю въ прикуску съ нѣсколькими яркими монпасье. Къ Луизѣ Карловнѣ я питала совсѣмъ другое чувство, чѣмъ къ Леонтинѣ, даже два чувства: когда мы бывали съ нею вдвоемъ—я почти любила ее, а въ обществѣ мнѣ бывало часто стыдно за нее; мнѣ было очень непріятно, что у всѣхъ моихъ знакомыхъ дѣтей гувернантки англичанки или француженки, а у меня у одной, вдругъ, нѣмка, да такая нескладная, старомодная, конфузливая. Потомъ, въ Луизѣ Карловнѣ проглядывало часто что-то безпомощное, жалкое, и это всегда возбуждало во мнѣ чувство брезгливости. Помню я, какъ начнетъ она, бывало, зашивать свою полосатую перину или штопать ярко-красные чулки, и вдругъ нахлынутъ на нее грустныя думы, лицо

ея начнетъ морщиться и закапаютъ слезы изъ глазъ. Не знаю ужъ, какія чувства грызли это дѣвичье сердце. Лѣтъ ей было 35. Она была очень некрасива: въ особенности портилъ ее сѣрый, нечистый цвѣтъ лица. Весной на нее находили припадки сентиментальности, и въ сумерки она любила ложиться на диванъ и разсказывать мнѣ длинные романы собственнаго сочиненія. Любимой темой ея была безумная любовь, которую онъ (герой) питалъ къ ней (героинѣ), но «онъ» былъ не отъ міра сего; хрупкій организмъ его не вынесъ грубаго соприкосновенія съ жизнью, у него сдѣлалась чахотка, и... mit den ersten Rosen ward er dahin! (съ первыми розами его не стало).

Луиза Карловна проливала нѣсколько слезинокъ.

— Посмотри, Лулу, говорила она мнѣ послѣ длинной паузы, «какія у меня стали мокрыя и холодныя руки отъ волненія, еслибы теперь кто-нибудь пришелъ и поздоровался со мною, я ни за что не дала бы руки и сказала бы: извините, ich bin schwitzig! (Я вспотѣла).

Случалась даже она тушила лампы и въ совершенной уже темнотѣ ложилась на постель и мечтала, а я сидѣла рядомъ скучая. Эти tête-à-tête прерывались иногда очень драматично: вдругъ съ шумомъ открывалась дверь и какъ снѣгъ на голову появлялась мамà. Мы вскакивали и, стал-

киваясь и шепчась, начинали по всей комнатѣ искать спичекъ.

Мама̀ мгновенно велитъ освѣтить комнату, выплетъ меня и съ подозрѣніемъ глядя на смущенную Луизу Карловну начнетъ что-то горячо говорить ей по французски.

Въ шесть часовъ мы начинали приготовляться къ обѣду. Меня одѣвали въ бѣлое платье декольтэ и распускали волосы. Въ семь мы уже снова стояли съ Луизой Карловной за нашими стульями. За обѣдомъ большей частью гостей было много, и длился онъ очень долго. Для развлеченія я изрѣдка перешептывалась съ Левой.

Послѣ обѣда мнѣ позволялось идти въ гостиную, гдѣ мама̀ съ самой очаровательной улыбкой давала мнѣ «канарку» и гладила по щекѣ.

Всѣ большіе также нѣсколько минутъ играли и разговаривали со мной, потомъ мы съ Левой бѣжали въ залу кататься съ деревянной горы, на суконкѣ, и бывали въ восторгѣ, когда кто-нибудь изъ старшихъ присоединялся къ намъ.

Послѣ молока въ 9 часовъ я шла прощаться съ отцомъ, который въ это время большей частью занимался въ своемъ кабинетѣ за большимъ письменнымъ столомъ. Съ трепетомъ подходила я къ дверямъ и тихонько стучалась. Отца моего я помню человѣкомъ очень пожилымъ. Я ясно могу представить себѣ его лицо—умное и спокойное. Сердце у него было золотое, какъ я узнала

впослѣдствіи; къ сожалѣнію, по взглядамъ того времени, у него былъ принципъ никогда не шутить съ дѣтьми, и отношеніе его къ намъ было сухо-взыскательное.

Поцѣловавъ папа̀ руку, я бѣжала раздѣваться. Луиза Карловна уже поджидала меня въ комнатѣ моей матери, гдѣ спала и я. Леонтина съ невозмутимымъ спокойствіемъ принималась расчесывать и заплетать мои длинные, густые волосы; вымывшись, я молилась передъ большой образницей и всегда съ одинаковымъ любопытствомъ разглядывала лики святыхъ, освѣщенныхъ снизу свѣтомъ лампады. Потомъ, взявъ съ собою или любимую куклу Ташу, или войлочную собачку Мими съ бѣлой шерстью, я ложилась въ постель. Луиза Карловна и Леонтина крѣпко цѣловали меня и, потушивъ свѣчку, уходили къ себѣ наверхъ; въ комнатѣ становилось совсѣмъ тихо, только изъ дѣвичьей, находившейся за большой уборной, доносился едва слышный говоръ.

Мало-по-малу на меня начиналъ нападать страхъ. Я широко раскрывала глаза и боязливо всматривалась въ окружающую меня полутьму. Я была увѣрена, что за вѣшалкой съ платьями кто-то сидитъ. Я ясно видѣла, какъ шевелились юбки и сверкали чьи-то глаза. Какія-то тѣни проходили въ большомъ зеркалѣ туалетнаго стола.— А вотъ и свистокъ... въ ужасѣ я вскакивала, холодныя капли пота выступали на лбу.

Во время поѣздокъ Левы съ отцемъ, воображеніе мое немного успокаивалось и мысли большею частью принимали религіозное направленіе. Я начинала думать о недосягаемомъ совершенствѣ и величіи Бога и о тѣхъ избранникахъ Его, о которыхъ читала въ библейскихъ разсказахъ для дѣтей.

Больше всего мнѣ нравился Авраамъ.

«Не пожалѣлъ же онъ отдать Богу своего единственнаго сына».

А что если Богъ вдругъ и мнѣ прикажетъ отдать Ему безъ ропота мою любимую куклу Ташу, мою дорогую Ташеньку?

Я страстно прижимала ее къ себѣ и сердце мое обливалось кровью.

— Да, я должна ее отдать, шептала я, наконецъ, послѣ долгой внутренней борьбы,—должна, если Онъ потребуетъ...

Иногда я старалась жертвовать Богу своимъ удобствомъ: только что, бывало, согрѣюсь, уютно завернувшись въ одѣяло, только что сладкая дремота сомкнетъ глаза, какъ я уже стремительно вскакиваю и, ставъ на колѣни, начинаю горячо молиться. Но часто при первыхъ же словахъ голова моя сплоняется на подушку, и я засыпаю крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

Часа въ два или три ночи, возвратившись изъ гостей или окончивъ свою партію въ вистъ, приходила къ себѣ мама̀. Раздѣвалась она очень

долго и потомъ, отпустивъ дѣвушекъ, читала еще въ постели. Разбуженная свѣтомъ, шумомъ и разговорами, я давно уже лежала, съ нетерпѣніемъ ожидая этой минуты. И вотъ, когда мамà бывала особенно въ духѣ, я тихонько приподнимала голову съ подушки и смиренно просила ее хоть немножко только почитать мнѣ. Случалось, что просьба моя исполнялась охотно, случалось даже, что мамà угощала меня рюмкой вина или конфектами, и это ночное баловство приводило меня въ полный восторгъ...

Общество въ нашемъ губернскомъ городѣ было очень большое, такъ что каждое воскресенье меня на цѣлый день посылали въ гости; изрѣдка собирали дѣтей и у насъ. На Рождествѣ устраивались елки, на Пасху—катаніе яицъ. Но дѣтскіе праздники эти, во время которыхъ насъ заставляли декламировать стихи или разыгрывать французскія пьески, никогда особенно не интересовали меня, и я бывала несказанно счастлива, когда настанетъ весна и всѣ знакомые начнутъ разъѣзжаться по своимъ деревнямъ. Весна и лѣто были для меня вообще настоящимъ праздникомъ. Луиза Карловна въ это время окончательно раскисала, переставала совершенно учить меня, и я цѣлые дни проводила въ нашемъ большомъ саду, предаваясь на свободѣ моей страсти къ чтенію (моимъ любимымъ авторомъ былъ Андерсенъ). Лѣтомъ, кромѣ того, мнѣ позво-

лялось приглашать двухъ маленькихъ нѣмочекъ, съ родителями которыхъ Луиза Карловна познакомилась у пастора. Жили они въ небольшомъ домикѣ, какъ разъ за деревяннымъ заборомъ, окаймлявшимъ нашъ садъ. И вотъ, тотчасъ послѣ обѣда, мы бѣжали съ Левой къ знакомой щели и, приставивъ къ ней глаза, начинали присматриваться — нѣтъ ли Бергеровъ въ сосѣднемъ саду...

— Вилли, komm Soldaten spielen! (иди къ намъ играть въ солдаты),—кричалъ Лева.

— Эльсбетъ и Олли, kommt Puppen! spieleh! So kommt doch!

Наконецъ, въ сосѣднемъ домикѣ открывалось окно и показывалось худое, истомленное лицо молодой женщины.

— Дѣти сейчасъ придутъ: они одѣваются!

Ахъ, какъ скучно ждать! Если гостей у насъ бывало много, и я бывала увѣрена, что насъ не «хватятся» — я бросалась уговаривать Луизу Карловну забѣжать со мною только на одну минуточку къ Бергерамъ. Нѣмецкое сердце ея рѣдко бывало въ силахъ бороться противъ такого искушенія, и вотъ мы втроемъ пробирались къ калиткѣ, стараясь незамѣтно проскользнуть въ нее.

Семейство Бергеровъ было очень бѣдно. Онъ самъ былъ какой-то мелкій чиновникъ. Дома изъ экономіи онъ ходилъ безъ сюртука и жилета. Голова у него была огромная, подбородокъ не бритъ,

глаза выпучены; онъ постоянно молчалъ и только изрѣдка садился за разбитое піанино и игралъ вальсы. Фортепіано это было единственной роскошью въ ихъ домѣ и свято оберегалось.

Помню, какое строгое приказаніе отдавалось Эльсбетъ, какъ только Лева выражалъ намѣреніе сыграть что-нибудь. «Elsbeth Bring das Pedal weg!» и Эльсбетъ лѣзла подъ фортепіано, привычной рукой отвинчивала педаль и бережно запирала ее въ комодъ.

Квартира ихъ состояла изъ трехъ комнатъ. Въ гостиной была красная, покрытая вязаными салфеточками, мебель, на которую никто изъ семьи не смѣлъ садиться. Въ столовой стояли три кровати, въ спальнѣ—двѣ. На узкой спала Эльсбетъ, на широкой Papa und Mama, а между ними Olli и Эрнстъ. Всѣ члены семьи, какъ и отецъ, ходили дома совершенно раздѣтыя, такъ что когда мы являлись въ кухню, намъ сквозь дверь прежде всего ставился вопросъ: какъ мы ихъ зовемъ: только въ садъ, или въ садъ и пить вечеромъ чай у насъ? «Только въ садъ (приглашать ихъ къ чаю намъ позволялось очень рѣдко); въ такомъ случаѣ одѣванье происходило скоро, если же «къ чаю» мѣнялось все, до рубашки.

Не смотря на свою бѣдность, каждый изъ членовъ семьи имѣлъ по хорошему платью. У матери была das schöne schwarze Kleid (красивое черное платье) и большая черная шаль—вещи

подаренныя ей еще въ день свадьбы, дѣти имѣли по пестрому шерстяному платью, которое одѣвалось въ гости и въ воскресенье на кладбище, куда ходили пить кофе на могилу Eddi и Mimmi. Луиза Карловна тайкомъ водила и меня туда.

Скромные кресты, кладбищенская тишина и жестяной кофейникъ какъ-то особенно ярко остались въ моей памяти.

Бергеры были дворяне и очень гордились своимъ происхожденіемъ.

Какъ теперь помню Эльсбетъ, спрашивающую меня своимъ басистымъ голосомъ «Hörst Du, bist Du «Von?» (послушай, ты фонъ?) и при этомъ какъ всегда въ важныхъ случаяхъ, она нагибалась къ своему карману и, вытащивъ изъ него маленькій уголокъ платка, старалась вытереть имъ носъ.

Бергеровъ я очень любила и считала ихъ «своими»; вообще, мало-по-малу, я раздѣлила міръ на двѣ половины—свою и чужую.

Къ моей половинѣ, кромѣ Бергеровъ, конечно, принадлежали всѣ мои книги, игрушки и куклы; потомъ нашъ садъ,—въ особенности старая башня,—потомъ еще большой мощеный дворъ, гдѣ на солнопекѣ между камнями росло столько душистой ромашки, потомъ сарай, гдѣ такъ хорошо пахло экипажами и гдѣ въ старой дорожной кибиткѣ съ запахомъ какой-то особенной затхлой сырости такъ упоительно игралось въ «путеше-

ствіе». Потомъ еще чердакъ я считала особенно интереснымъ, заколдованнымъ царствомъ; туда нерѣдко водилъ меня потихоньку Лева съ Вилли Бергеромъ и тамъ, лазая по огромнымъ балкамъ, они разсказывали мнѣ разныя удивительныя исторіи про Тонтена. Въ домѣ я любила только свою комнату и большую темную библіотеку. Еще Луиза Карловна и Леонтина были, конечно, моими,—остальное же все было мнѣ чужое.

Старшихъ я почти всѣхъ боялась; въ гостяхъ же, со своими сверстницами, ненавидя замѣчаній гувернантокъ, вмѣшивавшихся во всѣ наши игры,—я чувствовала себя натянутой и неестественной и старалась контролировать каждое свое слово, каждый жестъ.

Зато въ «своемъ» маленькомъ мірѣ я бывала весела и безпечна.

Луиза Карловна не могла надивиться моей памяти и пылкому воображенію. Она не разъ даже рѣшалась говорить обо мнѣ моей матери, вниманіе которой, однако, всецѣло было поглощено ея первенцомъ — Левой, поражавшимъ всѣхъ удивительными дарованіями. Я сама съ величайшимъ благоговѣніемъ относилась къ нему и смиренно сознавала все свое ничтожество.

Когда Левѣ минуло 12 лѣтъ, въ домѣ начались безконечные разговоры о его образованіи и будущей карьерѣ. Разговоры эти, возбуждавшіе иногда бурные споры, длились почти два

года, и вотъ, наконецъ, было рѣшено отправить его въ Пажескій корпусъ въ Петербургъ.

Прощаясь съ Левой, я была ужасно растрогана, но Лева былъ какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда всякое выраженіе нѣжныхъ чувствъ считается позорнымъ.

— Пожалуйста, только не подымай рева,— терпѣть этого не могу.

Слова его сразу осушили мои глаза, но все же, въ припадкѣ нѣжности и грусти, а схватила его руку и поднесла къ губамъ.

— Лева! Что это значитъ,—воскликнула я:— твоя рука пахнетъ совсѣмъ какъ папашина.

— А ты что думаешь?.. Не даромъ же старый Иванъ мой первый другъ?

— Лева, откуда же запахъ сигары?

Онъ весело свистнулъ.

— Э, глупа ты еще, а то бы знала, что я уже давно бѣгаю курить къ дворнику въ сторожку. Ну, смотри же, не нюнь: весной я вернусь въ золотомъ мундирѣ и привезу съ собой товарищей. Пожалуйста, только безъ меня не сдѣлайся такой же кислятиной, какъ твоя нѣмчура.

Отъѣздъ Левы произвелъ въ домѣ страшную пустоту; всѣ пріуныли; потомъ мало-по-малу въ воздухѣ почувствовалась какая-то разладица; мама̀ стала очень раздражительна, нерѣдко приходила къ столу съ заплаканными глазами, изъ гостиной доносились длинныя объясненія съ от-

цомъ, послѣ которыхъ онъ запирался къ себѣ на весь день. Въ домѣ сталъ разноситься запахъ валеріановыхъ капель, и посѣщенія нашего домашняго доктора стали гораздо чаще.

Всюду шептались, и отъ каждаго почти, кому только я ни попадалась на глаза, я слышала все ту же фразу: «пойди милая, поиграй къ себѣ», и я забиралась въ свою комнату и сидѣла тихонько въ какомъ-нибудь уголкѣ, чуть слышно разговаривая со своими куклами.

Медленно и грустно прошла эта зима, и атмосфера въ нашемъ домѣ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе.

Наконецъ, въ 1874 году, отецъ мой поѣхалъ въ Петербургъ и черезъ нѣкоторое время увѣдомилъ насъ о своемъ переводѣ туда.

Это извѣстіе несказанно поразило меня. Неужели разстаться навсегда съ нашимъ домомъ, старой башней, сиреневой бесѣдкой? Неужели не видаться больше никогда, никогда съ Эльсбетъ и Олли? Глубокая, невыразимая грусть сжала мое сердце...

Въ домъ между тѣмъ внесли ящики, началась укладка, одна комната пустѣла за другой.

Прощай родина!

II.

Мнѣ было 11 лѣтъ, когда состоялся нашъ переѣздъ въ Петербургъ. Квартиру мы наняли на Сергіевской, большую и нарядную. Мама̀ отдѣлала ее особенно тщательно, чтобы съ января мѣсяца начать сезонъ. Дѣла ей было пропасть; надо было разыскать старыхъ знакомыхъ, возобновить прежнія связи, представиться ко двору,— однимъ словомъ, войти въ колею столичной жизни.

Среди всей этой новой обстановки, среди новыхъ лицъ я чувствовала себя совсѣмъ потерянной. Луизѣ Карловнѣ отказали за неимѣніемъ для нея комнаты. Леонтина уѣхала въ Швецію. Рѣшено было взять для меня гувернантку приходящую, а Еленѣ Васильевнѣ, камеръ-юнгферѣ мама̀, было приказано ходить и за мной. Для спальни были куплены двѣ очень изящныя кровати, изъ которыхъ одна предназначалась мнѣ. У одного изъ оконъ поставили для меня маленькій письменный столъ, а всѣ игрушки, переломанныя и за-

пачканныя, свалили въ уголъ полутемной шкапной. Пока шли поиски за гувернанткой, мама̀ всюду брала меня съ собою — и по магазинамъ, и въ гости, и вечеромъ къ родственникамъ, гдѣ нерѣдко засиживались часовъ до двухъ-трехъ. Съ Лёвой я видѣлась очень рѣдко. Къ нему въ кабинетъ мнѣ было строго-на-строго запрещено ходить, и какъ только я просовывала голову въ дверь съ тайнымъ желаніемъ поближе разсмотрѣть его военные доспѣхи, онъ сейчасъ же насмѣшливо командовалъ мнѣ:

— Налѣво кругомъ, маршъ. Прощайте,—кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ: — пожалуйста, прощайте.

Это отношеніе ужасно оскорбляло меня, и я уходила къ своему письменному столу или въ темную комнату, къ моимъ игрушкамъ, которыя мало-по-малу мнѣ удалось разобрать. Первое время куклы были для меня громаднымъ утѣшеніемъ, но и это счастіе длилось не долго. Въ одинъ прекрасный день, послѣ самаго сильнаго припадка къ нимъ любви и нѣжности, я вдругъ почувствовала какое-то необыкновенное чувство пустоты и скуки, которое точно клещами сжало мое сердце. И вотъ вечеромъ, когда я улучила минутку, чтобы забѣжать проститься съ моими дѣтьми, и нагнулась, чтобы поцѣловать ихъ, я вдругъ почувствовала, что щеки ихъ холодны и глаза смотрятъ безсмысленно и стеклянно. Я сѣла на полъ.

— Боже мой,—воскликнула я съ тоскою:— вѣдь это только куклы!

Да, это были только куклы, неспособныя понять меня, и я плакала и плакала надъ ними первыми, горькими слезами угасающей страсти. Цѣлую недѣлю послѣ того я не заходила въ шкапную. Потомъ я узнала, что Вѣрѣ, открывая дверку, прошибли голову, а Симкѣ разорвали нечаянно тѣло.

— Ужъ не бросить ли ихъ? предложила Елена Васильевна, позвавъ меня въ шкапную.—Куда беречь такой хламъ!

Оборванный Симка валялся на полу, а бѣдная Вѣра сидѣла еще на томъ мѣстѣ, гдѣ я оставила ее, только рядомъ съ ней лежалъ ея восковой лобъ съ содраннымъ свѣтлымъ парикомъ, а надъ носомъ висѣли вывернутые голубые глаза со свинцовыми шариками.

— Да, отвѣтила я:— конечно выбросьте ихъ, а Олечку можно отдать дочери нашего швейцара.

Я говорила очень равнодушно, но мнѣ казалось, что сердце мое превратилось въ камень.

— Только Бебе и Ташу я никому не отдамъ... И я тщательно уложила ихъ въ красный сундучокъ и попросила поставить его высоко-высоко, на ту полку, гдѣ держали картонки съ лѣтними шляпами.

Жизнь, между тѣмъ, въ нашемъ домѣ шла

очень оживленная; то и дѣло пріѣзжали старые знакомые, встрѣчи съ которыми бывали самыя неожиданныя, шумныя, и изъ гостиной слышался часто громкій смѣхъ и веселые разговоры. Родня, которой у насъ было очень много въ Петербургѣ, также охотно навѣщала насъ, и обѣды смѣнялись вечерами.

Только папà что-то сталъ прихварывать и иногда цѣлыми днями не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Старый камердинеръ Иванъ, постоянно дремавшій на стулѣ у дверей кабинета, не всегда впускалъ меня къ отцу.

Куда это вы, барышнечка, ваше превосходительство, говорилъ онъ, открывая глаза при шумѣ моихъ шаговъ: — къ папашѣ, вѣрно, за обѣдъ благодарить? Нельзя вамъ, сударушка, туда: они отдыхаютъ; не велѣно ихъ тревожить.

— Иванъ, развѣ папà очень боленъ?

— Папаша-то, гм... конечно больны, какъ же не больны, а вы, барышня, ваше превосходительство, идите теперь къ себѣ, а то мамаша увидятъ и спросятъ, чтò за разговоры такіе?..

Въ общемъ зима эта оставила во мнѣ самыя смутныя воспоминанія. Въ февралѣ я заболѣла. У меня сдѣлалась горячка, потомъ тифъ, длившійся почти два мѣсяца. Первое время моей болѣзни я была въ полномъ безпамятствѣ, потомъ, лежа въ полузабытьи, я, какъ во снѣ, помню отрывки разговоровъ, звуки вальсовъ, доносив-

шіеся изъ залы, звонки въ передней. Помню мамà одѣвающеюся на балъ во дворецъ, стоящую на простынѣ посреди комнаты въ нарядномъ платьѣ, окруженную озабоченными лицами портнихъ и горничныхъ. Помню, какими безконечными казались мнѣ безсонныя ночи, когда, въ ожиданіи мамà, Елена Васильевна съ экономкой сидѣли у лампы, вполголоса что-то горячо обсуждая. Потомъ помню выздоровленіе. Оно пошло послѣ долгихъ колебаній вдругъ, сразу, необыкновенно быстро. Мой толстый добродушный докторъ называлъ меня молодцомъ и гладилъ по рукѣ, а я улыбалась ему и чувствовала, какъ мнѣ послѣ долгаго времени хочется сразу и смѣяться, и ѣсть, и шалить.

Мамà подарила мнѣ коробку мармеладу, отецъ ласково щипалъ меня за щеку, а Лёва бросилъ мнѣ на постель какую-то грязную книгу и объявилъ, что я могу пользоваться его абонементомъ въ библіотекѣ. Я сразу и не поняла, чтò за громадное счастье таилось въ этихъ словахъ. Мамà разрѣшила мнѣ читать все, кромѣ русскихъ авторовъ, изъ отдѣла: «книги для юношества», и съ этой минуты кривобокая судомойка Анфиса стала совершать въ библіотеку правильные и частые рейсы. Фениморъ Куперъ, Майнъ-Ридъ, Диккенсъ, Бичеръ-Стоу, Алькотъ, нравственные романы съ англійскаго — все, все было къ моимъ услугамъ, а главное Жюль-Вернъ, который

послѣ Андерсена сталъ моимъ любимымъ и лучшимъ другомъ.

Въ началѣ мая мы всей семьей отправились за границу. Здоровье отца все болѣе и болѣе разстраивалось, да и мнѣ, по словамъ доктора, необходимо было перемѣнить климатъ.

Изъ этого путешествія я хорошо помню Брюллевскій замокъ въ Варшавѣ, гдѣ мы гостили у тети, съ его большими комнатами, полными преданій, и стариннымъ тѣнистымъ паркомъ. Помню опрятную Голландію, сѣрыя волны Нѣмецкаго моря, руины на Рейнѣ и наше пребываніе въ Эмсѣ, гдѣ въ это время лечился императоръ Александръ II и гдѣ всѣ, рѣшительно всѣ были подъ обаяніемъ его чарующей личности.

— Лулу, сказала мнѣ какъ-то мама̀ недовольнымъ голосомъ:—отчего ты всегда убѣгаешь, когда Государь говоритъ съ нами? Не забывай, что Онъ твой крестный отецъ и еще вчера спрашивалъ о тебѣ.

Я ничего не отвѣтила на это, потому что сама не понимала, отчего такъ боюсь Государя. Кажется я умерла бы со страху, еслибы онъ заговорилъ со мною. Только разъ, встрѣтивъ его верхомъ, я съ бьющимся сердцемъ рѣшилась поклониться ему со своего ослика, и Государь, улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ настоящимъ поклономъ, приподнявъ шляпу. То-то я была въ восторгѣ!

Въ Россію возвратились мы въ іюнѣ мѣсяцѣ

и остатокъ лѣта провели въ Петергофѣ въ одномъ изъ кавалерскихъ домиковъ, гдѣ намъ была отведена казенная квартира. Домъ нашъ снова сталъ наполняться гостями, въ особенности двоюродными братьями, пріѣзжавшими къ намъ изъ Краснаго Села. Высокіе и стройные, въ своихъ красивыхъ мундирахъ, они казались мнѣ какими-то сказочными принцами. Всѣ они очень нравились мнѣ, но любимецъ мой былъ черноокій Лоло. Я любила забраться къ нему на колѣни и разсматривать его аксельбанты, брелоки и часы, или же дергать его за длинные, по тогдашней модѣ, усы.

Въ свою очередь и я въ то лѣто пользовалась особеннымъ успѣхомъ у двоюродныхъ братьевъ.

— Маленькая провинціалочка, говорили они:— превратилась за границей въ настоящую сильфиду съ золотыми кудрями. Какъ выросла, какъ развернулась! beaucoup de charme. Ей-Богу!

И они привозили мнѣ конфектъ, цѣловали руку, и послѣ обѣда, когда не было дома папà, заставляли меня танцовать балетъ. Лева долженъ былъ играть, а Лоло—изображать заснувшаго въ лѣсу принца. И вотъ, смотря по мотиву, я начинала принимать трагическія позы передъ нимъ или безумно-весело кружиться, стараясь подражать разнымъ пá, видѣннымъ мною въ балетѣ; щедро награжденная аплодисментами,

я низко присѣдала, посылая всѣмъ самые нѣжные, воздушные поцѣлуи.

— Quelle grâce, quelle grâce! Увѣряю васъ, ma tante, это — будущая Тальони или Гризи.

Мамà хмурилась, стараясь скрыть улыбку:

— Вы совсѣмъ испортите мнѣ мою Лулу.

А я складывала все слышанное въ моемъ сердцѣ и вечеромъ, лежа въ постели, и, хорошенько укутавшись въ одѣяло, мечтала о томъ, какъ я сдѣлаюсь со временемъ танцовщицей или, чтó еще лучше, наѣздницей въ циркѣ и буду, въ розовомъ трико и пышной юбочкѣ, вольтижировать и скакать на лошади; вообще циркъ и балетъ какъ бы реализировали для меня всѣ мои фантастичныя сказочныя грезы. И вотъ, начиная понемногу подготовляться къ моей будущей карьерѣ, я выпросила у Елены Васильевны старый бальный лифъ моей матери, остатки лентъ и пестрыя тряпочки и, устроивъ изъ всего этого какой-то необыкновенный костюмъ, я изображала пà, позы и прыжки на низкомъ креслѣ въ уборной, которое, казалось мнѣ, очень напоминало сѣдло.

Въ эту же осень были привезены въ Петербургъ изъ деревни два кузена: Ляля и Котя, съ которыми я очень скоро подружилась и которые особенно горячо стали сочувствовать моимъ планамъ и стремленіямъ. Ляля, добродушный, голубоглазый маленькій пажъ, былъ однихъ лѣтъ

со мной; Котя, серьезный и задумчивый, былъ на два года старше, онъ былъ отданъ въ одну изъ модныхъ гимназій, и оба они приходили къ намъ въ отпускъ по субботамъ и воскресеньямъ.

— Когда ты выростешь, говорила я Лялѣ: — ты непременно долженъ также поступить въ балетъ и, знаешь, ты на сценѣ будешь держать меня за талію.

— Я буду всѣмъ, чѣмъ ты пожелаешь, милая Лулуша, послушно отвѣчалъ Ляля.

Между тѣмъ время шло; насталъ ноябрь и мамà начала серьезно подумывать о моемъ ученіи.

— Tu n'apprends done vraiment rien Louloutte, говорила она часто, возвращаясь со мною поздно вечеромъ изъ гостей.

Послѣ долгихъ совѣщаній судьба моя, наконецъ, рѣшилась. Съ новаго года я должна была поступить въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, а до тѣхъ поръ велѣно было водить меня въ сосѣднюю нѣмецкую школу.

Въ началѣ февраля долженъ былъ праздноваться юбилей отца, и въ домѣ шли самыя лихорадочныя приготовленія. Въ торжественный этотъ день я просидѣла все утро въ спальнѣ мамà, прислушиваясь къ шуму и говору, долетавшему до меня изъ сосѣднихъ комнатъ. Только изрѣдка впопыхахъ кто-нибудь изъ людей врывался въ комнату за забытой вещью, да

часа въ два старый Иванъ принесъ завтракъ на подносѣ и, поставивъ его на столъ, почтительно поцѣловалъ мнѣ руку.

— Извольте кушать, ваше высокопревосходительство.

Я удивленно посмотрѣла на него.

— Какъ же-съ, папаша-то вѣдь чинъ получили, сударушка вы моя.

Вечеромъ намъ, дѣтямъ, было позволено присутствовать на раутѣ. Ляля не отходилъ отъ меня, и мы имѣли съ нимъ самый неожиданный и блестящій успѣхъ. Насъ ласкали, нами восхищались: «Adorables ces deux enfants!»

И мы, сидя рядомъ въ большомъ старинномъ креслѣ, сіяли счастьемъ.

Поздно вечеромъ, когда я шла спать, Ляля догналъ меня въ коридорѣ и у самой двери съ матовымъ стекломъ торжественно предложилъ мнѣ руку и сердце.

— Ляля, сказала я серьезно: — помнишь, надняхъ говорили за обѣдомъ, что мужъ долженъ быть старше жены.

— Вотъ глупости, ты должна быть моей женой, Лулуша, иначе я умру съ горя.

Я молча протянула ему руку; онъ упалъ передо мной на колѣни и поклялся мнѣ въ вѣчной любви.

Между тѣмъ, здоровье отца становилось все хуже и хуже. Утомившись въ день юбилея, онъ

чувствовалъ себя всѣ послѣдующіе дни очень плохо и не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Въ домѣ поднялась тревога. Докторъ сталъ ѣздить по два раза въ день, потомъ назначенъ былъ консиліумъ изъ лучшихъ профессоровъ, объявившихъ положеніе отца опаснымъ.

Въ комнатахъ появилась сестра милосердія съ большимъ краснымъ крестомъ на груди, двери на лѣстницу больше не запирались, и знакомые и родные входили безъ доклада, на цыпочкахъ, въ залу узнавать о здоровьи больного; во всѣхъ углахъ таинственно шептались бѣдныя родственницы, а старый Иванъ какъ-то весь осунулся и пожелтѣлъ. Мама̀, страшно взволнованная, постоянно плакала и суетливо расхаживала по комнатамъ. Лева былъ задумчивъ и блѣденъ, а я цѣлыми днями сидѣла у своего столика въ ожиданіи чего-то ужаснаго.

20-го апрѣля моего отца не стало.

Я какъ сейчасъ помню этотъ день. Было 7 часовъ вечера, когда мама̀ вошла въ спальню и, молча взявъ меня за руку, повела въ залу. Несмотря на опущенныя шторы, вся комната была залита ярко краснымъ свѣтомъ заката. Въ правомъ углу на длинномъ узкомъ столѣ лежалъ папа̀.

Я содрогнулась.

— Посмотри же на своего папашу, сказала мама̀, обливаясь слезами.

Я подошла ближе и рѣшилась взглянуть на его лицо. Оно казалось совершенно моложавымъ: вся болѣзненная одутловатость послѣднихъ лѣтъ совершенно исчезла, и выраженіе какого-то радостнаго покоя разлилось на немъ. Вечерняя заря понемногу гасла, а я все стояла въ сгущавшихся сумеркахъ и чувствовала, что въ душѣ моей происходитъ что-то особенное; мнѣ казалось, что сейчасъ я пойму что-то великое, святое, о чемъ я прежде никогда не думала.

— Лулу, гдѣ Лулу? крикнулъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ.—Пора чай пить.

Я вздрогнула.

— Да гдѣ же Лулу?

Надо было идти. И какъ только я вышла изъ залы, на меня снова хлынула вся суета жизни.

Кого только было возможно, разсылали во всѣ концы города, несмотря на поздній часъ.

Необходимо было тотчасъ дать знать о случившемся въ министерство, послать въ редакцію, заказать гробъ, гербы, трауръ и т. п.

Была минута, когда ужасъ смерти охватилъ меня съ страшной силою, но меня позвали выбирать фасонъ траурнаго платья, и разговоръ съ портнихой совершенно разсѣялъ меня.

На другой день съ утра растворили всѣ двери на лѣстницу, и мужики, перебраниваясь, съ шумомъ стали вносить въ залу кадки съ растеніями;

обойщики занавѣшивали зеркала; лакеи накрывали длинный столъ; всѣ торопились; къ часу была назначена панихида.

Рано утромъ въ день похоронъ принесли черныя платья; я въ первый разъ въ жизни одѣла трауръ, и это поглотило почти все мое вниманіе. Въ особенности крепъ на шляпѣ нравился мнѣ. Модистка сказала, что онъ чудесно оттѣняетъ мои золотые волосы, черные шелковые чулки такъ красиво обтягивали ноги, и я представляла себѣ, какъ я буду идти за гробомъ подъ-руку съ Лоло, и какъ всѣ окружающіе будутъ смотрѣть на меня. «Pouvre orpheline»,—скажутъ они. И когда меня послали въ каретѣ совсѣмъ одну за духами на Невскій, я все смотрѣла въ окно и представляла себѣ, что всѣ прохожіе думаютъ тоже: «бѣдная дѣвочка, — такъ рано осталась сиротой».

На Литейной, между тѣмъ, движеніе было пріостановлено, войска выстраивались шпалерами, на тротуарахъ толпился народъ.

Когда я вернулась домой, комнаты были переполнены знакомыми. Черезъ цѣлое море мундировъ и лентъ пробралась я въ залу.

Послѣ краткой литіи, товарищи и друзья отца подняли гробъ и медленно стали выносить его.

Всѣ хлынули на подъѣздъ, съ улицы раздался рѣзкій, сухой звукъ барабана.

Я не пролила ни одной слезы въ этотъ день; я помню только, что траурный маршъ надрывалъ мнѣ сердце и, когда гробъ опустили въ могилу и первая горсть земли глухо ударилась о крышку — я вздрогнула и отошла.

Шесть недѣль спустя мы уѣхали на все лѣто въ имѣніе дяди, въ Смоленскую губернію.

III.

Прошло три года. Мнѣ минуло 15 лѣтъ, но я все еще была похожа на маленькую дѣвочку; за это время я почти совсѣмъ не выросла и, по тогдашней модѣ, носила совсѣмъ короткія платья съ широкимъ кушакомъ ниже таліи.

Мы попрежнему жили на Сергіевской. Въ пансіонъ меня не отдали; мама говорила, что я слишкомъ слаба здоровьемъ. Гувернантки и учителя приходили ко мнѣ на домъ. По субботамъ уроки мои кончались рано, и съ трехъ часовъ уже я бродила по комнатамъ, поджидая «мальчиковъ»; Лева, уже вышедшій въ офицеры, пріѣзжалъ въ этотъ день изъ Петергофа вмѣстѣ съ Лоло; Ляля и Котя приходили въ отпускъ. Но часто время тянулось-тянулось безконечно и никто не пріѣзжалъ.

Отъ скуки я забиралась въ дѣвичью къ Ѳенѣ, красивой, недавно поступившей къ намъ камеръ-юнгферѣ.

— Хоть бы въ карты погадать!

Ловкимъ движеніемъ «опроставъ» уголокъ стола, Ѳеня доставала изъ засиженной мухами жестяной коробки старую колоду картъ.

— На кого прикажете, на бубновую даму? Или на короля можетъ быть?

— Ну—на короля!

Ѳеня любила гадать до сладострастія. Поднявъ кверху указательный палецъ правой руки она быстро тасовала и эти жирныя обильно смоченныя слюною карты какъ-то особенно шлепались объ столъ: для себя, для дома, для сердца, что будетъ, что случится, сердце успокоится!

— Любитъ-то одну, а бываетъ у другой... вонъ она пиковая, пожилая, должно быть злючка.

— Пожилая? кто жъ бы это могъ быть?

Ѳеня заливалась звонкимъ смѣхомъ.

— Мало ли кто! барчуки-то отчаянные, мало ли куда заѣдутъ.

Я навостряла уши.

— Вотъ хоть бы на послѣднемъ мѣстѣ я жила, также трое тамъ было барчуковъ... Стрекулятники! Такъ они бывало съ одиннадцати лѣтъ по кокоткамъ ѣздили...

Наконецъ, часовъ въ 5 являлся Ляля.

— Что это ты такъ поздно?

— Я ѣздилъ съ товарищами завтракать.

— И вовсе нѣтъ! Я отлично знаю гдѣ ты былъ— у кокетки!

— У кого?

— У кокетки, да еще у старой! Ты долженъ мнѣ сейчасъ же во всемъ признаться.

— Лулуша, дай разцѣловать твои ручки, не сердись только, я право все, все тебѣ скажу!

— Ну говори сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ не теперь,—потомъ,—вечеромъ.

— Ну, а какъ ты учился, ужъ, навѣрно опять плохо? А знаешь, — вспоминала я вдругъ, — я могу теперь перекувырнуться три раза не касаясь пола.

И, взявшись за руки, мы бѣжали въ столовую, гдѣ въ аркѣ висѣли кольца.

Между тѣмъ пріѣзжалъ Котя.

— Что̀, княжна Алексъ будетъ вечеромъ?— спрашивалъ онъ меня, здороваясь.

Я кивала головой.

Вдругъ въ передней раздавался продолжительный звонокъ.

— Ну, ужъ это навѣрно мама̀,—говорила я съ ужасомъ.

Ляля и Котя мигомъ скрывались въ комнату Левы, а я бѣжала къ своему письменному столу и, схвативъ первую попавшуюся книгу, сидѣла, будто бы вся погруженная въ чтеніе.

Входила мама̀.

— Неужели нѣтъ еще миссъ Уайтъ?—спрашивала она недовольнымъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаю я равнодушно.

*

— Значитъ, ты одна съ мальчиками?

— Я только здоровалась съ ними.

— Что это за книга,—покажи.

Отдѣлъ для юношества былъ давно прочитанъ мною въ библіотекѣ, и мамà давала мнѣ книги изъ своего шкапа. Русскіе авторы были мнѣ все еще поголовно запрещены, а изъ иностранныхъ перепадали только тѣ книги, въ которыхъ не встрѣчалось слово «любовь».

— Я тебѣ развѣ позволила читать эту книгу?

— Да, позволили! Помните, вчера утромъ я показывала вамъ ее.

Мамà пристально смотрѣла на меня.

— Отчего ты такъ блѣдна?

— Право, не знаю.

Если я видѣла, что мамà не въ духѣ, я старалась сидѣть, какъ можно тише, чтобы не обращать на себя вниманія. Въ головѣ у меня вертѣлась одна только мысль: «Ну, что это не идетъ миссъ Уайтъ! Не придетъ она, и мамà останется вечеромъ дòма—и тогда прощай наши игры, и Алексъ какъ будетъ скучать!»

Алексъ была моя подруга, прелестная 17-тилѣтняя дѣвочка, съ большими карими глазами, большая кокетка, умѣвшая чарующе опускать свои длинныя черныя рѣсницы. Всѣ мальчики были безъ ума отъ нея. Лева писалъ ей письма отъ моего имени, въ которыхъ нѣжно обнималъ и цѣловалъ ее. Котя постоянно носилъ на груди

ея карточку, украденную у меня; Лоло старался во что бы то ни стало попасть къ намъ въ субботу, а сердце бѣднаго Ляли разрывалось на части.

— Лулуша, — говорилъ онъ: — я весь дрожу. Вѣдь это грѣхъ, большой грѣхъ, что я, твой будущій мужъ, засматриваюсь на нее.

— Это ничего, Ляля, — утѣшала я. — Только сдѣлай мнѣ большое одолженіе: поцѣлуй ее, но такъ, чтобы всѣ видѣли. Ты еще маленькій, она тебѣ проститъ, а остальные просто съ ума сойдутъ отъ зависти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не рѣшусь.

— Вотъ глупости, ты подойди и чмокъ ее въ щеку.

— Ахъ, нѣтъ!

— Ляля, для меня, — слышишь?

Алексъ бывала у насъ учень охотно и всегда увѣряла меня въ своей дружбѣ, но я отлично знала, что сердце ея всецѣло принадлежитъ Левѣ. Къ шести часамъ всѣ, наконецъ, понемногу собирались. Послѣ обѣда, который, если не бывало гостей, проходилъ большей частью очень натянуто: — мама̀ ложилась ненадолго отдыхать; я же съ самымъ смиреннымъ видомъ садилась съ миссъ Уайтъ къ своему столику и вполголоса читала ей что-нибудь по-англійски; мальчики забирались въ кабинетъ Левы, и въ домѣ воцарялась полная тишина. Часовъ въ 8 просыпалась мама̀ и звала къ себѣ Леву.

— Скажи, пожалуйста, — спрашивала она: — гдѣ ты будешь сегодня вечеромъ?

— Я? говорилъ равнодушно Лева, покручивая свои усики:—вѣроятно, проѣду вмѣстѣ съ Лоло во французскій театръ.

— И отлично сдѣлаешь. Скажи, чтобы Ляля и Котя хорошенько приготовляли уроки, дѣвочки пусть сидятъ съ миссъ Уайтъ и читаютъ, а я поѣду немного разсѣяться къ сестрѣ Nadine.

Вскорѣ послѣ отъѣзда мама̀ въ передней раздавался звонокъ... Алексъ!!

И мы гурьбой бросались въ переднюю здороваться съ нею.

— Здравствуй, другъ мой, какъ я рада тебя видѣть, говорила я, цѣлуя ее нарочно какъ можно нѣжнѣе.

— А мнѣ можно? спрашивалъ Лева по-англійски.

— Что! говорила Алексъ, принимая самый строгій видъ.

— Что же тутъ такого? Если Лулу можно, то отчего же мнѣ нельзя?

— Vous êtes un gros imbécile, отвѣчала Алексъ, гордо проходя мимо него.

— Ого, славно тебѣ досталось. Ужасный онъ медвѣдь, неправда ли, княжна? говорилъ Лоло.— Позвольте мнѣ вашу руку, я проведу васъ въ залу.

— Съ чего это вы взяли, что я буду ходить

съ вами подъ-руку? возражала Алексъ съ негодованіемъ и шла здороваться съ миссъ Уайтъ. Принявъ самый офиціальный видъ, нарочно, чтобы подразнить насъ, она затягивала разговоръ съ нею какъ можно дольше, а мы всѣ стояли кругомъ, сгорая отъ нетерпѣнія.

— Когда же мы начнемъ играть, говорила я наконецъ жалобно:—ужъ такъ поздно.

— Играть? Во что?

И Алексъ дѣлала самые наивные глаза.

— Въ прятки, конечно въ прятки, кричали мы.

Но прежде всего необходимо было занять миссъ Уайтъ. Мы усаживали ее въ столовой, ставили передъ ней большую вазу съ фруктами и предлагали ей прочесть только-что вышедшій французскій романъ; потомъ мы сами тушили лампы въ нѣкоторыхъ комнатахъ и бѣжали прятаться въ голубую гостиную.

— Смотри же, иди меня спасать, только когда я позову, говорила Алексъ.

— Хорошо, хорошо, я знаю... Тс... Въ залѣ шаги, идутъ.

Входилъ Лева.

— И куда это онѣ спрятались?

Свѣтъ отъ уличнаго фонаря, падая полоской на коверъ, едва освѣщалъ комнату, и Лева начиналъ осторожно пробираться между креслами.

— Тутъ нѣтъ, и тутъ нѣтъ, да гдѣ же онѣ?

Нигдѣ не могу найти. А... а... Вотъ вы гдѣ. Ну, вотъ я васъ и нашелъ.

И онъ опускался на колѣни рядомъ съ Алексъ.

Я тихо, затаивъ дыханіе, выползала изъ моего угла, чтобы подсмотрѣть, что̀ они тамъ будутъ дѣлать; невдалекѣ пробирался еще кто-то, почти ползая на животѣ,—это былъ Котя.

— Ну, я очень радъ тебя видѣть, милая Алексъ, слышался шопотъ Левы.

— Какъ вы можете говорить мнѣ «ты»?

— Это ничего, вѣдь мы друзья дѣтства. Помнишь, когда ты была маленькая и сидѣла на заборѣ, а я стоялъ и смотрѣлъ на тебя.

— Ахъ, замолчите, пожалуйста, я съ вами и говорить-то не хочу.

Лева молча придвигался къ ней все ближе и протягивалъ къ ней руки.

— Что это за руки, говорила она:—уберите руки!

И она начинала изо всѣхъ силъ бить по нимъ; но Лева придвигался все ближе и ближе.

— Не бейте меня, говорилъ онъ отрывистымъ голосомъ:—не то...

— Ну, что—не то?

— Возьму и поцѣлую васъ.

— Нѣтъ, не посмѣете.

— Нѣтъ, посмѣю!

Лева протягивалъ къ ней губы, но Алексъ звонко ударяла его по щекѣ.

— Ахъ, если такъ, кричалъ онъ:—то увидите, что̀ будетъ.

Но тутъ мы всѣ, откуда ни возьмись, набрасывались на Леву, и у насъ начиналась ожесточенная борьба. Мы вырывали Алексъ изъ объятій Левы. Наконецъ, выбившись изъ силъ, растрепанные и смѣющіеся, мы шумно высыпали въ столовую.

— C'est si gentil, quand les enfants jouent, говорила миссъ Уайтъ, на минуту поднимая голову и снова погружаясь въ чтеніе: «very nice indeed!» (очень мило, право!)

Иногда мы прятались въ залѣ подъ большимъ столомъ, покрытымъ тяжелой бархатной скатертью, и Лева дѣлалъ видъ, что не зналъ, кого нашелъ.

— Кто же это такое? Нѣтъ, не знаю...

Но тутъ снова раздавался ударъ по его щекѣ, и въ темнотѣ слышались визгъ и возня.

Послѣ чая Лева съ Алексъ садились играть на фортепіано въ четыре руки.

— Иди скорѣй одѣваться, кричала я Лялѣ:— сейчасъ мы будемъ танцовать съ тобою балетъ.

Я поспѣшно бѣжала въ шкапную и наряжалась въ костюмъ «Снѣгурочки», оставшійся у меня отъ послѣдняго костюмированнаго вечера. Я очень любила это платье, но больше всего мнѣ нравились бѣлыя туфли безъ каблуковъ и ажурные чулки.

Костюмъ Ляли для нашихъ субботнихъ балетовъ мнѣ пришлось устроить самой. Онъ состоялъ изъ моей лѣтней кофточки, короткихъ панталонъ, передѣланныхъ изъ ситцевой юбки, очень длинныхъ бѣлыхъ чулокъ и башмаковъ мамà, утащенныхъ изъ уборной, которые, къ сожалѣнію, пришлось подрѣзать на подъемѣ, такъ какъ Ляля увѣрялъ, что они ужасно жмутъ ему ногу.

Подведя жженой пробкой глаза и нарумянившись губной помадой, я выскакивала въ залу.

— Ну, какой балетъ? спрашивалъ Ляля, поправляя постоянно слѣзавшіе чулки.

— Komm herab, du schöne Holde, отвѣчала я.

Это былъ мой любимый балетъ, сочиненный на стихи Шиллера. Въ немъ изображалась любовь средневѣковаго рыцаря къ молодой дѣвушкѣ, владѣтельницѣ чуднаго замка.

Въ первомъ дѣйствіи я садилась на качели и принимала задумчивыя позы: это она въ своемъ саду. Во второмъ я влѣзала на старинныя оранды и гуляла по полкамъ: она бродитъ въ лунную ночь на берегу Рейна. Въ третьемъ я танцовала и ускользала изъ объятій рыцаря. Въ четвертомъ и послѣднемъ я забиралась на самую верхушку большого буфета и за глухо трепетавшей рѣзьбою выдѣлывала воздушные па̀, томно поднимая глаза кверху, между тѣмъ какъ тамъ внизу, стоя на колѣняхъ, изнывалъ мой рыцарь.

Komm herab, du schöne Holde,
Und verlass Dein stolzes Schloss...

Въ половинѣ двѣнадцатаго за Алексъ пріѣзжала карета, мы снова бѣжали всѣ вмѣстѣ въ переднюю и, наперерывъ, принимались одѣвать ее. Лева въ особенности долго натягивалъ ей теплые сапоги.

Послѣ отъѣзда княжны, лицо Левы—весь вечеръ лоснящееся и веселое—вдругъ принимало сухое, равнодушное выраженіе; онъ хмурилъ брови и, строго взглянувъ на Лялю и Котю, посылалъ ихъ спать.

— Идите-ка теперь къ себѣ, ужъ поздно, а мы съ Лоло проѣдемся немного. Что ты на это скажешь, а?

Лоло охотно соглашался, а мальчики исчезали въ свою комнату.

— Елена Сергѣевна, пожалуйте спать, говорила въ дверяхъ Ѳеня:—не то, пожалуй, скоро и генеральша пріѣдутъ, браниться будутъ.

— Ну, разскажите мнѣ что-нибудь интересное, говорила я въ то время, какъ она расчесывала мнѣ волосы.—Вотъ вы вчера не досказали мнѣ про ту барышню, которая убѣжала съ гусаромъ. Что же потомъ было?

— А что же потомъ? Бросилъ онъ ее, вотъ что.

— Бросилъ? Какъ же бросилъ?

— Такъ вотъ и бросилъ. Ступай, молъ, откуда

пришла, много васъ такихъ, и денегъ давать пересталъ.

— А зачѣмъ же деньги?

— А какъ же! Ѣсть, пить-то надо?

И Ѳеня отъ одного разсказа переходила къ другому и съ величайшимъ наслажденіемъ описывала мнѣ романы всѣхъ своихъ бывшихъ господъ. Я слушала и видѣла въ зеркалѣ, какъ широко и испуганно раскрывались мои глаза. Многаго я совсѣмъ не понимала, но тщательно это скрывала. Иногда только я съ видомъ знатока незамѣтно вставляла вопросы.

Послѣ такихъ разговоровъ я всегда ощущала какое-то недовольство.

«Можетъ быть это грѣхъ такъ разговаривать съ людьми?—думала я.—Впрочемъ, что за глупости. Всѣ вѣдь такъ дѣлаютъ—и кузины и знакомыя дѣвочки. Нѣкоторыя даже пьютъ съ горничными пиво или посылаютъ ихъ тихонько съ разными письмами,—такъ что же я-то дѣлаю такого?»

— Лулуша, спрашивала меня ночью, вернувшись домой, мамà:—были вы сегодня пай?

— Да, мамà.

— А что, Лева и Лоло были дòма?

— Нѣтъ, они уѣзжали.

— А мальчики?

— Они рано ушли спать.

— Что же, тебѣ было весело?

— Ничего особеннаго, отвѣчала я, будто сдерживая зѣвоту.

— Ужъ право не знаю, отчего ты такъ равнодушно относишься къ Алексъ, говорила мамà:— она прелестная дѣвочка, такъ мило воспитана, такія у нея покойныя манеры; она можетъ имѣть на тебя только самое лучшее вліяніе.

На другой день молодежь вставала очень поздно. Только часамъ къ 12-ти выходили они изъ своихъ комнатъ.

Лева бывалъ большею частью очень въ ударѣ, разсказывалъ анекдоты, повидимому самые простые, но почти каждое слово его покрывалось взрывомъ смѣха; нѣмка-экономка, разливавшая чай, опускала глаза и старательно вытирала чашки, а мнѣ почему-то становилось неловко. Когда же разговоръ переходилъ на молодыхъ дѣвушекъ, и мальчики начинали острить надъ ними, въ особенности же надъ бѣдной Алексъ,—я чувствовала, какъ въ груди моей закипала злоба. Всѣ сидящіе за столомъ становились мнѣ невыразимо противны.

Молча выпивъ свой чай, я сейчасъ же уходила въ синюю гостиную и, усѣвшись на диванѣ, предавалась самому сильному негодованію.

Какъ они отвратительны: на столѣ накрошили, на блюдечкахъ пепелъ и окурки, локти на столѣ. При мамà, небось, не смѣли бы себя такъ вести. А лица-то, лица? Одинъ Ляля чего стоитъ? Весь

изгибается отъ глупаго, пошлаго смѣха. И какая низкая неблагодарность; вчера веселились, а сегодня насмѣхаются. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я-то никогда ни въ кого не влюблюсь. Je connais trop bien les hommes.

И днемъ, когда къ намъ заѣзжали съ визитомъ пажи и лицеисты, я бывала съ ними особенно сдержанна и холодна.

— У тебя вмѣсто сердца кусокъ льда, говорилъ Ляля.

И чуть только мы оставались одни, онъ старался притянуть меня къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила я:—ты мнѣ противенъ.

— Лулуша! Я? Твой будущій мужъ?

— Да, ты, и мнѣ больше не хочется быть твоей женой.

На большихъ голубыхъ глазахъ Ляли навертывались слезы; онъ бросался на колѣни и молилъ о прощеніи до тѣхъ поръ, пока я не смягчалась, и, если мама̀ не было дома, онъ требовалъ, чтобы мы шли молиться передъ большой образницей въ спальнѣ о томъ, чтобы Богъ благословилъ нашъ будущій союзъ. Вечеромъ, въ знакъ примиренія, я укладывала въ его портфель съ книгами какъ можно болѣе фруктъ и конфектъ, которыя потихоньку давала мнѣ экономка.

Въ девятомъ часу мальчики разъѣзжались. Подъ

всевозможными предлогами старалась я отклонить предложеніе мамà ѣхать въ гости и бывала въ восторгѣ, когда мнѣ удавалось остаться совсѣмъ одной дома. Мнѣ очень нравилось одиночество. Я любила ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, по неосвѣщенной залѣ и думать о будущемъ. Я все старалась рѣшить, чѣмъ я буду, когда выросту.

Особенно ярко вспоминается мнѣ одинъ вечеръ, когда, какъ молнія, меня озарила новая блестящая идея,—я рѣшилась сдѣлаться писательницей. Учитель русскаго языка, читая мои сочиненія, вѣдь не разъ говорилъ мнѣ, что со временемъ ему придется гордиться тѣмъ, что онъ давалъ мнѣ уроки.

Что если я, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаюсь писательницей? Тогда вѣдь и мамà, и кузины, и знакомые также всѣ будутъ гордиться мною. Хорошо было бы быть знаменитой!

О моихъ сочиненіяхъ говорили бы всѣ, и одни спрашивали бы у другихъ: «читали-ли вы Елену Толимову?» или: «У васъ въ шкапу вся Толимова?» «Нѣтъ, только половина». Или: «Надо непремѣнно купить Толимову». Но какъ приняться за писанье? Не спросить ли у Ляли? Да нѣтъ, что онъ знаетъ? Ужъ я лучше сама начну писать,— только что?

И, перебравъ нѣсколько темъ, я наконецъ радостно подпрыгнула.

— Я знаю! Нашъ первый пріѣздъ въ деревню. Это самая счастливая минута моей жизни.

Я никогда не забуду, какъ послѣ длиннаго 48-часового путешествія въ душномъ, пыльномъ вагонѣ, мы, наконецъ, поздно вечеромъ вышли изъ поѣзда на маленькомъ одинокомъ полустанкѣ, какъ съ шумомъ отошелъ поѣздъ, и потомъ вдругъ сразу стало такъ тихо-тихо, только бубенчики звучали какъ-то особенно гулко на упряжи лошадей, пока мы усаживались въ огромную старинную коляску. Потомъ надо будетъ описать ароматный воздухъ полей и лѣсовъ, потомъ чье-то имѣніе, черезъ которое мы проѣзжали, гдѣ на насъ лаяли собаки и свѣтился огонекъ въ домѣ; потомъ — дядю съ большой бѣлой бородой и тетю, такую тихую, торжественную. Какъ я любила, когда она вечеромъ входила ко мнѣ и дотрогивалась своей свѣжей рукой до моего лба! А старинный деревенскій домъ? А паркъ? А эту ночь въ день нашего пріѣзда, когда я никакъ не могла заснуть и все сидѣла на окнѣ и смотрѣла вдаль. На разсвѣтѣ поднялся туманъ надъ озеромъ, липы точно замерли въ душистомъ воздухѣ, а въ кустахъ щелкалъ и пѣлъ соловей...

— Елена Сергѣевна, спать пора: ужъ первый часъ.

Я вздрогнула.

Что̀ вы, Ѳеня, неужели такъ поздно?

— Да какъ же не поздно. А вотъ... барышня,

я хотѣла вамъ предложить... Вы вотъ любите танцовать... Мы все на васъ въ щелочку смотримъ, какъ вы это ловко ножками трипаете. Такъ вотъ у меня есть братъ, въ балетѣ служитъ, онъ, положимъ, что не родной братъ, двоюродный мнѣ приходится, сродственникъ, однимъ словомъ, такъ не позволитъ ли мамаша, чтобъ онъ приходилъ вамъ уроки давать. Онъ не дорого возьметъ, а если мамаша не позволятъ, такъ можно и такъ его звать по субботамъ,—вѣдь никто не передастъ.

Я почувствовала, какъ отъ неожиданнаго счастья вся кровь прилила мнѣ къ щекамъ.

— Ѳеня,—воскликнула я, всплеснувъ руками:—и неужели онъ умѣетъ ходить на носкахъ?

— А то какъ же, милая барышня, вѣдь не даромъ же онъ въ балетмейстерахъ живетъ.

IV.

Въ 16 лѣтъ я была объявлена «grande demoiselle». Кувыркаться мнѣ окончательно запретили, и кольца въ столовой были сняты.

M-me Annette принесла мнѣ мое первое длинное платье.

— Trop peu de buste,—говорила она, неумолимо затягивая мнѣ легкія въ новый корсетъ:— mais cela viendra, nous sommes, encore si jeune, si jeune!

Мои волосы, густые и непослушные, Ѳеня должна была подъ наблюденіемъ парикмахера научиться причесывать по-модному. Ихъ съ трудомъ зачесали кверху и, закрутивъ тесемкой, закололи большими шпильками.

— Батюшки,—закричалъ Ляля, увидавъ меня:—совсѣмъ барышня! А знаешь ли, ты прежде лучше была! То же нашли и другіе, въ особенности Лоло былъ недоволенъ.

— И зачѣмъ это веселыя ножки спрятали?—говорилъ онъ.—Жаль, ужасно жаль!

Я сама чувствовала себя совсѣмъ зашибленной. На танцовальныхъ вечерахъ мазурка проходила для меня уже безъ прежняго бурнаго успѣха. Я особенно хорошо танцовала ее съ Лоло, и старшіе до сихъ поръ всегда вставали изъ-за своихъ карточныхъ столовъ, чтобы придти полюбоваться мною.

Маленькая проходная гостиная была обтянута розовымъ кретономъ и предназначена лично мнѣ. Тамъ, погруженная въ чтеніе, я просиживала цѣлые дни, поджавъ ноги, на розовой кушеткѣ Мама̀ позволила мнѣ брать какія угодно книги изъ ея библіотеки, которая состояла исключительно изъ французскихъ авторовъ прошлаго вѣка; такимъ образомъ я познакомилась со многими классиками и даже съ большимъ вниманіемъ читала Босюэта. Времени на чтеніе у меня было пропасть. Къ новому году мама̀ отказала̀ всѣмъ моимъ учителямъ и учительницамъ, и только миссъ Уайтъ должна была приходить три раза въ недѣлю гулять со мною по набережной. Вечера по субботамъ она по прежнему проводила съ нами, и субботы наши въ томъ году стали необыкновенно оживлены. Лева предложилъ намъ устроить въ аркѣ, гдѣ прежде висѣли блаженной памяти мои кольца, настоящій театръ съ декораціями. Мама̀ позволила Левѣ водвориться въ бывшей спальнѣ отца, гдѣ на дверяхъ немедленно появилась большая надпись: «Театраль-

ная дирекція. Входъ постороннимъ лицамъ строго воспрещается».

Коверъ былъ снятъ, мебель составлена въ сторону, и Лева расписывалъ клеевыми красками громадные холсты. Сюжеты нашихъ живыхъ картинъ были самые разнообразные. Алексъ очень любила жанръ Вато, кузина Lise—идиллію, а я—средніе вѣка. Въ театральной дирекціи у меня завелся большой старинный сундукъ, куда я складывала всевозможныя вышедшія изъ моды платья и шляпы, возрождавшіяся потомъ въ стилѣ извѣстнаго вѣка. Въ гостиной на столѣ лежала книга Histoire du costume a travers les siècles, картинками которой мы всегда руководствовались. Въ теченіе зимы намъ удалось устроить нѣсколько представленій, имѣвшихъ большой успѣхъ у старшихъ.

Какъ разъ въ ту зиму въ домѣ нашемъ появилась одна бѣдная родственница Жюли, питавшая ко мнѣ какое-то особенно восторженное чувство. Она посвящала мнѣ стихи и кружила голову всевозможными похвалами.

— Когда я смотрю на васъ,—говорила она часто: — я точно снова возрождаюсь. Я была совсѣмъ такая же многообѣщающая, интересная дѣвочка...

И она разсказывала мнѣ про свою молодость, про сказочную роскошь въ домѣ ея отца, и свою прежнюю наружность, когда золотые локоны

окаймляли ея веселое личико, а большіе голубые глаза стѣтились счастьемъ и юностью.

Я внутренно содрагалась: неужели было время, когда эта ужасная старуха съ поблекшими щеками и рыжимъ парикомъ сіяла счастьемъ и юностью!

Жюли существовала уроками. До тѣхъ поръ я никогда не вдумывалась въ жизнь гувернантокъ. Онѣ казались мнѣ людьми какой-то особой породы, всѣ на одинъ ладъ, нестерпимо скучныя, старомодныя, цѣлый день ѣздившія изъ дома въ домъ въ этихъ большихъ, страшныхъ конкахъ, гдѣ можно заразиться всевозможными болѣзнями. Лева постоянно придумывалъ на моихъ учительницъ самые удивительные анекдоты и небылицы и нерѣдко принимался съ самымъ комическимъ видомъ ухаживать за ними. Такъ было и съ Жюли. Но я не давала ее въ обиду и тотчасъ же уводила ее въ свою комнату. Она была первая, которая возбудила во мнѣ жалость и сочувствіе. Съ жгучимъ интересомъ слушала я ея разсказы: жизнь въ тѣсной комнатѣ, иногда даже въ углу, различные типы злыхъ квартирныхъ хозяекъ и жильцовъ, описаніе безденежья, униженій, голода, глухого, чернаго отчаянія, — все это было для меня такъ ново, такъ ново...

Желаніе побывать у Жюли разгоралось во мнѣ все сильнѣе. И вотъ однажды я съ Ѳеней, подъ предлогомъ покупокъ въ Англійскомъ магазинѣ,

замирая отъ страха, отправилась на Пески, гдѣ съ трудомъ мы разыскали въ одномъ изъ грязныхъ дворовъ крутую лѣстницу, ведущую въ квартиру, гдѣ Жюли «снимала» крошечную комнату по сосѣдству съ чердакомъ.

Мы застали ее полураздѣтой; она изучала роль къ предстоящей ей вечеромъ репетиціи.

— Какъ!—воскликнула я.—Вы играете въ театрѣ?

Она безнадежно махнула рукой.

— C'est ma vocation manquée!.. Смолоду бы мнѣ на сцену, тогда и жизнь моя сложилась бы иначе. А теперь что? Только и приходится участвовать въ любительскихъ спектакляхъ.

— Какія же ваши роли?—спросила я не смѣло.

— Мое амплуа—комическія старухи... А знаете ли, Hélène, чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что у васъ должны быть большія способности къ театру: вы отлично декламируете, и ваши выразительныя черты были бы очень эффектны на сценѣ. Если ужъ я свою жизнь профершпилила, то хотѣлось бы хоть васъ наставить на истинный путь и видѣть васъ на верху счастья и славы!

Съ этого дня я при каждой возможности навѣщала Жюли. Наши разговоры были, конечно, исключительно посвящены театру. До сихъ поръ я бывала только въ балетѣ и циркѣ. Драматическое искусство страстно интересовало меня, и

Жюли, поглощая невѣроятное количество пива, окруженная ѣдкимъ дымомъ папиросъ, разыгрывала передо мною всевозможныя роли. Я садилась на смятую, жесткую кровать и, держа на колѣняхъ ея любимую маленькую собачку, вся превращалась въ слухъ. Потомъ за самоваромъ мы мечтали о будущемъ моемъ величіи...

Въ слѣдующую зиму мама̀ разрѣшила намъ устроить домашній спектакль ко дню моего рожденія. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ мы принялись за дѣло. Послѣ долгихъ колебаній, были, наконецъ выбраны 2 небольшія французскія пьески. Въ составъ нашей труппы мы пригласили еще кузину Lise и двухъ товарищей Ляли: Борю Желинскаго и Жоржика Бѣлявинова. Некрасивый, блѣдный Жоржикъ казался мнѣ особенно интереснымъ. У него, говорили, было большое предрасположеніе къ чахоткѣ, и это-то именно и придавало ему въ моихъ глазахъ какой-то особенный ореолъ. Я считала его очень умнымъ и была увѣрена, что подъ видомъ шумной веселости онъ скрываетъ ото всѣхъ богатый внутренній міръ.

— У васъ удивительные глаза, говорилъ онъ мнѣ: — они точно что-то спрашиваютъ.

— Можетъ быть они и спрашиваютъ о томъ, о чемъ вы не желаете говорить.

— Ого, Елена Сергѣевна, какія рѣчи! Браво, браво.

И Жоржикъ по своему обыкновенію закидывалъ назадъ голову и, смѣясь, закашливался такъ сильно, что мнѣ становилось жутко за него. «Бѣдный,— думала я: — навѣрно онъ часто думаетъ о смерти».

Весело проходили по субботамъ наши репетиціи. Наконецъ въ декабрѣ насталъ великій день представленія.

Съ утра все шло прекрасно. Мама̀ была въ духѣ, поставщики аккуратны, новыя платья удачны. Тотчасъ послѣ обѣда пришелъ гримеръ, и мы отправились въ таинственный закулисный міръ.

Ляля имѣлъ очень дѣловой видъ. Онъ завѣдывалъ тайнымъ погребкомъ, который давно уже заготовляли они съ Левой.

— Помни одно, сказалъ онъ мнѣ, сегодня совсѣмъ особенный день и ты ничему не должна удивляться. Во-первыхъ я давно рѣшилъ поцѣловать тебя за кулисами, а Павлуша сказалъ, что анонимно поднесетъ тебѣ букетъ и украдкой будетъ пожимать тебѣ руки.

— Ну, что это? зачѣмъ вы придумываете такія глупости?

— Вотъ ты наивная, Лулуша, да за кулисами то̀ ли еще дѣлается! Жаль вотъ некогда мнѣ будетъ прослѣдить за Алексъ и Левой!

Въ десятомъ часу начался съѣздъ. Комнаты наполнились оживленнымъ говоромъ, въ 10-ть

зажгли рампу, и многочисленные гости стали разсаживаться по мѣстамъ, въ четверть 11-го раздался звонокъ,—все разомъ смолкло, занавѣсъ взвился.

Успѣхъ, выпавшій на нашу долю въ этотъ вечеръ, превзошелъ всѣ наши ожиданія; насъ засыпали цвѣтами, намъ аплодировали безъ конца, и, когда, переодѣвшись, я, все еще взволнованная, съ горящими отъ счастья глазами, вошла въ залу, на меня со всѣхъ сторонъ посыпались самые лестные комплименты и поздравленія. Одно меня удивило—мамà не было между гостями. Я отправилась разыскивать ее по всѣмъ комнатамъ. «Слишкомъ все хорошо шло сегодня, ужъ не передъ несчастьемъ ли?»

Я нашла, наконецъ, мамà совсѣмъ одну въ уборной и по выраженію ея лица сейчасъ поняла, что въ самомъ дѣлѣ случилось что-то ужасное.

— Mademoiselle, сказала она мнѣ холодно:— такъ-то вы злоупотребляете мой безконечной добротой и довѣріемъ? Я для васъ только и живу, а вы мнѣ отплачиваете ложью и обманомъ. Вхòдите въ стачку съ грязной, дрянной горничной, которая... (мамà сдѣлала большое усиліе надъ собою, чтобы не окончить фразы); бѣгаете съ нею исподтишка къ какой-то нищей-пьяницѣ, которую я изъ милости принимала въ свой домъ. Да какъ вы смѣете вести себя такъ, какъ вы

смѣете бѣгать по разнымъ трущобамъ, гдѣ гнѣздятся всевозможныя болѣзни?..

И мамà, внѣ себя отъ гнѣва, сняла туфлю съ ноги (я помню ея движеніе—мягкое и граціозное) и со всей силы ударила меня ею по щекѣ.

Я чувствовала, какъ вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я взглянула на нее исподлобья...

— Молчать! крикнула она.—Пикнуть не смѣть! А главное, безъ сценъ и грубостей. Завтра я переговорю съ тобою, а теперь отправляйся занимать гостей, и чтобы все осталось между нами,—слышишь?

На другой день съ утра дворникамъ было велѣно разыскать и надѣть двери въ розовой гостинной.

— Три дня просидишь ты у меня взаперти на хлѣбѣ и водѣ! сказала мнѣ грозно мамà,—чтобы ты знала, что значитъ родительская власть. Скажите, пожалуйста, я воспитываю свою дочь по Фенелону, ограждаю отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, а она вдругъ смѣетъ убѣгать къ какой-то дряни... да я эту пьяницу еще подъ судъ отдамъ!

И мамà заперла меня въ розовую гостинную звонко щелкнувъ ключемъ.

Во время моего заточенія Ляля заботился неустанно обо мнѣ. Какъ только уѣзжала мамà, онъ наливалъ мнѣ сквозь замочную скважину по сложенному трубочкой листку чаю, бульону,

а главное вина, а сквозь щель подъ дверью просовывалъ мнѣ кусочки пирога и лакомствъ.

Отъ Ляли я узнала, что Ѳеню уже прогнали изъ нашего дома и что по этому случаю Лева дулся, а буфетчикъ собирался уходить. Всю кашу заварила сама Жюли.

— Ты понимаешь, она была такъ «укатентована», что полѣзла обнимать тетю и ну разсказывать, какъ счастлива, что ты такъ часто бываешь у нея. Почти замертво вынесли ее на извощика.

Котя просунулъ мнѣ въ щель «Полтаву». Первый разъ въ жизни имѣла я въ рукахъ Пушкина. Можно себѣ представить съ какой жадностью я набросилась на него!

Послѣ моего ареста мамà окончательно запретила намъ заниматься театромъ. Кулисы велѣно было отнести на чердакъ, краски и кисти — выбросить, а въ спальнѣ отца все привести въ прежній видъ. Субботы наши также совсѣмъ разстроились. Алексъ, начавшая въ ту зиму офиціально выѣзжать, должна была быть представлена въ январѣ ко Двору, и ей рѣшительно стало некогда проводить время съ подростками. Лева и Лоло начали гораздо рѣже пріѣзжать изъ Петергофа, и въ домѣ нашемъ водворилась тишина.

Мои отношенія къ мамà также измѣнились; уже не такъ часто брала она меня съ собою въ

гости и нерѣдко, какъ-то подозрительно глядя на меня, дѣлала различные намеки на мою лживость и лицемѣріе.

Первое время я очень грустила о Жюли и о своемъ погибшемъ блестящемъ будущемъ. Необыкновенно медленно тянулись дни. Я помню какъ-то разъ мнѣ было особенно скучно; никого не было дома и я лѣниво бродила изъ комнаты въ комнату. Въ столовой пробило три часа, я глубоко вздохнула; это былъ часъ, когда Ѳеня обыкновенно угощала меня тихонько чаемъ. У новой горничной, Анны Гавриловны,— некрасивой вдовы со строгимъ лицомъ,—я не рѣшалась просить. «Ужъ не зайти ли однако къ ней, авось какъ-нибудь сговоримся». Я прошла длинный коридоръ и отворила дверь въ ея комнату. На столѣ какъ разъ весело кипѣлъ самоваръ. Хорошенькій, курчавый мальчикъ лѣтъ семи съ аппетитомъ пилъ съ блюдечка чай. Это былъ Шура, сынъ Анны Гавриловны. Съ этой минуты мои отношенія къ ней приняли самый дружескій характеръ. Я была въ восторгѣ отъ Шуры и тотчасъ же принялась обшивать и учить его. Онъ былъ мальчикъ способный и въ самое непродолжительное время сдѣлалъ большіе успѣхи. Молва о моей успѣшной педагогической дѣятельности быстро распространилась по дому, и вскорѣ у меня прибавилось еще три ученицы. Мама̀ никогда не позволила бы мнѣ набрать столько дѣ-

тей, поэтому двоихъ я учила украдкой по утрамъ, а Шуру и судомойкину Ольгушку послѣ завтрака офиціально. Послѣ урока, если мамà не было дома, я часто уводила ихъ въ голубую гостиную и объясняла имъ картинки разныхъ иллюстрированныхъ изданій.

За этимъ занятіемъ заставали меня не разъ кузины.

— Лулу, ma chere enfant! Молодая дѣвушка, окруженная бѣдными дѣтьми! Mais c'est charmant!

И вотъ посыпались на меня насмѣшки со всѣхъ сторонъ. Я, конечно, отшучивалась самымъ веселымъ образомъ, и только съ Аннушкой отводила душу.

— Барышня, сказала она мнѣ какъ-то разъ:— я вотъ замѣчаю, вы, кажется, книжки любите. У меня вѣдь ихъ много, только русскія. Не знаю, понравятся ли вамъ? Можетъ-быть, не посмотрите ли?

Я встрепенулась.

— Книги? Покажите, пожалуйста.

Аннушка поспѣшно отправилась въ свою комнату, я побѣжала за ней, и тамъ подъ ея кроватью, въ пыли, между стоптанными туфлями и пустыми бутылками, я увидѣла корзинку, въ которой таилось то счастье, о которомъ я мечтала столько лѣтъ: я нашла въ ней Пушкина, Гоголя Гончарова и Тургенева...

Насталъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ звучали великопостные колокола, изъ открытыхъ форточекъ тянуло весною.

— Аннушка, сказала я какъ-то разъ:—у меня къ вамъ очень большая просьба. Такъ давно-давно я лелѣю одно желаніе, которое до сихъ поръ мнѣ никакъ не удавалось привести въ исполненіе.

— Что же, милая барышня, я вѣдь съ удовольствіемъ...

— Такъ сведите меня, пожалуйста, въ какую-нибудь приходскую церковь; мнѣ кажется, такъ должно быть хорошо стоять въ толпѣ молящихся, гдѣ никто васъ не знаетъ, и не осматриваетъ.

Аннушка охотно согласилась, и въ одинъ прекрасный вечеръ, когда никого не было дома, мы, захвативъ съ собою и Шуру, отправились въ ближайшую церковь.

Въ церкви народу было пропасть.

— Смотрите, только не проговоритесь, сказала я Аннушкѣ: — вы знаете, какъ мама̀ боится болѣзней и заразы.

Я пробралась къ одной изъ красивыхъ бѣлыхъ колоннъ.

— Елена Сергѣевна, вдругъ таинственно зашептала мнѣ Аннушка: — что это за барышня на васъ все смотритъ, да смотритъ?..

— Барышня? Какая барышня? Гдѣ?

— А вотъ налѣво, въ черномъ, теперь вотъ не стала глядѣть — молится, вотъ, вотъ та, что на колѣни становится, вотъ крестится теперь. Можетъ быть знакомая какая, еще мамашѣ передастъ...

— Вотъ та, круглолицая? Право, не знаю. Я, кажется, никогда ея не видала...

Но чѣмъ пристальнѣе я вглядывалась въ нее, тѣмъ знакомѣе становились мнѣ ея черты. Только гдѣ же я ее видѣла прежде?

Отъ времени до времени и она оглядывалась на меня, и на ея лицѣ тоже выражались недоумѣніе и вопросъ, потомъ вдругъ она сразу улыбнулась и радостно кивнула мнѣ головой.

— Евочка Демина, ну, конечно, Демина, чуть не крикнула я громко. Одна изъ тѣхъ двухъ дѣвочекъ, съ которыми мнѣ такъ хотѣлось поближе познакомиться въ той ужасной нѣмецкой школѣ. Сколько уже времени прошло съ тѣхъ поръ, лѣтъ пять-шесть... и все то же добродушное лицо, тѣ же ясные, каріе глаза!

Тотчасъ послѣ службы я подошла къ ней. Наша встрѣча была самая дружественная.

Евочка проводила насъ до самаго подъѣзда нашего дома. Она разсказала мнѣ, что семья ихъ очень многочисленна, что отецъ ея вотъ уже второй годъ лишился мѣста по болѣзни, и ей приходится уроками зарабатывать хлѣбъ.

Я же съ увлеченіемъ говорила ей о моихъ за-

нятіяхъ, за которыя такъ смѣются надо мною; потомъ перешла на исторію съ Жюли и описала ей, какъ ужасно разбились въ эту зиму мои завѣтныя мечты.

— Мы непремѣнно должны видѣться, сказала я.—Дайте мнѣ вашъ адресъ, я уговорю мамà отпустить меня къ вамъ, хоть ненадолго, съ англичанкой.

Черезъ нѣсколько дней швейцаръ подалъ мнѣ письмо. Оно было отъ Евы.

«Дорогая Лена»,—писала она.—«Моя встрѣча съ вами произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе. Ваше состраданіе къ бѣднымъ, ваша дѣятельность и ваше горе глубоко тронули меня. Въ наши дни такъ рѣдко встрѣчаешь подобныхъ людей. Всѣ стремятся только къ удовольствіямъ, театрамъ, туалетамъ, но не хотятъ понять того, что все это не даетъ истиннаго счастія, а что все это только заманчивыя ловушки, при посредствѣ которыхъ дьяволъ забираетъ насъ въ свои когти. Часто говорю я это своимъ роднымъ и знакомымъ, но всегда встрѣчаю насмѣшку, которая подчасъ очень огорчаетъ меня. Не разъ впала бы я въ полное отчаяніе, если бы меня не поддержалъ мой духовникъ, отецъ Александръ (истинно святой старикъ). Я всегда хожу къ нему, какъ только у меня возникаютъ какіе-нибудь особенно жгучіе вопросы. Онъ всегда мнѣ все

выяснитъ, успокоитъ и ободритъ утомившуюся мою душу. Недавно еще онъ предложилъ мнѣ заняться добрымъ дѣломъ: обучить катехизису и молитвамъ одну молодую еврейку, желающую перейти въ православіе. Я, конечно, была всей душой рада этому занятію и прибѣжала домой съ этой радостной вѣстью; но мнѣ не позволили обучать ее у себя. Я вызвала большое недовольство. Конечно, если бы я принесла билетъ въ театръ, меня приняли бы иначе. Дорогая Лена, чѣмъ больше я думаю о васъ, тѣмъ яснѣе становится мнѣ, что мы не даромъ встрѣтились съ вами. Намъ необходимо заключить тѣсный союзъ, чтобы помогать другъ другу совершенствоваться въ исполненіи христіанскихъ заповѣдей. Вѣдь нерѣдко нарушаешь ихъ: обуреваетъ лѣнь или безсиліе, иной разъ бываешь груба или нетерпѣлива съ ближними... съ разными желаніями плоти также не легко справиться. Какъ трудно, напримѣръ, отучиться пить чай съ сахаромъ. Хоть крошечку да положу въ чашку, а между тѣмъ я дала себѣ слово откладывать всѣ кусочки, которые даютъ на мою долю, и относить ихъ каждое первое число нашей старой нянѣ въ богадѣльню. Читали ли вы, милая, Ѳому Кемпійскаго? Это очень хорошая книга, но самое важное, конечно, ежедневно читать Евангеліе.

«Дорогая Леночка, когда мы утвердимся въ чистой вѣрѣ Христовой, мы добудемъ истинное счастье, которое не въ силахъ разрушить ни люди, ни обстоятельства, какъ бы дурны они ни были. Это счастье есть душевный миръ,—и онъ въ насъ самихъ.

«Евдокія Демина».

V.

Только годъ еще пришлось намъ прожить на Сергіевской въ нашей большой, нарядной квартирѣ. Много грустныхъ воспоминаній вызываетъ во мнѣ это время. Мало-по-малу сложившіеся у меня вкусы рѣшительно не соотвѣтствовали строю жизни въ нашемъ домѣ, и между мною и матерью начались постоянныя недоразумѣнія. Настала та драматическая минута, когда матери впервые приходится столкнуться съ личной волей своего ребенка, воспитаннаго для себя, по своимъ идеаламъ и для своихъ цѣлей. Отношенія портятся, возникаетъ тяжелая борьба, и если родителямъ не удается сломить волю своего ребенка — въ безсильной злобѣ начинаютъ они смотрѣть на него, какъ на врага. Трудно и дѣтямъ: врожденная любовь къ родителямъ, привычка вѣрить и слушаться, родительское обаяніе — все это должно мучительно, невыразимо мучительно рушиться, оставляя навсегда живыя

раны въ душѣ. И все же нѣтъ пути назадъ: въ груди клокочутъ юныя силы, мысль, чувство неудержимо просятся наружу изъ-подъ ига условной житейской мудрости.

Евочка Демина и Ѳома Кемпійскій явились моими главными совѣтчиками и утѣшителями въ эти грустныя минуты.

Познакомиться съ Евочкой мнѣ не было разрѣшено, и намъ пришлось ограничиться тайной перепиской и рѣдкими свиданіями.

Вліяніе Евочки отразилось на мнѣ очень сильно, и нерѣдко въ разговорахъ моихъ прорывались мечты о скромной жизни, всецѣло посвященной религіи и труду. Мама̀ была въ совершенномъ отчаяніи. Она никакъ не могла понять, откуда я набиралась такихъ глупостей.

— Ты кончишь тѣмъ, что на тебя будутъ пальцемъ показывать, говорила она сердито.

Но самую большую бурю вызвало въ ту зиму мое безповоротное рѣшеніе никогда не носить ни корсета, ни каблуковъ. Мнѣ до сихъ поръ еще становится жутко при воспоминаніи о пережитыхъ сценахъ. Ни четырехдневный арестъ, ни бурный гнѣвъ Левы, ни нотаціи англичанки, ни слезы Ляли не могли поколебать меня, и на лицѣ моемъ появилось выраженіе тупого упрямства.

Послѣ длинной, тяжелой зимы, настала, наконецъ, весна. Я только и мечтала о деревнѣ и

свободѣ, но планамъ моимъ не суждено было осуществиться. На нашъ домъ посыпался цѣлый рядъ несчастій, навсегда нарушившихъ обычное теченіе нашей жизни. Началось съ пожара. 10-го мая былъ назначенъ день отъѣзда. Наканунѣ уже сундуки были готовы, всѣ мелочи уложены и, счастливая, легла я спать, ярко представляя себѣ, какъ поѣздъ унесетъ меня на другой день далеко-далеко изъ душнаго города. Вдругъ ночью меня разбудилъ какой-то необыкновенный шумъ, я открыла глаза: смятая постель мамà была пуста и, не смотря на опущенныя шторы, вся комната озарялась краснымъ свѣтомъ; я вскочила съ кровати и взглянула во дворъ: изъ окна шкапной черными клубами поднимался дымъ и вспыхивали яркіе языки пламени. Я бросилась въ столовую и въ дверяхъ столкнулась съ мамà.

— Мы горимъ, крикнула она внѣ себя: — и весь домъ спитъ. Мнѣ едва удалось разбудить Леву, а отъ людей мы отрѣзаны пожаромъ, въ коридорѣ нѣтъ возможности пройти... Боже мой, какое несчастье, неужели я лишусь всѣхъ моихъ чудныхъ, старинныхъ вещей?

На меня вдругъ сразу снизошли какое-то необыкновенное спокойствіе и ясность мысли.

— Успокойтесь, мамà, сказала я энергично:— и безъ вещей можно быть счастливой. Главное, не тревожьтесь, одѣвайтесь и выходите скорѣе на улицу. А я побѣгу разбудить швейцара, по-

шлю его за пожарной командой и позвоню во всѣ электрическіе звонки на лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, а нѣкоторое время спустя пріѣхала пожарная команда. Я помню странное чувство, охватившее меня, когда, полуодѣтая, я стояла посреди улицы въ незнакомой мнѣ толпѣ и смотрѣла на длинные языки пламени, вырывавшіеся изъ оконъ голубой гостиной. Большія струи воды однако дѣлали свое дѣло, и нѣсколько комнатъ удалось совершенно отстоять; но все же большинство вещей было переломано, облито водою и покрыто густымъ слоемъ копоти. Пожаръ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, произошелъ отъ неосторожности моей ученицы Ольгушки, оставившей въ шкапной горящую свѣчу подъ висѣвшими на стѣнѣ платьями. Мама̀ была внѣ себя.

— Всему ты виною, крикнула она мнѣ: — не пріучала бы ты этихъ дѣвчонокъ лазить по комнатамъ, такъ ничего бы и не случилось.

И мама̀ дала себѣ слово болѣе никогда не брать прислугу съ дѣтьми. Ольгушкиной матери было немедленно отказано, точно такъ же, какъ и Аннушкѣ, разставанье съ которой было для меня очень тягостно. Долго не могла я забыть маленькаго, курчаваго Шуру, такъ мило игравшаго у ногъ моихъ на коврѣ.

Въ это лѣто такъ и не удалось попасть въ деревню. Надо было немедленно переѣхать въ

гостиницу, заняться разборкою и починкою оставшихся вещей, подыскиваніемъ новой квартиры и т. п. Но главное несчастіе было еще впереди: я какъ теперь помню день, когда Лева, разстроенный и блѣдный, пріѣхалъ изъ лагеря и объявилъ мамà о громадномъ проигрышѣ въ карты. Пришлось немедленно для спасенія чести заложить бумаги въ банкъ; въ ту же осень произошелъ, надѣлавшій въ свое время столько шума, крахъ банка, гдѣ были заложены наши бумаги, и мы остались ни съ чѣмъ...

Въ эти тяжелыя минуты, забывъ недавнія столкновенія, я всѣми силами старалась успокоить и утѣшить мамà.

— Ты понимаешь ли, что мы теперь нищіе, кричала она:—ни-щі-е! Ну кто возьметъ тебя замужъ безъ копѣйки?

Единственнымъ доходомъ оставалась пенсія въ 7,000 р. Приходилось ограничить свои требованія, измѣнить вкусы и привычки. Вопросъ о помѣщеніи было всего труднѣе разрѣшить. Послѣ долгихъ колебаній и разговоровъ, нанята была наконецъ квартира на Надеждинской, въ третьемъ этажѣ (84 ступеньки). Для мамà, знавшей до сихъ поръ только одинъ масштабъ жизни, было невыносимо тяжело, даже невозможно свыкнуться со своимъ новымъ положеніемъ, и въ нашемъ домѣ водворилась удручающая атмосфера постояннаго недовольства.

Комнаты казались малы и неуютны, новая, болѣе дешевая, прислуга—неуклюжа и антипатична. Но хуже всего было то, что пришлось продать экипажи и лошадей. Мамà рѣшительно не знала, чтò дѣлать: ходить пѣшкомъ по улицамъ казалось немыслимо, въ наемныхъ каретахъ гнѣздились сыпныя болѣзни, извозчики были тряски и наводили невыразимый страхъ на мамà! Единственнымъ исходомъ было просить экипажъ у кого-нибудь изъ родныхъ. Охотнѣе всѣхъ присылала намъ свою карету моя старшая тетя, княгиня Карская, но все же случалось иногда, что лошади тети были заняты, и мамà, собравъ всю свою храбрость, рѣшалась ѣхать на извозчикѣ.

— Лулу, я приказываю тебѣ быть со мною. Нечего тебѣ дома сидѣть и глупыя книги читать, когда мать твоя страдаетъ.

— И вотъ мы шли по улицѣ. Мамà долго колебалась, не зная, какого извозчика выбрать.

— Этотъ старъ, а этотъ мальчишка,—навѣрное сейчасъ подъ дилижансъ подвезетъ. Ну, вотъ того наймемъ, съ бородою!

— Чтò у васъ лошадь смирная? — спрашивала мамà, подозрительно всматриваясь въ измученнаго коня.

— Пожалуйте, барыня, садитесь, довезетъ!

— Я знаю, что не буду цѣлый день на вашихъ дрожкахъ сидѣть, — насмѣшливо возражала мама.—Я васъ спрашиваю молода ли она?

— Да кто же ее знаетъ, годовъ-то вѣдь ей никто не считалъ!

— Ахъ, какъ вы глупы! Я спрашиваю васъ, не понесетъ ли она?

— Зачѣмъ носить, не понесетъ...

— А у васъ зачѣмъ рожа красная, вы пьяны?

— Что вы, барыня, зачѣмъ пьянъ? Я довезу, ей-Богу довезу. Куда прикажете?

И извозчикъ усаживался на козлы и отворачивалъ фартукъ.

— Ва-а-ш-сія... пожалуйте!

— Ахъ, оставьте меня, не приставайте ко мнѣ, не поѣду я съ вами. У васъ глаза блестятъ, я васъ боюсь.

— Чего меня бояться, не лѣшій вѣдь!

Извозчикъ возмущался, около него останавливалось двое-трое прохожихъ.

— Слышь, барыня - точто выдумала, я, говоритъ, тебя боюсь. Да нешто чортъ я, что-ли?

Мы шли дальше. Нашъ выборъ наконецъ сдѣланъ и мы садились. Но лишь только извозчикъ замахивался концемъ возжи на свою лошаденку мама̀ громко вскрикивала.

— Сумасшедшій, какъ вы можете такъ гнать?

Извозчикъ вздрагивалъ и оглядывался.

— Что ты, барыня, зачѣмъ кричите зря?

— Дуракъ, какъ вы смѣете говорить, что я зря кричу. Я васъ въ полицію отправлю... По-

гналъ такъ, что сердце у меня чуть не лопнуло отъ страха! Вѣдь со мною дочь!

— Что жъ что дочь, и дочь въ цѣльности доставимъ.

— Молчите... остановитесь... дайте сойти, я васъ боюсь! И мама̀ уже стояла на подножкѣ дрожекъ, крѣпко держась за кушакъ извозчика, и при первой возможности соскакивала на мостовую и опрометью бѣжала на тротуаръ.

— Лулу, Лулу, сюда! кричала она,—я говорила тебѣ, что онъ опасный!

Отсутствіе экипажа и выѣздного постепенно совершенно измѣнили нашу жизнь. Многія знакомства пришлось прекратить, въ модную церковь стало невозможно ѣздить. Всѣмъ намъ было тяжело, но потомъ мало-по-малу каждый изъ насъ началъ искать выхода, согласно своимъ личнымъ вкусамъ. Лева поступилъ адъютантомъ къ начальнику штаба и старался получать длинныя и частыя командировки, которыя развлекали его и во время которыхъ онъ совершенно забывалъ о всѣхъ нравственныхъ уколахъ, получаемыхъ въ Петербургѣ. Мама̀ проводила цѣлые дни у тети Карской и тамъ въ привычной ей обстановкѣ отдыхала отъ домашней неурядицы и безденежья. Что касается меня, то я совершенно ушла въ книги. Мама̀ отдала наконецъ въ мое распоряженіе ключъ отъ библіотеки отца, гдѣ я нашла много рус-

скихъ книгъ. Котя принесъ мнѣ «Политическую экономію» Рошера и «Богатство народовъ» Адама Смита. Книги эти, открывшія мнѣ законы развитія государства, имѣли на меня сильное вліяніе. Знакомыхъ и родныхъ я стала по возможности совсѣмъ избѣгать.

Когда я бывала одна, я какъ-то совсѣмъ не испытывала нравственныхъ мученій, но стоило олько кому-нибудь придти, и тотчасъ дѣйствительность всплывала передо мною во всей своей ужасающей наготѣ: 84 ступеньки, плюгавый швейцаръ, запахъ капусты на лѣстницѣ, мескинная передняя, въ залѣ сборная мебель, оставшаяся послѣ пожара, топающій по комнатамъ курносый деньщикъ Василій, безпорядочно сервированный столъ... ужасно, ужасно! Я понимала, что всѣ они презираютъ насъ.

Только одинъ тамъ былъ, котораго не всегда избѣгала я. Мнѣ казалось, онъ понимаетъ меня и сочувствуетъ моему положенію; иногда глаза его такъ пристально смотрѣли на меня, точно читали всѣ мои мысли... Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 27, очень красивый блондинъ съ томными голубыми глазами. Знали мы его уже очень давно; въ ту зиму, пріѣхавъ по служебнымъ дѣламъ на нѣкоторое время въ Петербургъ, онъ особенно часто бывалъ у насъ. Я, конечно, чувствовала, что̀ притягивало его къ намъ, и мое 18-лѣтнее самолюбіе было очень

польщено, такъ какъ это былъ первый взрослый обратившій на меня вниманіе. Одно только смущало меня: вѣдь онъ былъ женатъ. Какимъ образомъ могло ему придти въ голову ухаживать за мною?

«Вѣроятно Аполлонъ Дмитріевичъ несчастенъ со своей молодой женою», думала я: «но отчего?»

Воображеніе мое разгоралось и рисовало самыя разнообразныя, часто ужасныя картины. На его лицѣ я старалась прочесть отпечатокъ пережитыхъ драмъ. Желая хоть что-нибудь вывѣдать у него, я нерѣдко умышленно наводила разговоръ на грустныя темы, но Аполлонъ Дмитріевичъ всегда уклонялся отъ нихъ.

— Дитя, дитя,—говорилъ онъ:—что вы такое серьезное лицо дѣлаете? Ваши годы это весна жизни, вамъ—смѣхъ, радость, счастье... Гоните прочь отъ себя всякія темныя мысли... Не имъ омрачать вашу юную головку!

— Какая вы сегодня авантажная, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то разъ.—Это платье вамъ очень идетъ! Пожалуйста, не дѣлайте мнѣ такихъ глазъ, я вамъ правду говорю. Да вы, кажется сердитесь?

— Конечно, сержусь. Зачѣмъ говорить комплименты? Я отлично знаю, что я некрасива и что не наружность мой «fort».

— А въ чемъ же онъ?

Я разсмѣялась.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, вы не такъ поняли меня, я вовсе не это хотѣла сказать...

— Да, да, попались. Ну, въ чемъ же онъ?

— Право не знаю.

— Хотите скажу? Только на ушко... можно?

— Можно.

— О, да какія они у васъ маленькія и хорошенькія, — ну не буду, не буду, не сердитесь! Слушайте же внимательно.

Аполлонъ Дмитріевичъ нагнулся ко мнѣ.

— Вы глупенькая дѣвочка и ничего-то вы не понимаете, вотъ что!

— И это все?

— Все.

Мы оба разсмѣялись.

— Это мнѣ гораздо больше нравится, чѣмъ ваши комплименты!

— А я васъ, miss Lou, не спрашиваю, что̀ вамъ нравится и что̀ нѣтъ. Я гораздо старше васъ, зналъ васъ еще въ короткихъ платьицахъ, считаю васъ своимъ другомъ и могу говорить вамъ все, что хочу, а вы должны слушаться меня...

Помню я, разъ какъ-то послѣ обѣда мама̀ задремала въ гостинной. Лева игралъ у себя въ кабинетѣ и звуки вальсовъ весело разносились по комнатамъ, а мы съ Аполлономъ Дмитріевичемъ остались одни въ залѣ.

— Ну, miss Lou, пожалуйте-ка сюда, — ска-

залъ онъ, опускаясь на низкое пэтэ: — пожалуйте-съ...

Я подошла.

— Вотъ-вотъ сюда, поближе. Вы что же это забыли про пари, которое вы мнѣ на-дняхъ проиграли. Извольте-ка заплатить.

Я сѣла на край, а онъ, облокотившись локтемъ о спинку дивана, смотрѣлъ на меня исподлобья смѣющимися глазами.

— Что же? Я готова заплатить, — отвѣчала я.—Пари вѣдь было, кажется, à discretion. Значитъ, вы можете требовать всего, что хотите.

— Все, что хочу?—сказалъ онъ медленно и многозначительно.

— Конечно.

— И вы исполните?

— Да.

— Все, все исполните?— проговорилъ онъ, ближе подвигаясь ко мнѣ.

Мнѣ стало вдругъ неловко. Я отодвинулась отъ него и съ недовольствомъ сказала:

— Конечно, все. Говорите же!

Онъ откинулся на спинку дивана и глубоко вздохнулъ.

— Ничего-то вы не понимаете, miss Lou,— вотъ что я долженъ вамъ повторить.

— Что же я не понимаю?

— Да ничего.

Онъ задумался; я смотрѣла на него вопросительно.

— Помните, сказалъ онъ вдругъ: — что я говорилъ вамъ на-дняхъ у княгини Карской, когда мы сидѣли съ вами въ желтой залѣ и смотрѣли на голубыя волны Невы. Помните? Я говорилъ вамъ, что вы переживаете лучшее время жизни. Ваше сердце бутонъ, который долженъ распуститься. Первое чувство — это ароматъ только-что распустившагося цвѣтка... Скажите же мнѣ, Лулу, — извините, что я такъ называю васъ, но вѣдь вы для меня дитя, вы это знаете, — скажите же мнѣ, — и онъ взялъ меня за руку. — Что сердце уже заговорило? Любили ли вы кого-нибудь?

Я покраснѣла почти до слезъ и молчала.

— Скажите, любили, да?.. Я даже догадываюсь кого — вашего кузена Лоло. Вы столько говорили мнѣ о немъ.

Я еще больше покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила я, наконецъ, съ негодованіемъ: — я никогда еще никого не любила, а Лоло тѣмъ менѣе. Какія вы глупости говорите!

— Нѣтъ не глупости, а правду. Отчего вы краснѣете, — думаете я не замѣтилъ. Все вижу, насквозь все вижу!

— Вы только одного не видите, что сердите меня. Я уйду. Это самое лучшее.

Я встала. Онъ удержалъ меня.

— Ну, я не буду,—останьтесь. Скажите мнѣ только еще разъ просто, не сердясь. Такъ вы никого не любили, никогда?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Я даже не знаю, что это.

— То-есть что? Любовь или взаимность?

— Да все! Всѣ эти чувства!

— Ахъ, вы дитя, дитя!—онъ взялъ меня за руку и тихо сталъ гладить ее.—А хотѣли бы вы узнать эти чувства?

— Да.

— Поѣдемте вмѣстѣ «Фауста» смотрѣть!

— «Фауста»? А тамъ развѣ узнаешь?

— Поѣдемте, увидите.

— Я не знаю, позволитъ ли мама̀. Я вѣдь никогда еще не была въ оперѣ.

— Позволитъ. Я какъ-нибудь устрою.

— А вдругъ нѣтъ? А мнѣ бы такъ хотѣлось!

— Ужъ положитесь на меня, Лулу, сказалъ онъ увѣренно:—и, тогда,—прибавилъ онъ почти шопотомъ:—вы увидите, что̀ значитъ любить.

— Вѣдь мы говорили о пари и перешли на любовь и оперу? Что это sa cocq'à l'àne.

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ гостинной послышались шаги.

— Аполлонъ Дмитріевичъ! раздался голосъ мама̀.—Пикетъ васъ ждетъ!

— Мы оба встали. Онъ пожалъ мнѣ руку.

— Послѣ «Фауста» я потребую расплаты... шепнулъ онъ, уходя.

— Послѣ «Фауста»? Какая же это будетъ расплата?—съ минуту постояла я въ задумчивости.

— Лулу, крикнулъ мнѣ изъ кабинета Лева:— о чемъ это говорилъ тебѣ Аполлонъ? Онъ ужасно любитъ раскисать и размалевывать.

Я засмѣялась, но ничего не отвѣтила.

Нѣсколько дней спустя, мнѣ было не только позволено, но даже велѣно ѣхать въ оперу. Мама̀ сама повезла меня. У насъ была большая закрытая ложа рядомъ съ министерской.

Аполлонъ Дмитріевичъ встрѣтилъ меня съ многозначительной миной. Мы разсѣлись, онъ помѣстился за мною.

— Будьте же внимательны, шепнулъ онъ мнѣ:—я буду вамъ все объяснять и указывать.

— А знаете, сказала я, оборачиваясь къ нему:—я сегодня цѣлый день въ какой-то тревогѣ. Чего-то жду, точно что-то должно случиться. Это вы виноваты. Наговорили мнѣ тогда про «Фауста». Когда я сюда ѣхала, у меня даже руки похолодѣли и сердце замерло.

Въ это время увертюра кончилась: въ залѣ стало темно.

— А теперь вы что̀ чувствуете?

Я ничего не отвѣтила и только въ недоумѣніи пожала плечами.

— Что̀ же? замѣтила я, когда послѣ перваго

акта опустился занавѣсъ.—Пока я еще ничего не вижу поучительнаго.

— Подождите, подождите. Скоро будетъ, и я знаю, что въ васъ произойдетъ переворотъ, я прочту это въ вашихъ глазахъ.

Наконецъ насталъ третій актъ.

— Смотрите, смотрите, шепталъ Аполлонъ Дмитріевичъ:—какая чудная лунная ночь: все дышетъ нѣгой и любовью. Скоро появится она, это юное, нѣжное созданіе, въ которомъ впервые заговорило чувство... Теперь сейчасъ откроется окошко, а вотъ и онъ... Слушайте этотъ дуэтъ...

Я не помню, что еще шепталъ онъ мнѣ; знаю только, что дыханіе его все время щекотало мою щеку, и что вдругъ я почувствовала какое-то необыкновенное смущеніе.

Послѣ оперы всѣ поѣхали къ намъ пить чай.

— Что̀ это ты такая блѣдная? спросила мама̀.— У тебя голова болитъ?

— Да, немного.

— Ну, вотъ, я всегда говорила, что тебѣ вредно ѣздить въ оперу. Ступай же спать скорѣй.

— Если позволите, я подожду еще немного.

Мнѣ хотѣлось улучить минуту и спросить про пари.

Какъ-то случайно я осталась одна въ столовой съ Аполлономъ Дмитріевичемъ.

— Видите, какая въ васъ произошла пере-

мѣна, сказалъ онъ:—даже лицо у васъ измѣнилось.

— А пари, спросила я:—вы скажете теперь?

— Скажу непремѣнно. Вы должны... а вдругъ вы не исполните?

— Исполню, говорите скорѣе.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Вы должны позволить поцѣловать себя въ губы.

Я вздрогнула.

— Что вы, Аполлонъ Дмитріевичъ, меня никто въ жизни еще такъ не цѣловалъ!

— Вы дали честное слово. Платите пари, скорѣе.

— Нѣтъ, сказала я:—право, я не могу рѣшиться, я боюсь!

— Чего?

— Сама не знаю; такъ боюсь, что даже подумать объ этомъ страшно.

— Вѣдь это одна секунда.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— А честное слово?

Я подумала немного.

— Ну, хорошо, положимъ, я согласна; какъ же это будетъ?

— Очень просто. Поцѣлуемся, и пари будетъ уплачено.

— И не страшно?

*

— Ахъ, какой же вы ребенокъ! Не страшно, а чудно!

Аполлонъ Дмитріевичъ взялъ меня за руки и долго и горячо убѣждалъ.

Я слушала молча, и вдругъ, откуда ни возьмись, на меня нашла храбрость.

— Ну, хорошо, все равно; будь что будетъ!

Тихонько пробрались мы въ кабинетъ Левы. Аполлонъ Дмитріевичъ дрожащей рукой расправилъ свои усы и обнялъ меня за талью; но чуть только его лицо приближалось къ моему, я начинала вырываться.

— Не могу, не могу! Боюсь — и кончено!

— Лулу! сказалъ онъ чуть слышно.—Не мучьте меня больше, дайте мнѣ одинъ только поцѣлуй!

Лицо его было такъ разстроено, голосъ такой умоляющій.

— Ахъ, если бы я только могла не бояться. Постойте я придумала... Лучше всего закрыть глаза. Вотъ, ну! Ахъ, какъ страшно, сердце какъ бьется!

Онъ снова обнялъ меня. Я почувствовала его усы на моемъ лицѣ, потомъ губы его, мягкія и влажныя, накрыли мои.

Я тихонько отстранила голову и открыла глаза.

— Е-щ-е! проговорила я медленно.

И снова наши губы встрѣтились.

Вдругъ дверь въ столовую скрипнула, и на порогѣ появился курносый Василій.

— Ихъ высокопревосходительство просятъ ваше благородіе въ голубую гостиную въ пиклетъ ихрать-съ.

Два дня спустя, я писала Евочкѣ Деминой слѣдующее письмо:

«Дорогой другъ. Мнѣ необходимо видѣться съ тобою; умоляю тебя, устрой, чтобы мы могли гдѣ-нибудь встрѣтиться. Я должна открыть тебѣ все мое грѣховное, недостойное поведеніе. Мучаюсь самыми страшными угрызеніями совѣсти. Вчера и сегодня, подъ видомъ головной боли, сижу въ спальнѣ и не въ силахъ ни на кого поднять глазъ. Ужасно боюсь, что ты отвернешься отъ меня, когда узнаешь, какая я пустая и гадкая кокетка. Но, не смотря на это, я рѣшаюсь все тебѣ сказать; ты научишь меня, какъ искупить мою вину.

«Твоя Лулу».

Долго колебалась я, не зная, съ кѣмъ послать это письмо. Наконецъ я рѣшилась довѣриться недавно поступившей къ намъ второй горничной — черноглазой веселой Сашѣ, которая съ особеннымъ удовольствіемъ взялась исполнить мое порученіе.

— Вы, дорогая барышня, пожалуйста, не сомнѣвайтесь, прибавила она: — никто вѣдь не узнаетъ. Я мигомъ слетаю, а если хватится кто, скажу, что въ суровскую за катушкой бѣгала.

На другой день вечеромъ я уже имѣла отвѣтъ отъ Евочки.

«Дорогая Лена. Всѣ мы грѣшны передъ Богомъ, и всѣ мы нуждаемся въ великомъ Его милосердіи, и не мнѣ осуждать тебя. Моя душа давно истомилась въ разлукѣ съ тобою, и я рада, что и ты выразила желаніе видѣть меня. Вчера я не знала, какъ и гдѣ встрѣтиться. Какъ разъ въ это время зашла ко мнѣ одна моя школьная подруга, я высказала ей мое желаніе, и она предложила намъ придти къ ней завтра въ четыре часа. Ея самой не будетъ дома, такъ какъ она даетъ уроки, а мать ея лѣчитъ и ходитъ по домамъ, такъ что насъ приметъ старая бабушка, которая ничѣмъ не помѣшаетъ нашей бесѣдѣ. Адресъ: Невскій пр., 105, кв. 96.

«Ев. Д.»

«P. S. Трудно и мнѣ минутами: борюсь со страстями духовными и тѣлесными. Это неизбѣжно, если желаешь идти по пути Христовыхъ заповѣдей и душа моя все больше и больше ищетъ высшихъ наслажденій: причащенія, молитвы, жизни добродѣтельной...»

На другой день, подъ видомъ какихъ-то мелкихъ покупокъ, мнѣ удалось, въ сопровожденіи Саши, благополучно выбраться изъ дому. Всю дорогу съ тревогой и радостью думала я о встрѣчѣ съ Евочкой. Я воображала себѣ, какъ предстану

предъ ней, смущенная и красная, нравственно раздавленная сознаніемъ своей грѣховности, и она, понимая мое состояніе, молча протянетъ мнѣ руку. Усадивъ ее въ большое волтеровское кресло, упаду я передъ нею на колѣни, обниму ее и раскрою передъ нею свое сердце. «Мнѣ нравилось ухаживаніе женатаго человѣка»,—всхлипывая, проговорю я:—«а на устахъ моихъ горятъ два грѣховныхъ поцѣлуя».

Въ одномъ только я рѣшилась ни за что не признаваться, это въ томъ ужасномъ «еще!», при воспоминаніи о которомъ я сгорала со стыда. Въ объятіяхъ друга я хотѣла омыть сердце свое слезами раскаянія и лучь солнца, неожиданно прорѣзавъ тучи...

— Барышня, барышня, Елена Сергѣевна, вотъ мы и дошли, вотъ онъ № 105. Кажется, такъ вы говорили? Теперь надо квартиру отыскать, какъ же фамилія-то будетъ ихняя?

Я очнулась отъ думъ.

— Фамилія? Право не знаю. Квартира 96, гдѣ же она тутъ?

— А вотъ мы сейчасъ позвонимъ и спросимъ дворника, сказала Саша.

— Чаво звонить, когда сами мы здѣсь, произнесъ за нами хриплый голосъ.

— Ну, что же! Тутъ, такъ и ладно. Вотъ скажи-ка ты намъ, гдѣ тутъ кв. 96 будетъ?

— Девяносто шастой, а вамъ кого это? Бабку что ли?

Саша такъ и прыснула со смѣха.

Дворникъ презрительно оглядѣлъ ее съ ногъ до головы.

— Чаво? Бабку спрашиваютъ, бабка и есть въ дедяносто шастомъ; вонъ въ подвалѣ, въ окнѣ и вывѣска стоитъ.

VI.

Настала весна и, насыщенная городской жизнью, я цѣлыми днями мечтала о деревнѣ, сидя на своей кушеткѣ и лихорадочно ожидая приказанія укладываться.

«Ну когда же, когда?» думала я съ тоскою, вопросительно поглядывая на мамà. Но она, повидимому, совсѣмъ не понимала моихъ взглядовъ и, когда наконецъ я спросила ее о днѣ нашего отъѣзда, казалась очень удивленной.

— Съ чего это ты взяла, что мы поѣдемъ въ эту глушь? Да у меня теперь и денегъ нѣтъ для всякихъ путешествій. Мы преспокойно останемся въ городѣ, а въ самые жаркіе дни можно будетъ ѣздить въ Петергофъ или въ Павловскъ на музыку или прокатиться на острова.

Въ концѣ мая всѣ знакомые почти разъѣхались изъ Петербурга, и насъ посѣщало лишь нѣсколько партнеровъ мамà, приходившихъ по вечерамъ играть съ нею въ вистъ. Кромѣ того, къ намъ сталъ еще особенно часто ѣздить одинъ

длинноносый маіоръ Животовскій, недавно прикомандированный къ военному министерству. Маіоръ этотъ, котораго мнѣ часто, по приказанію мамà приходилось занимать разговорами, возбуждалъ во мнѣ самое глубокое отвращеніе, и, когда мало-по-малу я начала замѣчать нѣкоторое ухаживаніе съ его стороны, это отвращеніе перешло въ настоящую ненависть. Я не могла переносить его маленькихъ, блестящихъ глазъ, его назойливо-слащавыхъ духовъ, его провинціальнаго шика, и, кажется, ничто въ мірѣ не могло бы заставить меня дотронуться до конфектъ, которыя онъ постоянно намъ привозилъ.

Никто однако не замѣчалъ моихъ чувствъ къ нему, и разъ вечеромъ мамà вошла въ уборную, гдѣ по обыкновенію я сидѣла на кушеткѣ, и многозначительно посмотрѣла на меня.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою.

Я встала.

— М-г Животовскій, проговорила она медленно:—просилъ у меня сегодня твоей руки. Онъ очень хорошій человѣкъ, хотя и не говоритъ по-французски. Въ теперешнее время это рѣшительно ничего не значитъ... Любитъ онъ тебя всей душой. Состояніе у него порядочное: тысячъ 20,000 въ годъ. Ты не требовательна: для тебя этого было бы довольно. Какой же отвѣтъ дать ему? Не забудь, что мы теперь нищіе и что тебѣ очень трудно выйти замужъ.

Я стояла передъ мамà, едва вѣря своимъ ушамъ.

— Eh, bien qu'en dis-tu? Да отвѣчай жé! сказала она нетерпѣливо.

Но я предпочла молчать и, крѣпко сжавъ губы, опустила глаза.

— Вотъ ужъ характерецъ! воскликнула мамà.— Ей дѣлаютъ предложеніе, а она злится и упрямится. Ужъ ты и такъ подурнѣла за эти послѣдніе годы, а съ этимъ выраженіемъ ты просто страшна, и знай, никто не возьметъ тебя замужъ, кромѣ этого дурака.

Какъ только мамà ушла, я убѣжала въ темную ванную комнату и, бросившись на колѣни, залилась самыми горькими слезами.

«Ахъ, еслибъ теперь была со мной Евочка Демина», думала я всхлипывая:—«она сумѣла бы утѣшить и успокоить меня».

Но Евочка лѣтомъ жила въ гувернанткахъ и была далеко, гдѣ-то въ имѣніи.

Когда ноги мои затекли, я встала съ колѣнъ и, присѣвъ на край ванны, начала обдумывать свое грустное положеніе.

Вдругъ скрипнула дверь, и въ щель просунулась голова черноглазой Саши.

— Барышня милая, это вы; а я хожу-хожу и никакъ не могу понять, кто это тутъ бормочетъ.

— Гдѣ генеральша? спросила я шопотомъ.

— О-о... генеральша уѣхали, слѣдъ простылъ, и чай пить дома не будутъ.

*

«Вотъ и отлично», подумала я: — «по крайней мѣрѣ можно будетъ предаться своимъ мыслямъ». Но мысли мои какъ будто всѣ разомъ вылетѣли изъ головы, и понемногу сжало сердце чувство гнетущей тоски. Побродивъ по комнатамъ, я вышла на балконъ и равнодушно начала смотрѣть на прохожихъ. Былъ жаркій іюньскій вечеръ; по улицѣ съ грохотомъ тянулись нагруженные возы, и, назойливо звоня, проѣзжали переполненныя людьми конки.

Изъ сосѣдняго, еще только строившагося дома, несло минутами холодной сыростью и іодоформомъ. Противъ насъ, у воротъ бани, стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, банщикъ въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу и, скрестивъ руки на груди, равнодушно поплевывалъ на тротуаръ.

«Ахъ, еслибы только Евочка была теперь со мной! Сколько разъ вѣдь удавалось ей утѣшить меня! Это навѣрно сама судьба свела меня съ нею тогда въ церкви. Надо же было! Сколько лѣтъ не видѣлись! Потомъ мнѣ ярко представилась ужасная нѣмецкая школа, съ ея темнымъ, душнымъ классомъ, и передо мною возникъ образъ той другой дѣвочки, съ которой мнѣ такъ хотѣлось сойтись тогда. Она была первая ученица въ нашемъ классѣ, и Евочка говорила, что она окончила курсъ съ золотою медалью. Звали ее Каролина Мымзи, я ясно представляла себѣ ея сухую фигуру, огненно-рыжіе волосы и бы-

стро мигающіе безбровые глаза. Мнѣ нравились въ ней тогда ея блестящія способности, умѣнье ясно отвѣчать заданный урокъ, манера какъ-то таинственно, съ затаеннымъ чувствомъ декламировать стихи, какъ будто она видѣла въ нихъ особенную, только ей понятную красоту. Во время большой перемѣны она никогда не завтракала (говорили, что родители ея очень бѣдны) и, забившись въ угодъ, читала какія-то интересныя книги. Чѣмъ больше я думала о ней, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что въ ней должно было таиться что-то необыкновенное, и желаніе увидѣться съ нею охватило меня съ неудержимой силой. Не теряя ни минуты, отправилась я въ сопровожденіи Саши на Шпалерную, куда нѣсколько разъ я провожала Каролину домой изъ школы. Еще издали узнала я большой каменный домъ, въ которомъ она тогда жила.

— Ну, конечно, это онъ! Вонъ и глубокая подворотня, во мракѣ которой исчезала Каролина. Одно только: ну вдругъ она переѣхала?

Но мои опасенія были напрасны. Мымзи все еще жила въ этомъ домѣ. Мы поднялись по скользкимъ ступенькамъ «черной» лѣстницы. На площадкахъ стояли ведра съ помоями, около которыхъ шмыгали худыя, ужасныя кошки. Я высоко подбирала юбки и громко вскрикивала; Саша по обыкновенію покатывалась со смѣху.

— Ну, ужъ и барышня наша, говорила она:— куда только не заберутся!

Въ четвертомъ этажѣ на одной изъ дверей мы увидѣли мѣдную дощечку, на которой большими буквами стояла краткая надпись:

«Мымзи».

Я громко позвонила. Улыбающаяся горничная открыла намъ двери.

— Что, барышня дома?

— Барышни нѣтъ, одна барыня дома.

— Нельзя ли ее видѣть?

— Отчего же нельзя? Можно. Пожалуйте сюда.

Мы вошли въ темную, заставленную шкапами переднюю; тяжелый воздухъ, пропитанный жиромъ и запахомъ водосточныхъ трубъ, ударилъ мнѣ въ лицо.

— Барыня проситъ васъ зайти, сказала горничная, возвращаясь:—а что скидаваться не будете?

— Нѣтъ, мы вѣдь только на минутку.—И я вошла въ гостиную, съ любопытствомъ оглядываясь кругомъ. Это была довольно обширная комната, имѣвшая совершенно не жилой видъ. Бархатная мебель была чинно разставлена, надъ диваномъ висѣла одинокая масляная картина, изображавшая какой-то альпійскій видъ, вдоль стѣны помѣщался старинный рояль, а у оконъ высокіе трельяжи съ густымъ плющемъ едва пропускали свѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышла опрятно одѣтая старушка лѣтъ 60-ти. Ея гладко причесанные волосы были повязаны платкомъ, голубые глаза выражали необыкновенную доброту и умъ.

Самымъ вкрадчивымъ голосомъ объяснила я ей, что мнѣ очень хотѣлось бы видѣть ея дочь, съ которой я въ дѣтствѣ училась въ нѣмецкой школѣ.

— У васъ... какое-нибудь дѣло къ ней?

— Нѣтъ, отвѣтила я краснѣя: — мнѣ только ужасно хотѣлось бы видѣть ее. Не будете ли вы столь любезны отпустить ее къ намъ?

Старушка улыбнулась.

— Благодарю васъ за ваше вниманіе, сказала она.—Я непремѣнно передамъ ей ваше приглашеніе.

Радостная и счастливая, вернулась я домой. Одно только мучило меня: вѣдь я еще не имѣла разрѣшенія мамà, но я знала, что послѣ сценъ со мною она бывала необыкновенно добра и позволяла мнѣ многое, о чемъ въ обыкновенное время я не смѣла бы и подумать.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Черезъ нѣсколько дней Каролина была уже у меня; но первый ея визитъ прошелъ вначалѣ не совсѣмъ удачно. Прежде всего Каролина приняла стараго Ивана за моего отца и сдѣлала ему почтительный реверансъ; потомъ, когда мамà протя-

нула ей руку и сказала нѣсколько любезныхъ словъ, улыбаясь своей очаровательной улыбкой, Каролина такъ смутилась, что попятилась назадъ и уронила столикъ, на которомъ стояла чашка чаю. Но потомъ, когда мы остались однѣ въ кабинетѣ Левы и я горячо начала говорить ей о моемъ желаніи сойтись и подружиться съ нею, она сразу ожила и повеселѣла.

— Не называйте меня только Каролиной, сказала она.—У лютеранъ вѣдь дается нѣсколько именъ при крещеніи, такъ я этого ненавижу. Называйте меня Лаурой.

— Отлично,—Лаура. Это ужасно поэтично и красиво. А хотите будемъ на «ты», какъ прежде въ школѣ?

Лаура молча кивнула головой въ знакъ согласія, и я, радостно улыбаясь, усѣлась съ ногами въ самой удобной позѣ на турецкій диванъ.

— Иди и ты сюда и давай разговаривать.

Но Лаура осталась на своемъ стулѣ и, сидя какъ-то бокомъ, вопросительно посмотрѣла на меня исподлобья.

— О чемъ?

— Ахъ, у меня есть множество еще не разрѣшенныхъ вопросовъ, и я сгораю отъ нетерпѣнія подѣлиться съ тобою моими мыслями. Мнѣ почему-то кажется, что ты все должна знать. Помнишь, какъ ты много читала въ школѣ?

— Я и теперь много читаю. Что̀ на свѣтѣ можетъ быть лучше чтенія?

— Еще бы! А какая твоя любимая книга?

— Конечно «Самодѣятельность» Смайльса. Ты навѣрно знаешь ее?

— Нѣтъ, о чемъ она?

— Въ ней описано, какихъ великихъ результатовъ можно достигнуть собственными силами...

— Неужели существуетъ такая книга? воскликнула я, вскакивая.—А я уже давно мечтаю о томъ, какъ бы чѣмъ-нибудь сдѣлаться и рѣшительно не знала, какъ приняться за это.

— Ну вотъ прочитаешь и будешь знать, сказала Лаура увѣренно.—У меня теперь уже на многое открылись глаза.

— Можетъ быть тамъ есть и рѣшеніе другихъ вопросовъ?—спросила я несмѣло.—Меня такъ мучаютъ нѣкоторыя вещи, о которыхъ я до сихъ поръ никому не смѣла говорить.

— Не смѣешь, такъ и не говори, сказала Лаура съ какою-то холодной усмѣшкой.

— Нѣтъ-нѣтъ, торопливо перебила я ее:—тебѣ я скажу, тебѣ я вѣрю!—И, удостовѣрившись въ томъ, что никого не было за дверьми, я подсѣла къ ней и едва слышно проговорила:—Скажи, что ты думаешь о тѣхъ, знаешь, о тѣхъ, которые идутъ противъ правительства, протестуютъ и взрываютъ?

— О комъ это, о нигилистахъ?

— Да, только, ради Бога, тише, чтобы никто не слыхалъ. Я такъ много думала о нихъ, поступки ихъ настоящія звѣрства, но при этомъ вѣдь и своей жизнью они жертвуютъ.

— Еще бы! да еще какъ! Это фанатики идеи, это мученики!

— Да, продолжала я шептать: —это вѣрно, но напрасно они тратятъ силу на ненужную борьбу; государство развивается по извѣстнымъ законамъ, нельзя забѣгать впередъ...

— Имъ нельзя, сухо сказала Каролина,—а Петру I можно, и за это его еще называютъ Великимъ; вотъ ужъ qui a forcé le civilisation!

Я смущенно посмотрѣла на Каролину.

— О Петрѣ Великомъ я никогда не думала съ этой точки зрѣнія. Я знаю только одно, тѣ ошибаются, и, прибавила я еще таинственнѣе,— ужасно жаль, что я не могу сочувствовать имъ... такъ хорошо было бы проникнуться совсѣмъ, совсѣмъ какой-нибудь идеей и пойти за нее на плаху!

Лаура ничего не отвѣтила; она сжала губы и смотрѣла куда-то вдаль сквозь открытую дверь балкона. На лицѣ ея появилось выраженіе холодной энергіи, почти злобы.

«Вотъ ужъ она-то знаетъ за какую идею умереть!—подумала я.—Ахъ, еслибы только я могла сойтись съ нею поближе,—она навѣрное сказала бы мнѣ все».

Долго сидѣла Каролина молча, потомъ вдругъ лицо ея прояснилось. Она взглянула на меня и кивнула головой.

— Хорошо, сказала она.—Я довольна. Тогда въ школѣ я думала, что ты просто отвратительная, избалованная аристократка, теперь же я вижу, что изъ тебя можетъ, пожалуй, еще выработаться человѣкъ!

Ничто въ мірѣ, кажется, не могло бы доставить мнѣ бо̀льшаго удовольствія, чѣмъ эта неожиданная похвала. Я соскочила съ дивана и, какъ всегда въ минуты радости, начала вертѣться и танцовать по всей комнатѣ.

— Можно ли быть такимъ ребенкомъ, сказала равнодушно Лаура.—А впрочемъ, ты отлично танцуешь, можно подумать, что ты была въ коръ-де-балетѣ. Хочешь я сыграю тебѣ? Но танцевъ я совсѣмъ не знаю.

Она сѣла за фортепіано и, взявъ нѣсколько аккордовъ, начала играть съ большимъ чувствомъ и смысломъ бывшую тогда въ модѣ серенаду Мошковскаго.

— Лаура! воскликнула я удивленно.—Вотъ не знала, что ты такъ хорошо играешь. Кто тебя училъ музыкѣ?

— Самодѣятельность Смайльса! Вѣдь это только въ вашей средѣ думаютъ, что для всего надо имѣть учителей, которые насильно втискиваютъ знанія въ ваши пассивные мозги.

*

— Ай-да Лаура, ты настоящій молодецъ! Не даромъ меня тянуло къ тебѣ. Прошу тебя, сыграй еще что-нибудь.

Но она отрицательно покачала головой.

— Зачѣмъ разсѣивать впечатлѣніе? Эта серенада пусть всегда напоминаетъ намъ нашу встрѣчу. Гдѣ бы мы ни услыхали ее,—ассоціація идей сейчасъ же воскреситъ передъ нами сегодняшній день!

— Что это такое ассоціація идей?

— Какъ, ты не училась логикѣ? Многаго же ты еще не знаешь. Ну, это я тебѣ въ другой разъ объясню, а теперь прощай: мнѣ давно пора.

Съ этого дня въ моей жизни началась новая эра. Я чувствовала себя безгранично счастливой, найдя, наконецъ, друга, который своими дарованіями и образованіемъ стоялъ гораздо выше меня. Лаурѣ было всего 17 лѣтъ; отлично понимая свое превосходство надо мною, она нерѣдко относилась ко мнѣ съ презрѣніемъ. Но это только подзадоривало меня, и я старалась всѣми силами читать и учиться всему тому, о чемъ она говорила мнѣ. Такимъ образомъ я принялась за нѣмецкую литературу, до сихъ поръ совершенно мнѣ незнакомую. Читать классиковъ было однако не легко, но, вооружившись большимъ стариннымъ лексикономъ, найденнымъ въ библіотекѣ отца, я храбро принялась за дѣло, и понемногу стали мнѣ понятны и безгранично

дороги великія произведенія Гете, Шиллера и Лессинга. Кромѣ того, надо было слѣдить за политикой и новостями дня. Лаура каждый день читала три иностранныхъ газеты, которыя ея братъ приносилъ изъ конторы, въ которой служилъ, и, чтобы не ударить передъ нею лицомъ въ грязь, я жадно глотала «Новое Время» (что̀ строго-настрого было мнѣ запрещено) и, кромѣ того, тихонько посылала Сашу къ ближайшему газетчику за «Journal de St.-Pétersbourg».

Встрѣчались мы съ Каролиной довольно рѣдко. Мама̀ рѣшительно была противъ моего знакомства съ нею.

— Надѣюсь, ты избавишь меня наконецъ отъ этой рыжей, сказала она.—Ея манеры и внѣшность ужасны. Ничему хорошему научить тебя она не можетъ.

Семейство Лауры также не сочувствовало нашей дружбѣ. На меня смотрѣли тамъ, какъ на какого-то врага, который приходилъ отрывать Лауру отъ занятій. Старшая сестра ея, уже 15 лѣтъ жившая уроками, всегда возмущалась, при видѣ меня. Это была дѣвушка лѣтъ 35, на сухомъ лицѣ которой сейчасъ можно было замѣтить, что все порывистое, молодое давно уже улеглось, оставалась одна суровая честность, которая ежеминутно считалась съ дѣйствительностью.

Видѣться намъ приходилось украдкой во время моихъ прогулокъ, или же Лаура забѣгала ко мнѣ въ тѣ часы, когда никого не было у насъ дома. Семья Мымзи, къ ужасу своему, стала замѣчать, что Лаура стала гораздо разсѣяннѣй и, уходя на уроки, гораздо дольше прежняго оставалась внѣ дома, такъ что для ежедневныхъ мелкихъ заботъ и обязанностей ей не хватало времени. Платья ея оставались по нѣсколько дней не чищенными, чулки — не заштопанными, воротнички — не глаженными.

Но Лаура не обращала никакого вниманія на упреки и, казалось, все болѣе и болѣе привязывалась ко мнѣ.

— А я точно почву подъ ногами ощутила съ тѣхъ поръ, какъ нашла тебя, говорила я восторженно.—Дай мнѣ только время немного развиться, и ты увидишь, какая мы будемъ вмѣстѣ сила.

— Конечно сила, я нисколько и не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчала спокойно Лаура.

— Скоро пріѣдетъ Евочка изъ деревни, сказала я какъ-то разъ.—Намъ непремѣнно надо будетъ встрѣчаться и съ нею.

— Нѣтъ ужъ спасибо! Что на свѣтѣ можетъ быть скучнѣе Евочки.

— Такъ что жъ, что скучно, вѣдь все же она стремится къ совершенству.

— Ну, и пусть стремится! Я могу только ра-

доваться, что мои пути — не ея пути. По мнѣ, стремясь къ совершенству, къ идеалу, къ божеству, надо совершенно забывать о своемъ тѣлѣ, а она и ей подобныя сдѣлали изъ этого стремленія какую-то чувственную религію; эти посты, молитвы, борьба со сномъ и голодомъ заставляютъ постоянно думать о своемъ тѣлѣ, а развѣ это не чувственность хотя и отрицательная?

Для выработки вѣрнаго взгляда на религію я предложила Лаурѣ изучать Библію и Евангеліе. Русское Евангеліе для провѣрки правильности перевода мы рѣшили сличать съ нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ и испанскимъ. Испанскому языку Лаура долго и серьезно училась,— Сарасате былъ ея богъ. Ей хотѣлось выразить ему на его родномъ языкѣ все что она переживала подъ звуки его волшебнаго смычка. Письмо свое она однако послала ему безъ подписи.

— Пусть теперь я останусь для него въ тѣни, но черезъ нѣсколько лѣтъ,— говорила она,—когда я буду на вершинѣ славы, ну тогда пусть узнаетъ, пусть придетъ... и преклонитъ колѣни.

Смѣлые планы Лауры кружили мнѣ голову. Я смотрѣла на нее съ восторгомъ.

— Достичь величія, славы... богатства,—шептала она часто какъ въ бреду,—и никогда не удовлетворяться малымъ, никогда не сказать себѣ довольно!

Настала осень, и снова всѣ понемногу начали съѣзжаться въ городъ. Я съ нетерпѣніемъ ждала Лялю, чтобы познакомить его съ Лаурой. Мнѣ непремѣнно хотѣлось похвастать ему, а если возможно, и Жоржику Бѣлявинову своей новой, интересной подругой.

Ляля послѣ нашего переѣзда на Надеждинскую уже болѣе не ходилъ къ намъ въ отпускъ. Квартира наша была слишкомъ мала, а, главное, мамà находила, что мнѣ болѣе не подобаетъ «вѣчно сидѣть съ мальчишками». Прошло однако довольно много времени, пока наконецъ мнѣ удалось привести въ исполненіе мой планъ.

Но устроенный мною five o'clock tea совсѣмъ не удался. Къ моему ужасу къ намъ присоединился Лева, который тотчасъ же началъ съ Лаурой комически напыщенный разговоръ.

Она вся какъ-то корчилась на своемъ стулѣ, краснѣла и давилась. Жоржикъ и Ляля едва сдерживали подступающій fou rire, а я, внутренно взбѣшенная, бросала на нихъ молніеносные взгляды.

Правда, старомодное платье Лауры, все отдѣланное какими-то несмѣлыми плиси и отворотами, показалось даже мнѣ какъ-то очень ужъ некрасиво, а тощая косичка, безпомощно болтающаяся на спинѣ, была рѣшительно ни на что не похожа.

VII.

Мой другъ Лаура при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ находила еще время писать небольшіе фантастическіе разсказы, которые зажгли во мнѣ опять желаніе сдѣлаться писательницей.

Но неимѣніе отдѣльной комнаты постоянно мѣшало моимъ занятіямъ; съ тетрадью въ рукахъ бродила я изъ угла въ уголъ, нигдѣ не находя себѣ покоя; всюду ходили, шумѣли, разговаривали, не обращая на меня никакого вниманія. Иногда воображеніе рисовало особенно ярко какую-нибудь картину, умъ напрягался, но только-что я бралась за перо, пріѣзжали гости, и мнѣ приходилось съ ласковой улыбкой говорить о совершенно постороннихъ вещахъ, — сердце сжимала безпросвѣтная тоска и почти съ физической болью разлетались только-что сложившіеся въ головѣ образы. Въ уборной было относительно тише всего, и туда я перетащила изъ

столовой свои вещи, которыхъ, впрочемъ, у меня было очень немного: письменный столъ и нѣсколько любимыхъ книгъ, сохранившихся еще съ дѣтства.

Всѣ остальныя мелочи: флакончики, бомбоньерки, котильонныя украшенія, вазочки, я сложила въ одинъ прекрасный день въ мой большой пледъ и отнесла въ дѣвичью, гдѣ, конечно, ихъ мгновенно разобрали люди. Мой поступокъ, дойдя до мамà, привелъ ее въ ужасъ.

— Что это ты намѣрена Базаровщину на себя напускать?—спросила она грозно.

Уборная казалась мнѣ очень уютно устроенной, и я при первой возможности воспользовалась отсутствіемъ мамà, чтобы пригласить къ себѣ Лауру.

Я зашла къ ней во время прогулки въ сопровожденіи старшей горничной Софьи.

— Знаешь, пойдемъ сейчасъ къ намъ, мы будемъ совершенно однѣ и проведемъ день геніально!

Лаура радостно кивнула головою и, вскочивъ со стула, бросилась въ спальню.

— Mama, ich geh zu Lulu!

Старшая сестра, зашивавшая въ это время теплую калошу, посмотрѣла на нее съ яростью.

— Brüll doch nicht wie ein извощикъ!

— Ich brülle nicht я говорю, что иду въ гости.

— Ты бы ужъ съ шести часовъ утра бѣгала

изъ дому!—И, вставъ со стула, она злобно толкнула ногою открывшуюся въ гостинную дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже весело бѣжали внизъ по лѣстницѣ.

— Погода—прелесть! сказала я, выходя на улицу и бодро шагая впередъ.

Длинное пальто Лауры было очень узко и мѣшало ей свободно двигаться; оно дѣлало ея походку еще болѣе угловатой и безпощадно обрисовывало всю ея тощую фигуру. Свѣтло-синяя шляпа, сшитая дома, рѣзко отдѣлялась отъ рыжихъ волосъ.

«Это просто ужасъ, какія у нея громадныя, неуклюжія калоши, и отчего она такъ судорожно прижимаетъ къ таліи свой зонтикъ!»—думала я, искоса взглянувъ на нее.

Не знаю, поймала ли Лаура мой взглядъ, но брови ея внезапно сдвинулись и радостная улыбка сбѣжала съ лица.

— Поѣдемъ-ка лучше на извощикѣ, это скорѣе будетъ. Мы впередъ, а Софья за нами, сказала я вдругъ, вскакивая въ первыя попавшіяся дрожки.

— Пошелъ на Надеждинскую, и скорѣе, слышишь?

Но измученная лошаденка едва плелась, несмотря на дерганье и чмоканье извощика. Вдругъ мимо насъ пронесся въ эгоисткѣ высокій конногвардеецъ.

— Графъ Н.! и я вся вспыхнула, отвѣчая на его поклонъ.—Да ну же, извощикъ, пошелъ скорѣе!

Я снова взглянула на Лауру: она сидѣла сгорбившись, бокомъ, держась одной рукой за спинку дрожекъ. Тупо смотрѣли исподлобья безбровые глаза ея, и на растресканныхъ губахъ играло злое выраженіе.

Во всю дорогу мы не сказали другъ другу ни слова.

— Ну, наконецъ-то доѣхали!

Извощикъ остановился у подъѣзда нашего дома. Я помогла Лаурѣ слѣзть и начала рыться во всѣхъ карманахъ своей кофточки.

— А вѣдь денегъ-то у меня нѣтъ! не найдется ли у тебя, я тебѣ послѣ отдамъ.

Лаура высоко подняла полу своего теплаго пальто, долго шарила въ заднемъ полотнищѣ юбки и наконецъ вытащила изъ кармана маленькій черный кошелекъ.

— Извощикъ, сколько тебѣ?

— Да что же, барышня ужъ не обидьте, положьте 40 коп. вѣдь не торгуясь садились.

— 40 коп.! да ты съ ума сошелъ! за эти деньги можно на Васильевскій Островъ съѣздить!

— Ничего! шепнула я, что съ нимъ подѣлаешь, ужъ отдай ему, вонъ швейцаръ вышелъ и какъ смотритъ на насъ!

Лаура сунула деньги извощику и долго ждала съ сердитымъ лицомъ сдачу.

Лошадь между тѣмъ воспользовалась остановкой. Я быстро спряталась въ подъѣздъ.

— Очень хорошо мошенникамъ потакать! злобно прошептала она, поднимаясь со мной по лѣстницѣ.

Пока старый Иванъ снималъ съ Лауры пальто, я поспѣшно побѣжала въ столовую.

— Василій, Василій! Прибавь еще приборъ, со мною будетъ обѣдать Лаура Адамовна.

Василій весело улыбнулся. И совершенно случайно мнѣ удалось услышать, поджидая Лауру, его слова въ дѣвичьей.

— Александра Савельевна, пожалуйте-съ, наша барышня пришли и рыженькая явилась, нужно будетъ за булками сбѣгать: у нея вѣдь апекитъ страсть какой, и куда это только въ нее лѣзетъ?

За обѣдомъ тяжелыя впечатлѣнія улицы стали мало-по-малу разсѣиваться, а вечеромъ, уютно усѣвшись на низенькомъ диванѣ въ уборной, мы почувствовали себя совсѣмъ примиренными. Лампа была поставлена на самый высокій шкапъ и зеленый колпакъ на ней перевернутъ для болѣе мягкаго освѣщенія, на умывальникѣ синимъ огонькомъ горѣли духи въ курилкѣ, а на столикѣ появилась бутылка шампанскаго и два старинныхъ бокала.

— Откуда у тебя это вино? спросила Лаура.

— А это мнѣ вчера удалось изъ кладовой утащить, и такъ ловко передъ самымъ носомъ Левы. Еслибъ онъ увидалъ непремѣнно отобралъ бы себѣ. Одну бутылку, жаль, Василій разбилъ, а другая вотъ осталась. Пей скорѣе, пока пѣнится. Это намъ сегодня кстати, мнѣ такъ хочется придумать что-нибудь особенное... какой-нибудь выходъ изъ этой безпроглядной скуки, въ которой мы живемъ... Знаешь, иногда, когда никого нѣтъ дома, я сажусь въ переднюю и прислушиваюсь къ долетающимъ до меня съ лѣстницы звукамъ: гдѣ-то слышны поспѣшные шаги, гдѣ-то позвонили, засмѣялись, двери стукнули, ворвался шумъ съ улицы, пронеслась музыкальная фраза. Словомъ, тамъ гдѣ-то жизнь, движеніе, и вдругъ меня охватываетъ страхъ, что я погрязну въ интересахъ своего угла, и мнѣ такъ страстно хочется выбраться на широкую, свѣтлую дорогу, ведущую къ какой-нибудь великой идеѣ.

— Что это? вдругъ встрепенулась Лаура, я слышу музыку, развѣ твой братъ дома?

— Должно быть вернулся!

Лаура долго прислушивалась.

— Лулу, сказала она вдругъ повелительно,—я налью свой бокалъ, вели отнести ему и сказать, что я прислала.

Безпрекословно исполнивъ желаніе Лауры, я вернулась назадъ и какъ можно удобнѣе разлеглась на кушеткѣ.

Я была увѣрена, что именно такъ валяются студенты, и ощущала какой-то особенный приливъ счастья.

— Минутами я беззавѣтно вѣрю въ наши силы и въ то, что мы достигнемъ многаго въ жизни! сказала я, восторженно глядя въ потолокъ.

— А я такъ никогда въ этомъ не сомнѣваюсь, спокойно отвѣчала Лаура, допивая мой бокалъ.

— Да одна бѣда—мы женщины! сказала я озабоченно.—Насъ никто не знаетъ...

— Будутъ знать; мы еще молоды, современемъ у насъ будутъ и адепты. Всѣ передовые люди вначалѣ одиноки, а потомъ ихъ идеи мало-по-малу захватываютъ весь міръ. Вотъ, напримѣръ, святая Фема, ты вѣдь, конечно, знаешь?

— Фема? Нѣтъ, даже никогда и не слыхала.

— Ахъ, какая ты необразованная, просто противно!

Я посмотрѣла на Лауру съ виноватымъ видомъ.

— Такъ разскажи!

Лаура приняла гордый видъ.

— Въ средніе вѣка, въ XVI вѣкѣ приблизительно, начала она, — въ Германіи образовался тайный союзъ съ цѣлью установленія справедливости. При вступленіи въ него приносилась страшнѣйшая клятва; нарушившихъ ее казнили немедленно. Члены союза узнавали другъ друга по разнымъ знакамъ и словамъ, непонятнымъ другимъ. Ихъ пароль былъ: Streck, Stein, Gras,

Grein. Значеніе этихъ словъ такъ и осталось неизвѣстно. Число членовъ въ XVII вѣкѣ доходило до 100,000, между ними насчитывалось не мало королей и принцевъ, и всѣ члены, по отзывамъ тогдашнихъ писателей, считались людьми въ высшей степени честными и набожными. Собранія происходили въ темныхъ пещерахъ или гдѣ-нибудь въ лѣсахъ. Знаки общества были мечъ и сплетенная изъ ивъ веревка. Случалось нерѣдко, что находили убитаго человѣка и рядомъ съ нимъ воткнутый въ землю кинжалъ съ буквами S. S. G. G. Убійцъ въ такихъ случаяхъ никто не разыскивалъ, такъ какъ каждый зналъ, кто они и вѣрилъ въ справедливость ихъ поступковъ. Это была такая сила!

Я слушала Лауру съ величайшимъ вниманіемъ и вдругъ почувствовала, какъ по моей спинѣ пробѣжали мурашки, сердце захолонуло и восторгъ сжалъ горло.

— Лаура! воскликнула я, вскакивая съ кушетки.—Это такая прелесть, такая прелесть! Знаешь что?—И не договоривъ, я посмотрѣла ей прямо въ глаза. Та же мысль, какъ молнія, озарила и ее, и меня.—Да, вскричала я:—устроимъ общество.

Мы бросились другъ другу въ объятія, потомъ я протанцовала какое-то необыкновенное па и въ изнеможеніи упала на кушетку. Я была такъ безконечно счастлива!..

— Но какое? вдругъ спросила Лаура озабоченно.—Сколько идей уже исчерпаны!

— Стремленіе къ истинѣ, красотѣ и добру никогда не можетъ быть исчерпано, и это стремленіе будетъ цѣлью нашего общества! громко и увѣренно произнесла я.

Лаура вскочила съ кресла.

— Давай, давай! И она быстро потрясла ладонями груди. Это былъ ея обычный жестъ въ минуты восторга.

— Какъ это намъ раньше въ голову не пришло? Я знала, что сегодня мы додумаемся до чего-нибудь геніальнаго. Давай писать уставъ!

— Давай.

Шумно бросилась я къ письменному столу за бумагой и чернилами и въ одинъ мигъ положила ихъ передъ Лаурой на маленькій столъ. Порывисто обмакнула она перо, но, не зная, что̀ писать, посмотрѣла на меня съ вопросомъ:

— Ну, что̀ же?

— Какъ что̀?.. Ну, общество... Ну, стремленіе къ добру, истинѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, перебила она меня: — общество стремленіе — это невозможно, надо подумать. Она опустила глаза и стала кусать перо.—Постой, начнемъ съ основной идеи. Чего мы хотѣли?

— Какъ чего? Мы хотѣли основать общество, стремящееся къ добру...

— Хорошо. Какимъ же образомъ оно будетъ стремиться? Вѣдь къ добру безъ всякаго общества можно стремиться?

— Нѣтъ. Человѣкъ самъ по себѣ слишкомъ слабъ. Мы должны другъ друга поддерживать...

— Стой! закричала Лаура:—стой, вотъ и нашла: «Общество взаимной поддержки». Опять пауза.—Поддержки чего?

— Взаимной поддержки стремленія къ добру, добавила я съ тоскою:—вѣдь это ужасъ что выходитъ!

Но Лаура, какъ всегда, со строгой логичностью умѣла довести мысль до конца.

— Главное не терять нити, сказала она сосредоточенно.—Итакъ, это будетъ общество, поддерживающее стремленіе къ добру, правдѣ и красотѣ. Какъ же выражаютъ люди вообще это стремленіе? Ну, хоть бы, напримѣръ, стремленіе къ красотѣ?

— Тѣмъ, что творятъ красивыя вещи... сказала я несмѣло.

— Ну, конечно, тѣ, которые творятъ ихъ, и есть самые сильные выразители этого стремленія, — вотъ въ нашемъ обществѣ будутъ, значитъ, художники. Потомъ представители правды.

— Ну, ужъ это конечно писатели, поэты, воскликнула я весело.—Этихъ навѣрно возьмемъ! Только какъ же это? Выходитъ, что у насъ бу-

дутъ одни таланты? Ну, а тѣ, у которыхъ нѣтъ талантовъ,—и которые все же стремятся?

— Что же, сказала Лаура:—можно раздѣлить членовъ на двѣ категоріи, но главные будутъ талантливые люди.

— Ура! закричала я.—Вотъ и названіе: «Общество взаимной поддержки талантливыхъ людей!»

— Конечно, чудно!

— Такъ пиши же, пиши, другъ Лаурочка! Только побольше буквы ставь, вотъ такъ, вотъ такъ, ахъ какъ хорошо! Ну, а гдѣ же выразители добра?

— Гдѣ красота, гдѣ правда, тамъ и добро, отвѣтила Лаура.

— Вѣрно, вѣрно! Пиши!

— Да ужъ готово. Теперь что̀?

— Теперь уставъ.

— Ну это нельзя такъ. Уставъ надо будетъ выработать со всѣми членами.

— Съ кѣмъ же? Кто же будутъ члены?

Мы снова замолчали. Я знала, что Лаура презирала всѣхъ моихъ родственниковъ и знакомыхъ, такъ что предложить кого-нибудь изъ нихъ я не могла. Я посмотрѣла на нее вопросительно.

— Изъ твоихъ кого-нибудь?

Вѣдь всѣ «ея» были такіе умные и талантливые люди.

— Не пойдутъ! отвѣтила она, махнувъ рукой. — Всѣ они слишкомъ положительные: имъ прежде всего надо доказательствъ.

— Да при чемъ тутъ доказательства? Развѣ стремленіе къ добру требуетъ доказательствъ?

— Конечно! Вѣдь можно, напримѣръ, доказать, что мы поддержали и вывели на дорогу талантливаго человѣка?!

— А знаешь, намъ придется вѣдь помогать и матеріально, сказала я.

— Да, отвѣтила Лаура. — Для этого надо будетъ людей побогаче избрать въ почетные члены.

— Найдемъ! Потомъ, продолжала я:—мы будемъ устраивать засѣданія... потомъ... нашимъ девизомъ мы изберемъ слово: «Впередъ» и на первой страницѣ журнала большими буквами напишемъ стихотвореніе Плещеева того же названія и всѣ члены должны будутъ знать его наизусть и считать своею путеводною звѣздою!..

Достали Плещеева, списали стихи и стали опять думать о членахъ.

— Знаешь, сказала я наконецъ очень скромно.—Ляля самъ по себѣ ничтоженъ, но вѣдь у него много друзей въ классѣ: пусть выберетъ самыхъ талантливыхъ.

— Хорошо, проговорила Лаура снисходительно.—Когда преслѣдуешь какую-нибудь высокую

идею, не слѣдуетъ гнушаться и дрянью, если только она можетъ принести пользу.

— Именно. Такъ запишемъ его, сказала я, оживляясь.—Вотъ Жоржикъ Бѣлявиновъ также, говорятъ, пишетъ,—не взять ли и его? Можетъ-быть у него и есть талантъ, а если у него ложное направленіе, мы направимъ его,—вѣдь это и составляетъ нашу цѣль.

— Какъ, этотъ длинный, съ бѣлясыми глазами, котораго я видѣла у тебя? Неужели онъ пишетъ?

— Да, да. Яля говорилъ мнѣ, что только слишкомъ сентиментально. Конечно, на видъ въ немъ нѣтъ ничего артистичнаго, и руки у него такія всегда холодныя и мокрыя!

— Ахъ какая гадость! воскликнула Лаура въ то же время старательно вписывая его имя въ тетрадь.

— Завтра же отправлюсь въ Пажескій корпусъ, все имъ сообщу и позову ихъ на первое засѣданіе, сказала я.—А теперь мы довольно поработали, я устала. Такъ трудно великія идеи переносить на почву дѣйствительности. Надо только еще рѣшить, гдѣ будетъ первое засѣданіе. Вѣдь оно должно быть непремѣнно тайное. Нельзя ли у тебя?

Лаура долго думала.

— Хорошо, проговорила она наконецъ:—я устрою это.

Прощаясь, мы восторженно пожали другъ другу руки.

— Однако поздно, замѣтила я. — Лучше тебѣ изъ предосторожности уйти черезъ кухню.

И дѣйствительно, едва успѣла я возвратиться въ уборную — какъ въ передней раздался звонокъ.

— Мамà! Боже мой—мамà! а пустая бутылка стоитъ на столѣ. Что дѣлать? Если сунуть ее подъ кушетку или подъ кресло, мамà все равно найдетъ. У нея такое обоняніе! Какъ безумная металась я по всей комнатѣ, рѣшительно не зная, что дѣлать. Наконецъ счастливая мысль озарила меня. Я вспрыгнула на подоконникъ, отодвинула занавѣсъ, открыла форточку и выбросила бутылку на улицу. Едва успѣла я еще схватить лампу и, поправивъ на ней колпакъ, усѣсться за столъ, какъ въ комнату вошла мамà. Она была необыкновенно авантажна въ нарядномъ платьѣ и казалась очень въ духѣ.

— Ну, что, ты не соскучилась одна? спросила она ласково. Ужасно только душно у тебя, ты бы вышла и велѣла открыть окно, какой-то странный запахъ здѣсь.

Я такъ и обомлѣла.

Буря однако въ этотъ день благополучно прошла мимо и разразилась было на другой день совершенно неожиданнымъ для меня образомъ.

— Барышня, таинственно зашепталъ Василій, какъ только я вышла въ столовую. — Сейчасъ

придетъ къ намъ полиція протоколъ составлять, вчера-то вы бутылку изволили выбросить, а она прямо одному барину на голову попала, и онъ чудомъ при жисти остался...

— Что ты, Василій, неужели правда?

— Какъ же не правда? У насъ тутъ на черной лѣстницѣ городовые такъ и ходятъ, въ квартирахъ дознанія дѣлаютъ, значитъ виновнаго розыскиваютъ.

— Что дѣлать, Боже мой? Что дѣлать? Нельзя ли хоть деньгами какъ нибудь откупиться?

И я побѣжала въ уборную и торопливо раскрыла всѣ свои портмонне и копилки. Нашелся золотой, подаренный мнѣ еще въ дѣтствѣ отцемъ, нѣсколько старинныхъ серебряныхъ рублей, и множество новенькихъ пятачковъ. Я отнесла ихъ Василію.

Все утро провела я въ страшной тревогѣ. Каждый звонокъ бросалъ меня въ холодъ и въ жаръ. Наконецъ, въ уборную просунулось радостное лицо Василія.

— Барышня, а барышня, будьте покойны! теперь все слава Богу!

Въ два часа, въ сопровожденіи новой дѣвушки Софьи, обѣщавшей свято хранить тайну, я была уже въ пріемной Пажескаго корпуса.

Ляля оказался боленъ, а Жоржикъ наказанъ. Обоимъ однако позволили выйти ко мнѣ. Они показались мнѣ какими-то блѣдными и ничтож-

ными, а я сама чувствовала себя до того не по себѣ, что едва могла говорить, такъ что вначалѣ они даже не понимали меня. Жоржикъ принялъ необыкновенно фамильярный видъ, который всегда, впрочемъ, принимаютъ молодые люди относительно барышень, переступающихъ les usages du monde.

Онъ заглядывалъ мнѣ въ глаза и постоянно приговаривалъ:

— Такъ-то-съ, Елена Сергѣевна, такъ-то-съ.

Ляля все больше молчалъ. Кончилось однако тѣмъ, что оба обѣщали непремѣнно быть у Лауры и привести кого-нибудь изъ товарищей.

Выборъ ихъ палъ на Алексѣя Никитича Краснова. Это былъ небольшой, плотный пажикъ, съ красивыми черными глазами и короткой неуклюжей тальей.

Всѣхъ трехъ молодыхъ людей я уже застала въ гостинной у Мымзи въ назначенный день и часъ.

Сама Лаура суетилась, нервно смѣялась и часто дѣлала свой любимый жестъ.

За неплотно запертыми дверями спальни виднѣлось нѣсколько головъ.

— Лулуша — позволь представить тебѣ моего товарища, сказалъ Ляля.— Онъ занимается скульптурой: очень талантливъ.

Поздоровавшись со всѣми, я предложила тотчасъ приняться за дѣло.

Я храбрилась, но внутренно мнѣ было ужасно неловко; перчатки рѣшительно не слѣзали съ рукавовъ. Я смѣялась и краснѣла, а молодые люди смотрѣли на меня съ добродушной улыбкой,—той самой улыбкой, съ которой всегда смотрятъ на дѣтей.

Это еще больше смутило меня, но, сознавая глубокое значеніе этой минуты, я наконецъ собралась съ силами.

— Сядемте и переговоримте, сказала я.

Всѣ молча разсѣлись.

Софья на почтительномъ растояніи помѣстилась у окна, держа на колѣняхъ мою шляпу.

Только-что я хотѣла объявить засѣданіе открытымъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ братъ Лауры. Всѣмъ снова пришлось вставать, знакомиться и вести самый пустой разговоръ. Меня стало грызть нетерпѣніе.

— Лаура, шепнула я:—нельзя ли запереть двери, чтобы сюда никто не смотрѣлъ, и какъ-нибудь спровадить твоего брата? Вѣдь пора, наконецъ, начинать.

— Hans, сказала она.—Ты намъ мѣшаешь: у насъ важное дѣло.

— Ахъ, извините! проговорилъ онъ съ напускною серьезностью.—Я совсѣмъ забылъ.

И, поспѣшно поклонившись, онъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Въ щель двери Лаура также сказала нѣсколько

внушительныхъ словъ, послѣ чего головы исчезли, и дверь захлопнулась.

Наконецъ мы были одни.

— Господа, проговорила я, стараясь подавить волненіе.—Мы всѣ тутъ люди талантливые... Отчего вы улыбаетесь? Развѣ стыдно открыто признаться въ томъ, что всѣ мы таимъ въ душѣ? Мы молоды, значить и таланты наши въ зародышѣ. Безъ поддержки они пожалуй могутъ заглохнуть. Отчего бы намъ не соединиться вмѣстѣ? Жизнь вѣдь великая вещь, и мы должны этимъ сознаніемъ проникнуться, иначе изъ насъ ничего не выйдетъ. Не будемте Рудиными или Печориными, которые только анализируютъ и погибаютъ въ бездѣйствіи, нѣтъ, будемте... будемте...— трудно было выбраться изъ этой высокопарной фразы— ну, будемте жить и работать для искусства.

Я открыла большую, старинную тетрадь въ крѣпкомъ переплетѣ, выброшенную моей матерью, и показала присутствующимъ на первую пожелтѣвшую страницу, на которой большими буквами было написано названіе общества.

— Хотите быть членами этого союза?

— Конечно, конечно! Это прекрасная идея!

— Въ такомъ случаѣ я прочту вамъ обѣщаніе, которое дается каждымъ членомъ при его вступленіи.

— Отчего не клятву? спросилъ Ляля.—Это гораздо сильнѣе,—клятва!

— Мы и хотѣли, да потомъ раздумали, потому что это противъ Евангелія. Развѣ ты забылъ, что̀ говоритъ объ этомъ Христосъ?

— Ну, мало ли что тамъ еще написано, вѣдь нельзя же все исполнять.

— Вотъ обѣщаніе: «Обѣщаю во имя всего прекраснаго, что со дня моего вступленія въ Общество взаимной нравственной поддержки талантливыхъ людей, свято буду исполнять всѣ его уставы. Обѣщаю, что всей душой буду стремиться къ добру, правдѣ и красотѣ. Обѣщаю, что ни обстоятельства, ни дрязги не въ силахъ будутъ убить во мнѣ возвышенныхъ сторонъ души и что употреблю всю жизнь—этотъ великій, чудный даръ—на служеніе ближнимъ и всему прекрасному».

Молодые люди зааплодировали. Лаура ликовала.

— Кто согласенъ, пусть записывается въ члены вотъ тутъ, на слѣдующей страницѣ.

Всѣ записались.

— А уставъ выработанъ? спросилъ Ляля.

— Сейчасъ, сейчасъ дойдемъ и до него.

§ 1. Общество состоитъ изъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-критиковъ.

§ 2. Члены общества собираются разъ въ недѣлю.

*

§ 3. На собраніяхъ кавалерамъ дозволяется подносить дамамъ цвѣты.

— Что это такое? всѣ разсмѣялись.—Зачѣмъ это приносить цвѣты?

— Затѣмъ, сказала я, краснѣя:—что въ наше время духъ галантности совсѣмъ исчезъ между молодыми людьми. А его бы слѣдовало воскресить. Цвѣты этому способствуютъ...

Едва успѣла я произнести эти слова, какъ Жоржикъ откинулся на кресло и, открывъ ротъ, залился громкимъ смѣхомъ.

— Духъ галантности, проговорилъ онъ наконецъ:—духъ галантности! Какъ это хорошо сказано! Браво, Елена Сергѣевна!

Онъ облокотился о столъ и, подперевъ кулаками голову, началъ смотрѣть на меня смѣющимися глазами. Я видѣла, что онъ болѣе ничего не слушалъ; онъ только улыбался и изрѣдка вполголоса повторялъ: «Браво, Елена Сергѣевна, браво!»

Красновъ и Ляля изрѣдка возражали.

— Гдѣ же будущее засѣданіе? спросила я, когда уставъ былъ прочитанъ.—Здѣсь нельзя такъ часто безпокоить. У насъ можно было бы... Когда мамà не будетъ дома...

Мы всѣ молча переглянулись, не зная, на что рѣшиться.

— Вотъ что. Я переговорю съ мамà. Скажу ей, что у меня будетъ вечеромъ молодежь, —

вотъ и все Она всегда уѣзжаетъ. И знаешь что Ляля: приходи въ четвергъ, ровно въ 7 часовъ вечера, въ маленькій переулокъ, что̀ не далеко отъ насъ: я выйду и сообщу тебѣ о результатахъ моего разговора съ мама̀.

— Ну и отлично! — Непремѣнно приду. Позволь мнѣ поцѣловать твою ручку!

Мы всѣ встали съ нашихъ мѣстъ. Въ комнатѣ было уже почти темно. Лаура принесла свѣчку. Молодые люди начали искать свои шпаги и каски. Жоржикъ и Ляля пришли въ самое веселое настроеніе. Они громко смѣялись, острили и, наконецъ, подхвативъ подъ руки Краснова, выскочили на лѣстницу и съ шумомъ въ припрыжку спустились внизъ.

Я снова усѣлась на свое прежнее мѣсто. Лаура поставила свѣчку передо мною и посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Ну, что?

— Да я, право, не знаю, — проговорила я вяло.—Кажется они восприняли наши идеи.

— Ты довольна?

— Нѣтъ, мнѣ почему-то вдругъ стало такъ грустно.

— И мнѣ: точно почва ушла изъ-подъ ногъ.

Мы задумались.

— Елена Сергѣевна, домой пора, моя золотая, сказала Софья;—какъ бы генеральша не заругались...

— Правда, я и забыла совсѣмъ. Сейчасъ, сейчасъ.

— А Красновъ?—спросила вдругъ Лаура.

Я посмотрѣла на нее, и мы громко разсмѣялись.

— Съ какимъ достоинствомъ онъ себя держитъ!—сказала я.—Какъ движенія его медленны, какъ взоры многозначительны. Я увѣрена, онъ изображаетъ Наполеона I. А какіе у него глаза—чудо! Навѣрное въ немъ есть что-нибудь интересное.

— Конечно, да, и навѣрно больше, чѣмъ въ этомъ раскисшемъ Жоржикѣ.

— А все же будетъ интересно узнать, какъ онъ пишетъ. Знаешь, не будемъ унывать...

— Это правда,—отвѣтила Лаура, совершенно оживляясь:—будемъ энергичны...

По дорогѣ домой я принялась мечтать о томъ, какъ наше общество распространится со временемъ на весь міръ, и мы такимъ образомъ поведемъ человѣчество по пути къ совершенству.

VIII.

О дай же доступъ мнѣ,
Моей любви мятежной!

На другой день я горячо принялась за дѣло. Надо было приготовить какое-нибудь сочиненіе, а главное навербовать членовъ. Въ четвергъ, тотчасъ послѣ обѣда я, подъ видомъ небольшой прогулки, вышла изъ дома въ сопровожденіи Саши. Ляля уже ждалъ меня, таинственно выглядывая изъ-за первой водосточной трубы. Никогда еще въ жизни не была я такъ рада видѣть его, какъ въ тотъ вечеръ.

Онъ уже не казался мнѣ ничтожнымъ мальчикомъ, — нѣтъ, онъ былъ членомъ нашего союза, насъ соединила идея!

— Ляля, сколько мнѣ тебѣ надо разсказать!

— Лулуша, какъ я счастливъ тебя видѣть!

— А правда, хорошій переулокъ? — сказала я. — Никого нѣтъ! Давай ходить взадъ и впередъ и говорить. Какъ таинственно, какъ интересно!

— Да, только ужасно скользко. Пойдемъ лучше подъ ручку, вѣдь, я думаю, намъ не встрѣтится тутъ какой-нибудь офицеръ!

— Конечно не встрѣтится,—и я крѣпко оперлась объ его руку.

— Я буду думать, что я уже офицеръ, а ты моя жена!..

— Нѣтъ ужъ объ этомъ думать теперь некогда! Слушай меня хорошенько, — наше дѣло подвигается.

— Какое дѣло?

— Насчетъ субботы, развѣ ты забылъ? Мама̀ вначалѣ не соглашалась. Она находитъ, что я теперь уже большая и что мнѣ довольно думать о мальчишкахъ; потомъ она Лауру очень не любитъ. Одно насъ спасло. Я шепнула Левѣ насчетъ нашего общества. Онъ обѣщалъ записаться въ члены и объявилъ, что въ субботу будетъ дома и очень радъ провести вечеръ съ молодежью, которой давно уже не видалъ.

— Ну и что же?

— Ну, и мама̀ согласилась.

— Вотъ и отлично: Фу, какъ тутъ скользко! Да я думаю тебѣ холодно? Пойдемъ лучше куда-нибудь.

— Но куда же? Не могу себѣ и представить. Къ намъ невозможно. Мама̀ будетъ недовольна, что ты пришелъ на недѣлѣ. Походимъ лучше и разстанемся.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ скоро это невозможно! Я вѣдь отпросился на три часа!

— А знаешь, Ляля, пойдемъ къ Софьѣ Ивановнѣ!

Это была одна бѣдная родственница, содержавшая меблированныя комнаты. Она была большая любительница поболтать съ молодыми людьми и приглашалась къ намъ на вечера разливать чай.

— Пойдемъ къ ней, она навѣрно не скажетъ мамà. Ты только иди впередъ, а я съ Сашей за тобою, будто мы не вмѣстѣ.

Софьи Ивановны не оказалось дома.

Въ недоумѣніи стояли мы передъ грязноватой «слугой».

— Нельзя ли хоть у нея въ комнатѣ посидѣть?

Горничная казалась смущенной.

— Хоть только на пять минутъ: намъ только обогрѣться, право! Куда тутъ пройти?

— Тогда ужъ пожалуйте въ гостиную сюда, проговорила она нехотя.

Мы вошли въ небольшую довольно уютную комнату. На письменномъ столѣ горѣла лампа.

— О, да тутъ отлично! воскликнулъ Ляля, опускаясь на диванъ.

— Ну, ужъ смѣшилъ же ты меня всю дорогу, сказала я, разстегивая пальто.—То ты ногой тумбу задѣнешь, то каской навѣсъ!

— Потому что я все оглядывался на тебя, сказалъ онъ смѣясь.

— Ляля, что это, что? или это мнѣ кажется? у тебя недостаетъ зуба?

Онъ покраснѣлъ и сконфузился.

— Покажи-ка, покажи! онъ отстранилъ мою руку и поцѣловалъ ее.

— Сломалъ лѣтомъ, вотъ и все, что же тутъ удивительнаго.

— Сломалъ? отчего же я прежде не замѣтила?

— А у меня вставной есть. Сегодня, какъ нарочно, заложилъ его куда-то, чортъ знаетъ, цѣлый день искалъ.

— Гдѣ жъ ты сломалъ, разскажи. Да ну же?

— Да что разсказывать? Я же сказалъ: лѣтомъ въ лагерѣ... разъ какъ-то никакъ не могъ заснуть, все о тебѣ думалъ: ну, всталъ и пошелъ къ Жоржику, а онъ въ то время жилъ въ одной палаткѣ съ Алешкой Красновымъ. Ну—проболтали мы часовъ до двухъ и рѣшили выпить за твое здоровье... Сдѣлали тайную вылазку изъ лагеря, переѣхали на лодкѣ озеро, купили вина въ гостинницѣ. Все шло благополучно, никто насъ не замѣтилъ. Ну, было очень весело, а потомъ я какъ-то громко запѣлъ... и упалъ мимо кровати... пришелъ дежурный... И знаешь, вѣдь это чортъ знаетъ! насъ лишили камеръ-пажества!

— Значитъ у тебя не будетъ шпоръ? Какъ

жаль! И зачѣмъ это при мысли обо мнѣ выдѣлывать такія глупости.

— А то какъ же? Ты посмотри только, что выдѣлываютъ влюбленные... но ты не можешь этого понять, потому что никогда не любила. Ты какая-то холодная! Знаешь, я прочелъ одно стихотвореніе Тургенева въ прозѣ; оно точно написано на тебя: я теперь часто про себя повторяю его. «Гордо и тихо, безъ слезъ и безъ улыбки проходишь ты по жизненному пути. Всѣ тебѣ чужды и никто тебѣ не нуженъ. Твой взоръ глубокъ, но не задумчивъ, пусто въ этой свѣтлой глубинѣ». Ахъ, Лулуша, дай обнять тебя!

— Что ты, Ляля, проговорила я съ ужасомъ. — Развѣ можно обниматься, когда надо говорить о дѣлахъ общества? Я вѣдь тебѣ еще не сказала, сколько мнѣ удалось сдѣлать на этой недѣлѣ! Сколько членовъ я завербовала! Лева вступаетъ, потомъ Лили Таланова,—знаешь, эта хорошенькая?

— Ну, ужъ хорошенькая! Такая безцвѣтная!

— Потомъ члены-критики будутъ...

— Лулуша, вдругъ нетерпѣливо перебилъ Ляля:—брось, ей-Богу, брось!

— Какъ брось? Что бросить?

— Да говорить объ этомъ... Мнѣ вѣдь все равно, ей-Богу! Дѣлай, какъ хочешь, и приказывай: я буду исполнять.

И на этотъ разъ онъ энергично обнялъ меня.

Какъ разъ въ эту минуту на порогѣ появилась Софья Ивановна.

— Больна я совсѣмъ, проговорила она, здороваясь съ нами:--не хотѣла никого принимать, да ужъ видно надо будетъ съ вами поболтать и чайкомъ васъ напоить.

— Нѣтъ, Софья Ивановна, намъ надо идти; благодарю васъ, вѣдь мы только на минуточку: хотѣли съ Лялей насчетъ дѣла поговорить, относительно тайнаго общества, которое мы устраиваемъ. У насъ дома нельзя, мы пошли въ переулокъ, тамъ скользко, ну мы къ вамъ... Да который теперь часъ?

Софья Ивановна посмотрѣла на насъ обоихъ и улыбнулась.

— Что это вы такое затѣваете?

— Да ничего, право ничего, вы только мама не говорите. Хорошо, не скажете?

— Ахъ вы молодежь, молодежь! Конечно не скажу, а часъ теперь—безъ четверти девять.

— Безъ четверти девять? Какъ поздно!

Мы суетливо стали прощаться.

На обратномъ пути я пошла впередъ съ Софьей, а Ляля за нами. У нашего подъѣзда онъ поровнялся со мною.

— Ну, до свиданія! сказала я.

— До свиданія. Только знаешь, мнѣ такъ не хочется съ тобою разставаться!

— Что же дѣлать, надо!

— Хоть пять минутъ еще!

Такъ войдемъ со мной на лѣстницу и посидимъ на ступенькахъ.

— А вдругъ тетя?

— Такъ вотъ что. Пойди на кухонную лѣстницу и жди. А я узнаю, что дѣлается у насъ...

Мама̀ не оказалось дома.

Я послала Сашу за Лялей.

Онъ вбѣжалъ въ уборную въ пальто и каскѣ.

— А знаешь зачѣмъ я въ сущности пришелъ? мнѣ до смерти хочется поцѣловать тебя...

— Ляля, сказала я нетерпѣливо, какъ я не люблю такихъ разговоровъ—ты это знаешь!»

Съ его лица сразу сбѣжало все оживленіе. Онъ драматично стукнулъ себя въ грудь кулакомъ.—Знай, Елена, если ты не полюбишь меня... къ чорту все! Я выхожу въ армію...

— Постой! перебила я.—Точно звонокъ былъ. Ну вдругъ мама̀!

Ляля испуганно оглянулся на дверь.

— Неужели? Такъ прощай! Прощай до субботы.

Онъ крѣпко сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ! воскликнулъ онъ.—Еслибы я только могъ найти свой зубъ!

Въ назначенный для засѣданія день мама̀, вопреки своему обыкновенію, осталась дома. Къ 10-ти часамъ вечера мало-по-малу собрались всѣ

члены нашего общества. Къ 11-ти мы наконецъ усѣлись за большимъ круглымъ столомъ въ залѣ, Мама̀, тетя Карская и нѣсколько пожилыхъ дамъ помѣстились на креслахъ и засѣданіе было объявлено открытымъ. Намъ всѣмъ было ужасно неловко. Наше отношеніе къ старшимъ всегда было строго офиціальное. Мы кланялись, отвѣчали, сидѣли или улыбались по извѣстнымъ правиламъ, но никогда еще не приходило намъ въ голову говорить при нихъ о нашемъ внутреннемъ мірѣ, и вдругъ теперь приходилось подвергнуть критикѣ и осмѣянію то, что было такъ близко и мило нашему сердцу! Трудно представить себѣ болѣе тягостную минуту.

Первымъ долженъ былъ выступить Жоржикъ. Глухимъ, еле слышнымъ голосомъ прочелъ онъ небольшую повѣсть, въ которой описывалась очаровательная молодая дѣвушка.

«Она» была любима. Въ саду при лунѣ «онъ» въ первый разъ цѣлуетъ ее...

Бѣдный Жоржикъ едва былъ въ силахъ прочесть это мѣсто.

За то мы всѣ вознаградили его дружными аплодисментами.

— Mais c'est charmant, George! сказала мама̀.— Вы прелестно пишете; второй Тургеневъ, увѣряю васъ!

Настала очередь Краснова. Онъ всталъ и принесъ изъ передней небольшой пакетъ.

— Это Никита Пустосвятъ, проговорилъ онъ своей многозначительной манерой, ставя на столъ небольшую голову старика, довольно искусно вылѣпленную изъ глины.

«Но отчего именно Пустосвятъ? подумала я.— И что это за Пустосвятъ? Надо будетъ завтра въ исторіи посмотрѣть».

Я замѣтила, что и у другихъ на лицѣ пробѣжало тоже недоумѣніе; но всѣ тотчасъ зааплодировали.

Слѣдующій нумеръ долженъ былъ по программѣ исполнять Ляля. Но его не было. Жоржикъ шепнулъ мнѣ, что онъ все еще не могъ найти своего зуба.

— Ну, значитъ тебѣ, сказала Лаура.

Мнѣ стало невыносимо страшно. Я искоса взглянула на мама̀ и глубоко вздохнула. Кто-то чуть слышно повторилъ мой вздохъ, но кто? Да это Алеша Красновъ! Я уже не разъ встрѣчала его взглядъ въ этотъ вечеръ. Дрожащимъ, замирающимъ голосомъ начала я читать сочиненную мною сказку: «Дѣвочка и Эльфы». Въ ней, какъ мнѣ казалось, я очень тонко обрисовала тотъ типъ возвышенныхъ натуръ, которыя не могутъ сродниться съ сѣрою дѣйствительностью и покупаютъ свое счастіе цѣною жизни. Но странно, каждое прочитанное слово вмѣсто прежняго восторга возбуждало во мнѣ острую критику, и я сама показалась себѣ безконечно ничтожной со всѣми моими мечтами!

— Ну, вотъ и все! сказала я убитымъ голосомъ, дочитавъ послѣднія слова моей сказки.

Раздались бурные аплодисменты.

— Ай-да Лулу! сказала мамà. — А я и понятія не имѣла, что она такъ мило пишетъ.

Черные глаза Краснова опять выразительно устремились на меня. Жоржикъ пришелъ въ то восторженное настроеніе, которое мнѣ такъ хорошо было знакомо. Онъ улыбался, раскачивался на стулѣ и то и дѣло прижималъ къ губамъ сложенные въ кучку пальцы руки.

— И она такъ горячо поцѣловала цвѣтокъ, что онъ раскрылся! повторялъ онъ одну изъ фразъ моей сказки.

Тотчасъ послѣ легкаго ужина вся молодежь разъѣхалась. Старшіе сѣли играть въ вистъ. Лаура ушла со всѣми. Весь вечеръ мы избѣгали смотрѣть другъ на друга.

Слѣдующее засѣданіе Лаура обѣщала устроить у одной изъ своихъ подругъ. Вѣсть объ обществѣ, во главѣ котораго стоитъ Лулу Толимова когда-то бывшая въ нѣмецкой школѣ, привела всю семью въ необычайное волненіе, и каждая дочь (ихъ было восемь) поспѣшила пригласить своихъ любимыхъ подругъ на этотъ знаменательный вечеръ, такъ что когда недѣлю спустя мы, члены общества, собрались, въ залу изо всѣхъ дверей выглядывали головы и слышался таинственный шопотъ. Послѣ двухъ-трехъ жид-

кихъ нумеровъ засѣданіе было объявлено закрытымъ. Всѣ двери—тотчасъ распахнулись, и комната наполнилась подругами. Насмотрѣвшись на насъ, какъ на какое-то заморское чудо, они принялись устраивать танцы. Раздалась ритурнель. Красновъ угловато подалъ мнѣ бутоньерку цвѣтовъ и тотчасъ отошелъ. Не помню, съ кѣмъ танцовала я, знаю только, что чувствовала себя окончательно опозоренной. Такъ вотъ чѣмъ разрѣшились наши великія мечты—кадрилью, которую вдобавокъ еще играли въ четыре руки двѣ жеманныя нѣмки! О стыдъ, о ужасъ, о насмѣшка судьбы! Ну, какъ пережить такое униженіе! Не смѣя поднять глазъ ни на кого, я пробралась при первой возможности въ переднюю и поспѣшно уѣхала домой.

Третье и послѣднее засѣданіе состоялось у насъ.

Ляля въ этотъ день пришелъ съ утра. Наконецъ-то удалось ему найти свой зубъ.

— Что ты приготовилъ на сегодня? спросила я.—Вѣдь ты обозначенъ у насъ въ журналѣ, какъ драматическій талантъ.

— Я выучилъ клятву изъ Демона. Но неужели тетя будетъ слушать? Я такъ ея боюсь.

— Глупости, вѣдь мы же читали!

— Нѣтъ, право, ну какъ я буду? И потомъ этотъ зубъ, я къ нему еще не совсѣмъ привыкъ, онъ иногда свиститъ.

— Не свистнетъ. Это все глупости и отговорки.

— А знаешь? прибавилъ онъ вдругъ.—Красновъ говоритъ, что у тебя удивительные глаза, глубокіе, какъ море. И Ляля подошелъ къ фортепіано и взялъ нѣсколько минорныхъ аккордовъ. — Онъ находитъ еще, что въ тебѣ много своеобразной прелести...

— Неужели? проговорила я равнодушно, между тѣмъ какъ сердце такъ и застучало въ груди.

— И все это меня очень тревожитъ! продолжалъ Ляля, подбирая какія-то трагическія созвучія.—Ну, вдругъ онъ тебѣ понравится? Скажи, вѣдь ты теперь не влюблена въ него, нѣтъ?

Я принужденно засмѣялась.

— Какія глупости!

— Ну, слава Богу. Еслибы ты знала, Лулуша, какъ я тебя ревную.

Цѣлый день слова Ляли не выходили у меня изъ головы, и вечеромъ я невольно смутилась, подавая Краснову руку. Онъ принесъ съ собою крошечную статуэтку изъ воска, изображавшую какого-то военнаго.

— Это кондотьери, сказалъ Ляля.– Неправда ли хорошъ?

— Очень, очень типично, съ видомъ знатока подтвердила я, ставя статуэтку на столъ. (Названіе это я слышала первый разъ въ жизни).

— А гдѣ вы учились лѣпить?

— Я ученикъ Дроздова, проговорилъ самодовольно Красновъ.—Это знаменитый скульпторъ; вы, конечно, знакомы съ его произведеніями?

— Еще бы! опять солгала я. — Что же, онъ приходитъ къ вамъ?

— Нѣтъ, частныхъ уроковъ онъ никому не даетъ. Я хожу въ рисовальную школу, гдѣ онъ преподаетъ.

Ляля между тѣмъ, нервно потирая руки, порывисто ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

— А-а! воскликнулъ онъ вдругъ радостно:— вотъ наконецъ и Андрей Андреевичъ! И онъ бросился въ объятія небольшому лысому господину, только-что съ комическими ужимками входившему въ залу подъ ручку съ Жоржикомъ.

Этотъ Андрей Андреевичъ былъ 40-лѣтній краснобай и неудачникъ, игравшій передъ молодежью роль человѣка, много пострадавшаго за «идею».

Онъ любилъ потихоньку отъ маменекъ «будить» молодыхъ дѣвушекъ, нашептывая имъ смутныя слова про свободу чувства, туманную даль, вѣру въ свои силы и т. п.

— Отчего вы такъ веселы? спросила я Жоржика.

— Это все Андрей Андреевичъ. Мы случайно съ нимъ встрѣтились, и онъ всю дорогу смѣшилъ меня. Не даромъ мы избрали его въ наше общество. Этакая способная голова, этакое умѣнье критиковать...

— Критиковать или глумиться? спросила я серьезно.

Жоржикъ поднялъ голову и засвисталъ.

— Какъ это глубоко сказано!

— О рабѣ Божіемъ Андреѣ, кажется, рѣчи сіи ведутся! проговорилъ Андрей Андреевичъ, смиренно складывая руки на груди и вытягивая лицо въ наивно-глупую гримасу. Ляля такъ и прыснулъ со смѣха.

— Ну, шепнула я Лаурѣ:—сегодня еще хуже, чѣмъ прошлый разъ. Послушай только, какъ они шумятъ и смѣются въ кабинетѣ. Напрасно они позвали этого Андрея Андреевича: онъ внесъ съ собою то настроеніе, которое я называю грязною солидарностью молодыхъ людей: въ такія минуты у нихъ нѣтъ ничего святого!

Первымъ въ тотъ вечеръ долженъ былъ выступить Ляля. Мама̀ одѣла очки и сѣла поближе, чтобы лучше видѣть его. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и на̀ лбу его выступали крупныя капли пота.

Клянусь... я первымъ... днемъ творенья,
Клянусь... его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ... преступленья...
И вѣчной правды торжествомъ,—

началъ онъ, заикаясь. Бѣдный мальчикъ со своимъ добрымъ, круглымъ лицомъ былъ такъ мало похожъ на демона, а тутъ вдругъ случилось то, чего онъ такъ страшно опасался: раздался рѣз-

кій, сухой свистъ вставного зуба. Неудержимый взрывъ смѣха наполнилъ залу. Ляля совсѣмъ растерялся. Дрожащими руками поднесъ онъ къ губамъ стаканъ воды и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Каждый жестъ его вызывалъ все новые и новые взрывы смѣха. Андрей Андреевичъ повисъ у него на шеѣ.

— Демонъ, воскликнулъ онъ:—демонъ! Вотъ такъ уморилъ, вотъ такъ убилъ! Ой, батюшки!

Съ этой минуты всѣ точно сорвались съ цѣпи. Все, что было каждому изъ насъ дорого и свято, — все было попрано, осмѣяно, разбито. Полчаса спустя Ляля первый цинично смѣялся надъ своей неудачной декламаціей. Подъ рубрикою членовъ - критиковъ Андрей Андреевичъ большими буквами расписался — «душка Андрей».

Мама̀ повидимому очень забавлялась.

— Знаешь, мы сегодня всѣ въ тебя влюблены,—шепнулъ мнѣ Ляля:—и ѣдемъ сейчасъ ужинать и пить за твое здоровье.

Когда мы остались одни съ Лаурой, я бросилась на свою розовую кушетку.

— Все пропало!—сказала я глухо.

— Все!—повторила Лаура.

IX.

Финляндія, Гильсингфорсъ.

«Дорогая Лаура.

«Пишу тебѣ эти строки на одномъ изъ маленькихъ острововъ, разбросанныхъ по голубому морю. Надо мною свѣтло-синее безоблачное небо, кругомъ какъ бы застывшія въ тепломъ воздухѣ живописныя сосны и ели. Здѣсь не поютъ птички и не шумитъ, какъ на югѣ, веселое населеніе травы; все тихо, тихо, лишь волны плещутъ однообразно и гулко.

«Какъ я счастлива, что моя весенняя лихорадка заставила мамà такъ скоро рѣшиться послать меня сюда. Я отлично устроилась съ Софьей въ здѣшней Bade-Anstalt. Но въ паркѣ и на музыкѣ бываю очень рѣдко. Я вся поглощена моремъ. Съ утра брожу по скаламъ или уѣзжаю на острова, или отправляюсь на рыбацкой лодкѣ въ открытое море (еслибы мамà это знала!). Старый равно-

душный чухонецъ управляетъ парусами, Софья взвизгиваетъ при каждомъ порывѣ вѣтра, а я сижу на самомъ носу лодки и блаженствую. Послѣднее время въ Петербургѣ докторъ говорилъ, что у меня «удручена психика», а тутъ съ каждымъ днемъ возвращается жизнерадостность и свѣжій морской вѣтеръ поетъ мнѣ какія-то задорныя пасни о свободѣ и невѣдомомъ счастьѣ. Баронесса Ландау, которой мама̀ поручила слѣдить за мною, очень мила ко мнѣ. У нея большое семейство, но всѣ дѣти гораздо моложе меня. Старшей 14 лѣтъ. Я люблю играть съ ними въ казаки-разбойники. Мы прячемся въ сосновомъ лѣсѣ и съ дикимъ крикомъ нападаемъ другъ на друга на гранитныхъ площадкахъ. Мнѣ стыдно, что я такъ увлекаюсь дѣтскими играми. Но это оттого, что мнѣ не дали нашалиться, когда я была моложе. Я понимаю теперь такихъ 60-тилѣтнихъ старухъ, которыя наряжаются въ красные банты и кокетничаютъ съ молодыми людьми. Бѣдныя! Имъ навѣрно также не удалось во-время насладиться молодостью.

«На-дняхъ Ляля опять въ письмѣ просилъ моей руки. Я рѣшительно отказала ему и осенью онъ навсегда уѣзжаетъ изъ Петербурга.

«Образъ Алеши Краснова также понемногу выцвѣлъ въ моей душѣ, но гдѣ-то въ книгѣ все же хранится та роза, которую онъ далъ мнѣ.

«22-го іюня. Прошлый разъ не удалось ото-

слать моего письма къ тебѣ. Пріѣхавъ домой, я нашла записку отъ баронессы, въ которой она приглашала меня на очень интересную прогулку въ лодкѣ.

«Тотъ вечеръ навсегда останется для меня самымъ яркимъ, самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ моей жизни!

«Вернувшись съ катанья, мы всѣ были необыкновенно веселы и пустились бѣжать взапуски по розовой аллеѣ къ дому. На балконѣ насъ встрѣтила баронесса. Она отстранила съ плеча прядь моихъ распущенныхъ волосъ и взяла меня за руку.

«— Я хочу представить тебя графинѣ Д.

«И вдругъ совершенно неожиданно я увидала передъ собою чудную молодую женщину. Въ первую минуту я не знала, мечта это или дѣйствительность! Высокая, стройная, царственная и въ то же время безконечно женственная, граціозная. Головка ея покоится на гибкой, нѣжной шеѣ, пепельные волосы вьются крупными завитками, обрамляя тонко очерченный овалъ лица; немного вопросительно поднимаются брови надъ прекрасными сѣрыми глазами; красиво обрисованы алыя губы ея и своеобразная, смѣлая линія носа говоритъ о чемъ-то гордомъ, о чемъ-то сильномъ и страстномъ. На всемъ существѣ ея лежитъ отпечатокъ необыденности, величавости, и невольно спрашиваешь себя: что̀

это, богиня, спустившаяся съ Олимпа, или заколдованная принцесса изъ волшебной сказки? Всѣ, рѣшительно всѣ невольно поддаются обаянію этой необыкновенной женщины, и съ нѣжной улыбкой она властвуетъ надъ всѣми окружающими ее людьми, и, какъ истинная царица, властвуетъ и милуетъ.

«Когда я стояла передъ нею въ нѣмомъ восторгѣ, она мягкимъ движеніемъ положила свою красивую руку на мое плечо.

«— Очень рада, chère enfant, познакомиться съ вами, я уже много интереснаго слышала о васъ!

«Послѣ чая всѣ начали умолять ее спѣть что-нибудь. И вотъ она стала у фортепіано; красивое лицо ея поблѣднѣло, глаза расширились и заблестѣли. Когда зазвучалъ ея голосъ, я забыла себя и все окружающее... Бурныя рукоплесканія заставили меня очнуться. На моихъ глазахъ я почувствовала слезы.

«Еще два раза съ тѣхъ поръ видѣла я прекрасную графиню. Третьяго дня она уѣхала. Проводы были торжественныя; ея вогонъ былъ полонъ цвѣтовъ. Вечеромъ я сидѣла совсѣмъ одна подъ липами въ нашемъ саду и слушала доносившуюся изъ парка музыку. И вдругъ мнѣ стало такъ грустно!

«Какъ-то разъ она сказала мнѣ:

«— Вы не должны такъ много жить въ книгахъ, а то вы засушете ваше юное сердце!

«Странно, съ той минуты, какъ я слышала ея пѣніе, я увѣрена, что и она также глубоко несчастна. Такъ пѣть, какъ она, можетъ только человѣкъ, который глубоко страдалъ. Кромѣ того въ самыя веселыя минуты она вдругъ задумывается, глаза теряютъ свой блескъ, и вся она уходитъ въ свой внутренній міръ. Что̀ бы я дала, чтобы быть ея другомъ! До свиданія.

«Лу».

Осенью, возвратившись въ Петербургъ, я при первой возможности отправилась къ Лаурѣ.

— Ого!—сказала она.—Какъ ты поправилась. Ну, что твое настроеніе?...

— Отлично! я привезла съ собою силы бороться съ жизнью. И этимъ я обязана морю. А главное—не хочется ударить лицомъ въ грязь передъ чудной графиней. Я увѣрена, ее ждетъ великое будущее, и если мы снова встрѣтимся когда-нибудь, мнѣ хотѣлось бы доказать ей, что и у меня есть стремленія.

— Значитъ, вся твоя дѣятельность только и будетъ сводиться къ тому, чтобы нравиться твоей хваленой красавицѣ?—И какого рода занятія изберешь ты для этого,—хотѣлось бы мнѣ знать?

— Я поступлю въ рисовальную школу!—воскликнула я весело, какъ бы не замѣчая недовольства Лауры.—Онѣ въ этомъ году въ модѣ, и мама̀ уже дала мнѣ на это свое согласіе.

И нѣсколько дней спустя я уже открывала дрожащей отъ волненія рукой двери той самой школы, о которой годъ тому назадъ разсказывалъ мнѣ Алеша Красновъ.

Изъ-за цѣлаго лѣса вѣшалокъ выглянулъ блѣдный, точно заспанный швейцаръ.

— Здѣсь учитъ профессоръ Дроздовъ? спросила я несмѣло.

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ равнодушно.—Если вамъ записаться, такъ пожалуйте въ первый этажъ, въ контору, тамъ теперича и самъ дилехторъ долженъ быть.

Я пошла наверхъ. Множество учениковъ и ученицъ съ шумомъ обогнали меня. Другіе спускались внизъ. У всѣхъ былъ дѣловой, озабоченный видъ. Робко подошла я къ дверямъ конторы; внутри слышались голоса.

— Можно войти?

Никакого отвѣта.

— Можно войти?

— Ахъ, Господи, да кто тамъ спрашиваетъ? Вѣдь на то и контора, чтобы въ нее входить! — произнесъ чей-то ворчливый голосъ, и дверь широко распахнулась передо мною.

Нѣсколько пожилыхъ мужчинъ стояли посреди комнаты въ папиросами въ зубахъ.

«Вѣрно профессора», подумала я, нѣмѣя отъ ужаса.

Въ это время необыкновенно эластичной по-

ходкой вошелъ въ комнату господинъ лѣтъ 45. Гордо и высоко держалъ онъ свою типичную голову и проницательно сверкнули на меня его темные глаза изъ-подъ красиваго локона, спустившагося съ высокаго лба.

«Ну, ужъ это, навѣрно, самъ дилехторъ», подумала я, и не ошиблась.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ сухо, откидывая свои волосы назадъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось изучать скульптуру, проговорила я, краснѣя до слезъ.

— Изучать скульптуру? повторилъ онъ, наклоняясь надъ открытымъ ящикомъ стола. Потрудитесь расписаться на этомъ билетѣ и отмѣтить лекціи, которыя вы намѣрены слушать, проговорилъ онъ ледянымъ тономъ.

— Какъ, всему этому учатъ здѣсь?! воскликнула я, пробѣгая глазами листъ съ расписаніемъ уроковъ. — Вотъ счастье!? Исторія искусствъ — это будетъ мой любимый предметъ. Вѣдь можно, да?

— Можно! сказалъ онъ очень серьезно, опять низко наклоняясь надъ столомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я была уже въ лѣпномъ классѣ. Часы, проведенные въ ту зиму въ стѣнахъ школы, останутся для меня навсегда однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній юности. Первое время, правда, въ этой новой обстановкѣ я конфузилась и краснѣла рѣшительно отъ всего. Большинство ученицъ, какъ мнѣ вскорѣ

удалось замѣтить, раздѣлялись на двѣ совершенно различныя категоріи: на бѣдныхъ труженицъ и модныхъ барышень, пріѣзжавшихъ со своими англичанками на уроки акварели. Первыя ненавидѣли вторыхъ, какъ совершенно имъ чуждый элементъ, но зато и вторыя держались крѣпко сплотившись, смѣялись и разговаривали только между собою и съ презрѣніемъ смотрѣли на все окружающее. Меня, конечно, тотчасъ причислили къ моднымъ барышнямъ, нѣкоторыя ученицы приходили съ ядовитою усмѣшкой смотрѣть на «новенькую» и очень повидимому забавлялись, когда, въ смущеніи, я не такъ одѣвала передникъ, роняла глину или давилась глоткомъ чая. Но понемногу все улеглось. Я рѣшительно никого не желала презирать, такъ что не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ я уже сошлась со многими ученицами и чувствовала себя совершенно какъ дома въ этомъ огромномъ зданіи, по длиннымъ коридорамъ и лѣстницамъ котораго я летала, какъ вѣтеръ. Блѣдный равнодушный швейцаръ и сторожа въ каждомъ этажѣ стали моими большими друзьями, точно такъ же, какъ и строгая «чайная» дама изъ Вюртемберга, къ которой я забѣгала поболтать по-нѣмецки. Отъ преподавателей своихъ я была въ восторгѣ. Учитель рисованія училъ меня не только владѣть карандашомъ, но главнымъ образомъ и терпѣнію. Съ

какой хитрой усмѣшкой заставлялъ онъ меня растирать сухія краски или отыскивалъ въ папкѣ самыя замысловатыя модели обоевъ для меня.

Съ лѣпкой мои дѣла шли туго. Нашъ милый профессоръ Дроздовъ смотрѣлъ, правда, съ безграничнымъ равнодушіемъ на всѣ орнаменты и барельефы, которые мы лѣпили, и рѣшительно отказывался вѣрить въ женскую послѣдовательность и трудоспособность; но, не смотря на то, мы всѣ были безъ ума отъ него, и радовались ужасно, когда издали раздавался знакомый намъ удушливый его кашель!

Мастерская Дроздова была почти рядомъ съ классомъ. Случалось, онъ приглашалъ насъ къ себѣ; съ смущеніемъ и трепетомъ переступали мы порогъ этого волшебнаго для насъ царства! Жадно ловили мы каждое слово его, въ особенности когда разговоръ переходилъ на Италію, и онъ, увлекаясь воспоминаніями молодости, описывалъ свою тамошнюю жизнь въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Уроки лѣпки бывали три раза въ недѣлю, и тогда въ классъ приходило множество учениковъ и ученицъ, въ остальные же дни насъ было не болѣе пяти, шести человѣкъ.

Я помню, стоялъ сѣрый, декабрьскій день, всѣ молчали, поглощенные работой, кругомъ было тихо, только слышалось, какъ падали на полъ кусочки глины, да рядомъ въ классѣ кто-то отъ

времени до времени съ особеннымъ чувствомъ насвистывалъ цыганскіе романсы. Вдругъ дверь въ коридоръ неожиданно открылась, и въ комнату вошла молодая дѣвушка. Невысокая и худенькая, она казалась еще очень юной. Задумчиво смотрѣли ея большіе темные глаза, широко раздувались ноздри типичнаго носа и тонкая усмѣшка скользила вокругъ небольшого рта. Короткіе золотистые волосы и открытый воротникъ платья придавали всей ея фигурѣ какой-то свободный, артистическій видъ.

— Одинокова! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ! — Одинокова! Сколько времени васъ не было видно!

— Я въ Эрмитажѣ работала, проговорила она тихимъ, точно таинственнымъ голосомъ: — Рембрандта копировала.

— А Дроздовъ уже не разъ про васъ спрашивалъ! протянула одна комичная старая дѣва.

Одинокова взглянула на нее, и вдругъ сверкнули ея мелкіе бѣлые зубы, и, зажмуривъ глаза, она залилась какимъ-то беззвучнымъ, но заразительнымъ смѣхомъ. Казалось, она смѣялась своимъ собственнымъ мыслямъ и соображеніямъ, и всѣ мы улыбнулись при этой неожиданной веселости.

Одна только старая дѣва вспыхнула и казалась обиженной, но Одинокова подошла къ ней и, вытеревъ платкомъ выступившія отъ смѣха

слезы, начала такъ искренно восхищаться ея работой, что добрыя отношенія тотчасъ были возстановлены. Потомъ глаза ея остановились на мнѣ. Она подошла ближе и пристально взглянула на мою работу.

— Нижніе листья слишкомъ длинны, проговорила она:—и тутъ на верху загибъ начинается слишкомъ низко. И юбка у васъ на боку.

Въ первое время моего знакомства съ Одиноковой, я служила ей мишенью для всевозможныхъ насмѣшекъ. Внизу, въ столовой, она за отдѣльнымъ столикомъ съ двумя-тремя ученицами смотрѣла издали на меня и покатывалась о чемъ-то со смѣху.

Не смотря на это, Одинокова нравилась мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Я любила наблюдать за ней, когда, забывъ свои шалости, она садилась за работу, и лицо ея принимало сосредоточенное, почти строгое выраженіе. То же выраженіе я ловила у нея, когда въ музеѣ она любовалась какимъ-нибудь классическимъ произведеніемъ искусства. Нашъ первый откровенный разговоръ произошелъ у торса Тезея.

— Я вотъ слыхала, вы въ Эрмитажѣ работаете, сказала я несмѣло.—Можно мнѣ будетъ придти посмотрѣть на вашу картину?

— Можно-то можно, проговорила серьезно Одинокова:—но не знаю, право, когда я тамъ буду.

Теперь дни очень темные, просто бѣда! Встанешь утромъ — столько силы... кожется, свѣтъ бы перевернулъ, а смотришь—даже писать красками нельзя. Часто придешь въ такое отчаяніе, что на весь день дома останешься.

— И что же вы тогда дѣлаете?

— А все думаю и думаю, какъ бы это жизнь устроить получше, не себѣ, такъ по крайней мѣрѣ другимъ. Я вотъ сильная, молодая, а сколько есть на свѣтѣ несчастныхъ,—для нихъ хотѣлось бы потрудиться. Я свои копіи буду продавать и деньги копить, чтобы помочь имъ...

— А мнѣ, воскликнула я: — такъ хочется поскорѣе научиться лѣпить бюсты. За это хорошо платятъ: тогда и мнѣ можно будетъ дѣлать добро...

Не успѣла я окончить фразы, какъ Одинокова уже зажмурила глаза и покатилась со смѣху.

— О чемъ это вы?

— Да гдѣ же вамъ? Развѣ свѣтская барышня можетъ выдержать какую-нибудь работу? У васъ навѣрно каждый день новая фантазія...

Все это Одинокова проговорила совершенно просто и искренно.

— А вотъ увидите, дайте срокъ... А знаете, кого вы мнѣ напоминаете? вдругъ неожиданно воскликнула я. — Ну, право же, ни дать, ни взять, — молодой матросикъ съ какого-нибудь корабля.

Одинокова мечтательно улыбнулась.

— Я уже давно собираюсь переодѣться юнгой и уѣхать куда-нибудь далеко-далеко... Море— моя стихія. Я вѣдь выросла на бурномъ Ладожскомъ озерѣ, между братьями-моряками!

Съ этого дня между мною и Одиноковой установились самыя добрыя отношенія. Она была уже въ высшихъ классахъ и могла многое объяснить и указать мнѣ. Благодаря ей, передо мною мало-по-малу развернулся свѣтлый міръ искусства. Картинныя галлереи Петербурга были хорошо ей знакомы, и часто послѣ завтрака мы уходили въ Эрмитажъ или въ Академію Художествъ. Но и шалости не были нами забыты.

Въ классѣ лѣпки бывало нерѣдко очень весело. Какъ сейчасъ помню день, когда нашъ милый профессоръ Дроздовъ засталъ насъ въ полномъ разгарѣ кадрили, съ вытащеннымъ изъ угла скелетомъ.

X.

Es dehnte mit all'maechtgem Streben
Die enge Brust ein Kreisend All,
Heraus zu treten in das Leben
It That und Wort, in Bild und Schall.
Schiller (Die Ideale).

Въ дѣтствѣ я раздѣляла весь міръ на двѣ части — свою и чужую. Въ 20 лѣтъ я также раздѣляла міръ на двѣ половины, но теперь моя область расширилась: въ нее входили Евочка Демина, Лаура, Одинокова и связанный съ ними интересъ къ религіи и искусству.

Въ средѣ моихъ кузинъ и знакомыхъ я однако ревниво скрывала свой внутренній міръ я вѣдь знала, что въ свѣтѣ ничто такъ не преслѣдуется и не поднимается на смѣхъ, какъ искренность чувства.

Я знала также, что мое увлеченіе школой не пройдетъ мнѣ даромъ. И въ самомъ дѣлѣ, мама̀ видимо стала недовольна моимъ частымъ отсутствіемъ изъ дому.

*

— Tu te rends ridicule съ этой бѣготней, — не разъ говорила она.—Я позволила тебѣ брать уроки акварели, а ты изъ этого заключила, что можно цѣлыми днями гдѣ-то пропадать. Надѣюсь, это скоро прекратится.

Но такъ какъ это не прекращалось, были, наконецъ, приняты крутыя мѣры.

Разъ утромъ (я помню, это было въ началѣ марта), собираясь въ школу, я никакъ не могла найти своей шляпы, и старый Иванъ тщетно разыскивалъ мое пальто.

— Да что это, Софья! Неужели же вы не помните, куда дѣли мои вещи вчера?

Софья казалась очень смущенной.

— Генеральша заперли, — наконецъ таинственно прошептала она:—ей-Богу, генаральша, какъ пріѣхали ночью домой, такъ и заперли; и шубу вашу, и визитную шляпу велѣли убрать. Вотъ вамъ крестъ, милая барышня!

Цѣлая буря поднялась при этихъ словахъ въ моей душѣ! Мнѣ хотѣлось кричать, топать ногами, плакать... Въ безсильной злобѣ я упала, наконецъ, на свою розовую кушетку. Было всего 10 часовъ. Мама̀ проснулась въ этотъ день въ четверть перваго. Мимо меня нѣсколько разъ прошмыгнула Софья; потомъ Саша пронесла кофе, наконецъ и меня велѣно было позвать въ спальню. Мама̀ сидѣла на постели, предъ нею стоялъ подносъ. Она кушала съ видимымъ удовольствіемъ

и аппетитно намазывала масло на небольшіе кусочки Альбертовъ. Бѣлый чепчикъ, который она носила по старинному съ плойкой и кружевами, очень шелъ къ ея сѣдѣющимъ волосамъ.

Мамà казалась очень въ духѣ.

— Мнѣ очень жаль,—проговорила она, когда, поцѣловавъ ей руку, я стала передъ ней въ выжидательной позѣ: — мнѣ очень жаль, что я принуждена обращаться съ тобою, какъ съ маленькой дѣвочкой. Сколько разъ я предупреждала тебя, что мнѣ не нравится твое поведеніе. У каждаго человѣка есть обязанности относительно своихъ родныхъ и знакомыхъ, и онъ не имѣетъ права неглижировать ими ради своихъ личныхъ фантазій. Сегодня я спрашиваю тебя разъ навсегда, хочешь ты подчиниться моимъ требованіямъ или нѣтъ? Если нѣтъ. . Впрочемъ, что же говорить объ этомъ,—я вѣдь вполнѣ надѣюсь на твое благоразуміе!

Мамà налила себѣ вторую чашку кофе и позвонила Софьѣ.

— Скажите, пожалуйста, — проговорила она грозно: — отчего это сливки сегодня такія жидкія? Помилуйте, вѣдь это молочко!

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство. Кажется, все такія же беремъ.

— Ахъ, не отвѣчайте мнѣ глупостей. Не могу знать! Кому же прикажете знать, мнѣ, что ли?

Ступайте, пожалуйста, не стойте тутъ передо мною съ такимъ невиннымъ лицомъ.

Послѣ этого intermezzo мамà опять обратилась ко мнѣ:

— И такъ я хотѣла тебѣ сказать, что позволяю тебѣ ходить въ школу, но не болѣе двухъ разъ въ недѣлю,— помни это. Надѣюсь, что къ веснѣ ты окончишь свой курсъ и навсегда выбросишь изъ головы эту бѣготню. Я уже со всѣхъ сторонъ слышу, что эти дурацкія школы ни къ чему не ведутъ. Будущую осень я думаю сдѣлать долгъ, нанять на зиму лошадей и показаться съ тобою въ свѣтъ. Что же ты, согласна со мною? Если да, то можешь взять свои вещи. Вотъ ключи.

О, да, я была согласна! Мнѣ главное хотѣлось поскорѣе увидѣть своихъ друзей и разсказать имъ обо всемъ случившемся. Въ школѣ, однако, къ моему великому огорченію, я не застала Одинокову, и Лаура, къ которой я забѣжала, также, какъ нарочно, только что ушла на урокъ. Придя домой, я тотчасъ написала Евочкѣ и имъ обѣимъ, прося всѣхъ непремѣнно придти черезъ два дня въ Эрмитажъ, гдѣ ровно въ два часа я буду ждать ихъ въ залѣ Венеръ.

Въ назначенный день я безъ Софьи отправилась на Милліонную.

Я не любила ходить одна по улицамъ. Я чувствовала себя сконфуженной и одинокой, и мнѣ

казалось, что каждый прохожій съ удивленіемъ смотритъ мнѣ въ глаза. Зато еще издали, увидѣвъ прекрасное зданіе Эрмитажа, я тотчасъ забыла всѣ непріятныя ощущенія. Уже каріатиды со своими озабоченными лицами и большія тяжелыя двери вызвали во мнѣ пріятный трепетъ.

Бѣлую мраморную лѣстницу я населяла въ моемъ воображеніи греческими торжествами или средневѣковыми процессіями, въ которыхъ главную роль всегда играла чудная гр. Д. Но на этотъ разъ я не имѣла времени для грёзъ. Повернувъ налѣво, я прошла мимо скучнаго ассиро-вавилонскаго отдѣла и, миновавъ длинный рядъ комнатъ, вошла въ залу Венеръ. Тамъ еще никого не было. Въ углу на стулѣ дремалъ лакей. При шумѣ моихъ шаговъ онъ протеръ глаза и поспѣшно всталъ. Въ этой залѣ рѣдко кто бываетъ. Тутъ мы часто подолгу сидѣли съ Одиноковой, погруженныя въ созерцаніе Венеры Таврической, которая красиво выдѣляется на темной бархатной занавѣси.

Первая пришла Евочка. Она вошла на цыпочкахъ, чуть слышно. На ней было простое черное платье, которое, придя съ улицы, она забыла спустить. Оно было высоко подобрано и завязано бѣлой тесемкой на таліи. Надъ заштопанными прюнелевыми башмаками виднѣлись свѣтлые чулки. Но ничто, кажется, не могло сдѣ-

лать комичной ея фигуру. Вниманіе каждаго тотчасъ приковывалось необыкновеннымъ, точно неземнымъ выраженіемъ ея лица. Выраженіе это особенно усилилось за два послѣднихъ года, и каждый разъ во время нашихъ рѣдкихъ встрѣчъ я съ восторгомъ всматривалась въ ея ясные глаза, сіявшіе лучами счастья и мира.

— Здравствуй, милая, дорогая Евочка! воскликнула я, обнимая ее. — Я такъ рада видѣть тебя. Послѣ всѣхъ пасмурныхъ, озабоченныхъ лицъ, какія постоянно видишь вокругъ себя, ты всегда представляешься мнѣ свѣтлымъ лѣтнимъ утромъ!

— Всѣ эти дни думала о тебѣ: сказала Евочка своимъ ласковымъ голосомъ.—Надо и мнѣ сообщить тебѣ кое-что очень важное.

— Отлично! Только вотъ что: сейчасъ придетъ Carolina Мымзи, она также и Лаура, съ которой ты училась въ школѣ, и Ольга Одинокова. Это мои лучшіе друзья, мнѣ давно хотѣлось познакомить всѣхъ васъ. Ты при нихъ смѣло можешь все говорить.

Въ эту минуту въ залу вошла Одинокова и молча протянула мнѣ свою узкую, длинную и слегка влажную руку. Почувствовавъ это знакомое, крѣпкое и будто многозначительное пожатіе, я тотчасъ пришла въ обычный восторгъ.

— Какъ чудно, Ольга, что вы пришли! Вотъ

и Лаура идетъ, и мы тотчасъ откроемъ общій совѣтъ.

Но когда я представила всѣхъ другъ другу, произошла длинная и тягостная пауза.

Ольга усѣлась на стулъ и, плотно сжавъ губы, смотрѣла куда-то вдаль.

Лаура прислонилась какъ-то неудобно къ подоконнику, и голубые, близорукіе глаза ея, лишенные бровей, ежесекундно моргая, съ вопросомъ устремились на меня.

— Ну, что? проговорила она, наконецъ, отрывисто.

— Ахъ, многое! отвѣтила я.—Право, не знаю съ чего и начать. Мама̀ запрещаетъ мнѣ ходить въ школу. Она говоритъ, что у меня есть обязанности относительно семьи и знакомыхъ. А какія это обязанности? Присутствовать на именинахъ, обѣдахъ, вечерахъ, панихидахъ и проводахъ. Но неужели же я создана только для того, чтобы присутствовать? Нѣтъ, это не можетъ быть. Я чувствую, что не могу взять на себя эту роль.

— Что же ты будешь дѣлать? спросила Лаура.

— Я не знаю! Вотъ оттого мнѣ и хотѣлось собрать васъ и спросить совѣта.

Евочка ласково взяла меня за руку.

— Тебѣ труднѣе, чѣмъ многимъ другимъ, проговорила она.—Тебя Господь богато одарилъ и спроситъ у тебя на вѣчномъ судѣ отчетъ въ данныхъ тебѣ талантахъ. И ты долго должна

думать, прежде чѣмъ выбрать себѣ путь. Мнѣ не такъ, какъ тебѣ, прибавила она тихо:—мнѣ легко!

И радостное, свѣтлое выраженіе вспыхнуло на ея лицѣ.

— Отчего легко? спросила я.—Отчего, скажи?

— Оттого, что Богъ облегчилъ мой путь на землѣ. Онъ ничего не далъ мнѣ такого, что могло бы отвлечь меня отъ моего прямого назначенія.

— Развѣ ты уже нашла свое назначеніе? спросила я съ тревогой.

— Да, сказала Евочка: — я нашла... Эти три года, послѣ окончанія школы, я все приглядывалась, чѣмъ я могу быть полезной людямъ, и за что ни принималась—все не ладилось у меня. Вотъ дѣтей учу, а родители недовольны, говорятъ, что я слишкомъ слаба съ ними; и деньги свои раздавала бѣднымъ, да все на обманъ попадала, а истинно-нуждающихся не умѣла найти. Трудно минутами было и часто молила я Пресвятую Богородицу, чтобы Она открыла мнѣ очи, дабы я знала, куда направить стези свои... И сжалилась надо мною Она, Царица Небесная... Въ прошломъ мѣсяцѣ я была въ Казанскомъ соборѣ, и вдругъ среди самой горячей молитвы мнѣ сразу все стало такъ ясно, такъ ясно, и сердце мое возликовало... Съ тѣхъ поръ все объ этомъ думаю, и многое уже къ новому пути готовлю.

— Евочка, воскликнула я съ ужасомъ: — не

пугай меня, ради Бога: ужъ не въ монастырь ли ты собралась?

— А развѣ это страшно, Елена? Въ мірѣ вѣдь все мнѣ опостылѣло съ тѣхъ поръ, какъ я прониклась свѣтлымъ ученіемъ Христа! И это все мнѣ чуждо! проговорила она, оглядываясь немного растерянно вокругъ и на минуту останавливая свой взглядъ на статуѣ лежащаго гермофродита.

— Въ сущности это правда, сказала Лаура— между тобою и міромъ нѣтъ ничего общаго. Это было уже такъ въ школѣ. Можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ въ монастырѣ тебѣ будетъ лучше всего...

Въ этотъ день не удалось намъ обсудить мою судьбу. Планы Евочки до крайности взволновали меня, и я пришла домой въ совершенно особенномъ настроеніи духа. До сихъ поръ годы шли и шли и не приносили никакого измѣненія. А тутъ вдругъ мой лучшій другъ хочетъ совершенно передѣлать свою жизнь. Я какъ-то вся ушла въ себя и постоянно только думала объ этомъ.

Мамà была очень довольна мною. Я свято держала свое слово и ходила въ школу только два раза въ недѣлю. Въ награду за это она въ концѣ мѣсяца позволила мнѣ пригласить кого-нибудь изъ моихъ новыхъ подругъ, въ домѣ нашемъ тотчасъ появилась Ольга Одинокова.

— Oh, quels yeux! сказала мамà, потрепавъ

ее по щекѣ. — И какая серьезная, тихая... но только stille Wasser sind tief! и мама̀ съ улыбкой погрозила пальцемъ.

Ольга стала заходить къ намъ иногда по вечерамъ; тогда я посылала за Лаурой, и мы втроемъ проводили время.

Въ отсутствіе Левы мы большею частью сидѣли въ его кабинетѣ, при свѣтѣ пылающаго камина. Лаура много играла, а я, расположившись на коврѣ и положивъ голову на колѣни Ольги, предавалась разнымъ смутнымъ мечтамъ. Ольга за послѣднее время какъ-то совсѣмъ утратила свою шаловливость и постоянно только говорила о нищетѣ и горѣ, на которыя ей поминутно приходилось наталкиваться. Родители ея жили въ одномъ изъ фабричныхъ кварталовъ; своимъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ описывала она разныя тяжелыя сцены изъ жизни бѣднаго люда...

При этихъ разсказахъ Лаура кусала губы, и въ глазахъ ея зажигался недобрый огонь.

— Если бы въ этихъ несчастныхъ было бы больше злобы, то давно дѣло пошло бы иначе! отрывисто говорила она.—Дайте мнѣ только хоть немного стать на ноги, такъ мнѣ ужъ заплатятъ за всѣ униженія, которыя я проглотила, теряя за гроши свое здоровье и силы!

Я хорошо помню день, когда наше будущее рѣшилось самымъ неожиданнымъ образомъ.

Ольга пришла къ намъ съ совершенно разстроеннымъ лицомъ.

— На нашей улицѣ сегодня утромъ умеръ человѣкъ, проговорила она глухимъ голосомъ: — упалъ на мостовую и умеръ! Его взяли въ часть и вскрыли, чтобы узнать причину смерти. Онъ умеръ отъ голоду! Умереть съ голоду гдѣ-нибудь въ пустынѣ — это еще естественно, но умереть въ многолюдномъ городѣ, гдѣ столько богатыхъ и обезпеченныхъ людей,—это ужасно, ужасно!

Глубокое молчаніе было отвѣтомъ на слова Ольги. Слова ея произвели на меня потрясающее впечатлѣніе.

— Такъ дольше жить нельзя! проговорила я наконецъ. — Нельзя сидѣть сложа руки, когда кругомъ столько безъисходнаго горя.

— Да, повторила Ольга: — такъ жить дольше нельзя. Это я еще сегодня утромъ поняла.

— И я не хочу дольше, проговорила я горячо: — оставаться въ этой холодной, эгоистичной и ложной средѣ, которая ничѣмъ не помогаетъ ближнимъ. Я уйду изъ нея, только не въ монастырь, какъ Евочка...

— Я иду съ тобою! воскликнула Лаура.—Мнѣ эти проклятые уроки надоѣли до смерти!

— И я, Елена, иду съ вами, мы употребимъ всѣ наши силы, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить страданія людей!

Безумный восторгъ переполнилъ мое сердце.

— Да, да, говорила я въ какомъ-то опьянѣніи: — уйти далеко-далеко отъ этой скуки, отъ этой лжи, познать тихую жизнь среди природы, отдать всѣ свои силы, всѣ свои чувства на служеніе несчастнымъ и обиженнымъ...

— Не очень-то радуйся еще, сказала Лаура:— вѣдь это только въ книгахъ и на сценѣ такъ легко уходятъ, а на дѣлѣ это вовсе не такъ.

Рѣзкій возгласъ этотъ какъ водой облилъ мое восторженное настроеніе.

— Вѣдь мать твоя никогда не позволитъ тебѣ уйти, продолжала она.

— Конечно, не позволитъ. Ну такъ что же?

— Какъ что же? А паспортъ? Безъ паспорта далеко не уѣдешь!

— Паспортъ? Я объ этомъ и не подумала... А развѣ нельзя его самой достать?

— До 21 года нельзя! Я вотъ прошлое лѣто на мѣсто ѣздила, такъ только по прошенію матери мнѣ и выдали.

Потомъ поднялся вопросъ о деньгахъ.

У меня было всего 30 р. въ мѣсяцъ «на булавки», но этого мнѣ не хватало, и я постоянно брола въ долгъ то у Софьи, то у Саши. Лаура заработала уже 1000 р. уроками, но они лежали въ банкѣ и ей ни подъ какимъ видомъ не позволили бы взять ихъ оттуда. Ольга имѣла 15 р. въ мѣсяцъ, но она помогала бѣднымъ ученицамъ

въ школѣ, и ей въ этомъ году рѣшительно нельзя было отказать имъ.

— Ну, что же, сказала я: — если мнѣ приходится ждать до совершеннолѣтія, т. е. еще 273 дня, то до тѣхъ поръ какъ-нибудь накопимъ еще на дорогу.

— На дорогу, куда? спросила Ольга, и всѣ мы вдругъ весело разсмѣялись.

— Ну, до того времени рѣшимъ!

И безпечность юности взяла верхъ надъ всѣмъ. Лаура сѣла за фортепіано, щеки ея разгорѣлись, и по мѣрѣ того, какъ она играла, мое сердце снова переполнилось восторгомъ. Будущее блеснуло передо мною своею заманчивой далью, въ груди проснулись новыя силы, и такъ беззавѣтно стало вѣриться въ счастье подъ чарующіе звуки Шопена!

Разставаясь въ этотъ вечеръ, мы крѣпко пожали другъ другу руки, обѣщаясь свято хранить нашу новую чудную тайну.

— Мы теперь, главное, не должны и виду подавать, что у насъ есть какой-то планъ, сказала Лаура.—Намъ лучше даже рѣже видѣться, а ты, Лулу, для отвода глазъ старайся быть какъ можно послушнѣе и ѣзди побольше въ свѣтъ.

О, какъ легко было мнѣ исполнить этотъ совѣтъ! Давно уже не видѣли меня родные и знакомые такой оживленной, какъ въ ту весну.

— Какъ ты похорошѣла, Лу? говорили мнѣ.— Ужъ признайся, навѣрно влюблена!

Въ началѣ мая мы уѣхали въ Юрьевское, но на прощальномъ свиданіи въ Эрмитажѣ мы рѣшили, что во время нашей разлуки Лаура, какъ самая образованная изъ насъ, должна будетъ выработать окончательный планъ нашего будущаго.

Въ Юрьевскомъ въ то лѣто было множество гостей, и во всѣхъ проказахъ, затѣваемыхъ молодежью, я всегда стояла во главѣ: шалости мои были неисчислимы.

— Ты теперь настоящая Лу, какъ была прежде, говорили мнѣ часто кузины.—А то ты какою-то странною казалась въ эти послѣдніе годы.

Съ Лаурой и Ольгой я не была въ перепискѣ. Я слишкомъ хорошо знала еще съ дѣтства, что все написанное — документъ, который можетъ попасть въ руки кузеновъ, отъ которыхъ потомъ житья не будетъ, или даже, сохрани Боже, въ руки самой мамà. Поэтому я рѣшительно ничего не знала о вырабатываемомъ Лаурой планѣ.

Лѣто пролетѣло быстро, и когда въ началѣ октября мы пріѣхали въ Петербургъ, я при первой возможности помчалась къ Лаурѣ. Невозможно описать того волненія, которое я испытала, поднимаясь по знакомой мнѣ лѣстницѣ.

Нѣсколько разъ пришлось останавливаться и переводить духъ.

Въ одну изъ этихъ передышекъ наверху хлопнула дверь, и я услыхала голосъ Ольги Одиноковой: вѣроятно, она выходила отъ Мымзи.

— Ольга, Лаура, крикнула я, внѣ себя отъ счастья.—Здравствуйте!

Обѣ, какъ молнія, сбѣжали внизъ, и никогда еще, кажется, не было болѣе радостнаго свиданія, какъ на этой грязной лѣстницѣ у большого ведра съ разноцвѣтными помоями.

— Пока ты тамъ въ своемъ Юрьевскомъ сидишь, воскликнула Лаура: — у насъ дѣло тутъ такъ и кипитъ. Ужъ гдѣ мы только не побывали и чего только не узнали за это время!

— Тише, сказала Ольга: — вѣдь изъ вашихъ кто-нибудь можетъ услышать, и Саша вонъ какъ уши навострила.

— Такъ пойдемте въ Таврическій садъ, предложила я.—Саша пусть вдали гуляетъ, а вы мнѣ все разскажете.

Нетерпѣніе жгло насъ, и мы не шли, а почти бѣжали по улицѣ. Черезъ четверть часа мы уже входили въ Таврическій садъ.

Послѣ моего отъѣзда Лаура цѣлыми днями обдумывала возложенную на нее задачу. Ей также очень улыбалась жизнь среди простыхъ людей, у которыхъ она могла бы отдохнуть отъ всевозможныхъ обидъ, постоянно претерпѣваемыхъ

ею въ богатыхъ домахъ. Всѣ оскорбляли ее — и ученики, и родители, и лакеи. Но къ какимъ же простымъ людямъ уйти? Вѣдь и простые не станутъ держать даромъ, а денегъ взять не откуда. Слѣдовательно, ясно стало одно: надо было соединить заработокъ съ жизнью среди природы. Но какъ это сдѣлать? Въ Россіи такого заработка она никакъ не могла придумать. Слѣдовало, значитъ, искать дальше, то-есть за границей. Но опять-таки гдѣ? Тамъ всюду вѣдь избытокъ рукъ, избытокъ предложенія, и сотни тысячъ бѣднаго люда ежегодно уѣзжаютъ изъ предѣловъ Европы искать счастья въ Америкѣ.

— Америка!.. Это слово, точно молнія, озарило меня, сказала Лаура: — я три дня и три ночи послѣ этого была какъ въ лихорадкѣ. Я поняла, что это именно то, что намъ надо! Съ той минуты я абонировалась въ трехъ библіотекахъ. И нашла все, что искала. Въ Америкѣ ручной трудъ оплачивается болѣе чѣмъ хорошо. Тамъ множество фермъ, гдѣ постоянно требуются работницы, которымъ платятъ болѣе 25 р. въ мѣсяцъ. Ты понимаешь теперь, куда мы ѣдемъ, а? — И Лаура захлопала въ ладоши. — Что̀? Я, такъ и знала, что ты сдѣлаешь такое удивленное лицо. Ну, теперь слушай дальше. Съ этимъ рѣшеніемъ я побѣжала къ Ольгѣ, и съ ней вотъ уже цѣлый мѣсяцъ мы ходимъ по дѣламъ.

— Боже мой, какъ это невыносимо, что меня тутъ не было! Вѣдь я могла бы помочь вамъ!

— Не безпокойтесь, сказала Ольга:—и вамъ хватитъ дѣла.

— Куда же вы ходили? Скажите скорѣе!

— Ну вотъ, продолжала опять Лаура: — прежде всего надо было, какимъ-нибудь образомъ, mit Amerika anknupfen *), и до этого додуматься было очень трудно.

— Ахъ, какъ мы долго ломали себѣ надъ этимъ голову! сказала Ольга.

— Ну что же за то и придумали! продолжала Лаура.—Меня все такъ и тянуло къ пароходамъ, и однажды я предложила Ольгѣ пойти на Васильевскій островъ. Тамъ мы набрели на пристань, откуда пароходы отходятъ въ Гамбургъ. Тогда мы немедленно отправились въ контору, — она была заперта. На другой день мы вернулись опять. Къ намъ подошелъ молодой человѣкъ изъ служащихъ и спросилъ, что намъ угодно? Мы сказали, что собираемся ѣхать въ Америку черезъ Гамбургъ, и спросили его, не знаетъ ли онъ маршрута и цѣны билетамъ. Какъ на счастье, онъ самъ оказался изъ Любека и могъ разсказать намъ всѣ подробности. Первый классъ изъ Петербурга до Любека стоитъ 30 р., второй—20; отъ Любека до Гамбурга ѣдутъ по желѣз-

*) Стать поближе къ Америкѣ.

ной дорогѣ, а тамъ пароходы часто отходятъ въ Нью-Іоркъ. Билетъ перваго класса стòитъ 160 р., второго — 125. Въ первомъ классѣ очень роскошно, сказаль онъ, но и во второмъ смѣло можно ѣхать, а въ третьемъ ѣздятъ только эмигранты и рабочіе. Вотъ, что мы узнали отъ молодого человѣка. Черезъ нѣсколько дней мы опять вернулись къ нему и сказали, что одинъ нашъ родственникъ пишетъ намъ изъ провинціи и проситъ узнать подробности о третьемъ классѣ. Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на насъ и покачалъ головою. «Ну, въ третьемъ классѣ я и врагу своему не посовѣтовалъ бы ѣхать», сказалъ онъ наконецъ.— «Вѣдь это даже не классъ! Пароходы, идущіе въ Америку за грузомъ, наполняютъ пустыя пространства своихъ трюмовъ сотнями бѣднаго люда, который мучается на голыхъ доскахъ 12 дней въ тѣсногѣ, безъ воздуха и свѣта».

— Ну, и сколько же это стòитъ? спросила я нетерпѣливо.

— Билетъ съ ѣдою отъ Петербурга до самаго Нью-Іорка стòитъ 60 рублей, сказала Лаура.— Но постой, это еще не все. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что эмигрантамъ очень полезно имѣть рекомендацію отъ американскаго консула. И знаешь, что мы сдѣлали? Мы тотчасъ же отправились искать консула. Въ конторѣ намъ сказали, что онъ живетъ на Англійской набережной,

но мы тщетно спрашивали о немъ у многихъ швейцаровъ. Наконецъ мы вошли въ какое-то казенное зданіе. Это оказалось морское министерство. Ольга спросила у одного чиновника, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ американскій консулъ? Но онъ не зналъ. Тогда я попросила адресный календарь. Но и этого у нихъ не было. Я ужасно устала въ тотъ день и мнѣ не хотѣлось опять начинать розыски. «Господи, сказала я нетерпѣливо:—ну, что это за министерство, гдѣ нѣтъ даже календаря?!» И представь, чиновникъ тотчасъ всталъ, пошелъ въ другую комнату, посовѣтовался съ кѣмъ-то, посылалъ куда-то матроса и черезъ нѣсколько времени вынесъ намъ адресъ. «Вотъ-съ, сказалъ онъ любезно: — тутъ вамъ и недалеко будетъ идти». Мы поблагодарили его и разстались большими друзьями. Въ тотъ день мы не застали консула и только черезъ три дня удалось побывать у него. Но это было къ лучшему. Мнѣ въ это время принесли мое новое платье, сшитое по твоему фасону. Я одѣла его и сказала дома, что иду представляться въ новый домъ для уроковъ. Ну, консулъ, я тебѣ скажу, такая прелесть! Настоящій gentleman, и какой умный! Онъ обѣщалъ дать намъ рекомендацію, но хочетъ только поближе познакомиться съ нами и уже три раза звалъ насъ къ себѣ. Онъ въ отчаяніи, что мы ѣдемъ, и дѣлаетъ все, чтобы отговорить насъ!

Въ этотъ день я вернулась домой, какъ въ чаду.

Съ вечера я рѣшительно не могла сомкнуть глазъ, а ночью, погружаясь въ какой-то тревожный, лихорадочный сонъ, я безпрестанно просыпалась отъ собственныхъ громкихъ возгласовъ.

Мама̀ нѣсколько разъ зажигала свѣчку и подозрительно всматривалась въ мое лицо.

— Что съ тобою? спрашивала она.—Ты, кажется, больна. Завтра непремѣнно надо будетъ послать за докторомъ!

XI.

Wie sprang von Kuehnem Muth befluegelt
Beglueckt in seines Traumes Wahn,
Von Keiner Sorge noch gezuegelt
Der Juengling in des Lebens Bahn.

Schiller (Die Ideale).

Много предстояло намъ дѣла. Прежде всего Ольга должна была научиться по англійски; я съ удовольствіемъ взялась учить ее.

— А ты сама прежде всего должна научиться жизни, сказала мнѣ какъ-то строго Лаура. — Я замѣчаю, что ты очень непрактична. Я всѣ эти дни, напримѣръ, ломала себѣ голову надъ вопросомъ, куда ты тратишь 30 руб. въ мѣсяцъ, да при томъ дѣлаешь еще долги. Сегодня вотъ 14-е число — покажи-ка, сколько у тебя денегъ осталось.

Я позвонила Софью.

— У васъ мое портмонэ? Принесите его, пожалуйста, сюда.

— Сейчасъ, сейчасъ, золотая моя барышня, сейчасъ принесу.

Въ портмонэ оказалось 4 рубля и немного мелочи.

— Очень много, нечего сказать! Ну-ка, скажи, куда ты дѣвала деньги?

— Глину купила, начала я храбро:—хочу лѣпить дома бюсты. Заплатила за нее 5 руб. и человѣку, который привезъ ее и набросалъ на каркасъ, дала 5 руб. на чай.

— 5 руб. на чай?! Поздравляю; ну, дальше.

— Въ Эрмитажѣ была три раза — значитъ 3 рубля.

— Отчего 3 рубля,—не понимаю.

— А по рублю швейцару.

— Такъ-съ! А я тамъ сто разъ была и никогда гроша не давала и не дамъ! Ну, дальше.

— Василій, денщикъ, часы свои потерялъ,— блѣдный прибѣжалъ, весь дрожитъ,—ну я ему 12 руб. на покупку новыхъ дала. Онъ плакалъ отъ радости. Лѣтомъ срокъ его службы кончается, и онъ говоритъ, что легче повѣситься, чѣмъ пріѣхать въ деревню безъ часовъ.

— Такъ-съ! Потомъ?

— Ну, а потомъ я еще ежемѣсячно даю чай и сахаръ одной бѣдной на 3 руб.—вотъ и все. Итого 29 руб. Да мама̀ дала мнѣ 15 руб. по пріѣздѣ въ городъ, чтобы я поправила свои дѣла. Значитъ, не хватаетъ еще 11 руб. Вотъ

ужъ ихъ не помню куда дѣвала... мелочи, никогда не помню и мнѣ кажется я еще должна кому-то.

— А ты думаешь, ты мнѣ не должна? сказала Лаура.—Я всегда церемонилась напоминать тебѣ, да теперь я вижу, на какія непростительныя глупости ты бросаешь деньги, и въ другой разъ не постыжусь напомнить тебѣ.

— Лаура, ради Бога, прости. Я такъ не люблю оставаться въ долгу, будущій мѣсяцъ я отдамъ тебѣ все!

— Хорошо, сказала она.—Я напомню. Скажи мнѣ теперь, отчего твое портмонэ у Софьи?

— А оно всегда у нея, пока въ немъ есть деньги; вѣдь она за меня платитъ. Когда оно пустое, она кладетъ его на столъ сюда. Что же мнѣ считать эти гроши? Мы вѣдь теперь бѣдные, и мнѣ это такъ непріятно, что я стараюсь никогда не думать о деньгахъ.

— Ну, сказала Лаура:—если ты съ такими идеями собираешься въ Америку, то ты не далеко уѣдешь! Это я тебѣ впередъ говорю.

— Да я знаю, что тамъ надо будетъ быть совсѣмъ другой, чѣмъ здѣсь,—такъ вѣдь до Америки еще далеко!

— Ахъ, какъ ты глупа! Ты воображаешь, что тутъ будешь витать подъ небесами, а тамъ вдругъ сразу, какимъ-нибудь волшебствомъ, сдѣлаешься практична и бережлива!

Съ этого дня въ моемъ письменномъ столѣ появилась приходо-расходная книжка, и мое портмонэ, къ великому удивленію Софьи, я постоянно стала носить сама. Въ нашей семьѣ смотрѣли на деньги, какъ на грубую принадлежность жизненной прозы, разговора о деньгахъ, по возможности, совершенно избѣгали или отзывались о нихъ съ презрѣніемъ и гадливостью, а молодая дѣвушка ужъ конечно должна была быть совершенно далеко отъ всей этой прозы. Мама̀ говорила, что заразы переносятся старыми деньгами и позволяла мнѣ трогать только совершенно новыя, за которыми спеціально посылала въ банкъ.

Труднѣе всего было расплачиваться въ магазинахъ. Краснѣя до слезъ брала я сдачу и не рѣдко сконфузясь роняла ее на полъ. Софья и приказчики бросались искать раскатившіяся монетки.

Я, однако, не удовлетворилась однимъ веденіемъ счетовъ. Къ копилкѣ я велѣла придѣлать ключъ. Вѣдь до весны надо было накопить не только 60 руб. на дорогу, но и еще столько же, чтобы было чѣмъ жить до пріисканія себѣ мѣста въ Америкѣ.

Иногда, по утрамъ, я стала заходить въ кухню, но увидавъ сырое мясо или мертвую курицу, я ничего не ѣла за столомъ, а мама̀, не зная причины, просила нашего доктора прописать мнѣ капли для возбужденія аппетита. Кромѣ того, изъ

купленнаго мною англійскаго cookery-book*) я заучивала наизусть различные рецепты кушаній.

Въ январѣ насталъ, наконецъ, великій день моего совершеннолѣтія. Мама̀ хотѣлось отпраздновать его какъ можно торжественнѣе. У насъ былъ большой вечеръ, на которомъ, какъ мнѣ говорили, я была очень авантажна.

— У тебя сегодня совершенно особенное выраженіе лица, сказала мнѣ кузина Лиза. — Что съ тобою?

Гости разъѣхались часа въ четыре, но заснуть въ ту ночь я не могла ни на минуту. Какъ только маленькіе часы на шифоньеркѣ торопливо и звонко пробили восемь, я тихонько встала и пробралась въ уборную. Въ девять я была уже совершенно готова и, сказавъ людямъ, чтобы они не выдавали меня, поспѣшно спустилась внизъ. Было еще довольно темно. Силуэтъ Ольги рисовался на стеклянныхъ дверяхъ выходной двери. Мы крѣпко пожали другъ другу руки и вышли на улицу.

— Но куда же мы? спросила она.

— А вотъ куда. Сегодня ночью я придумала. Много лѣтъ тому назадъ мама̀ хлопотала о своей пенсіи и все ѣздила въ военное министерство. Я отлично знаю, гдѣ оно. Туда мы и отправимся. Въ мѣщанскую управу, гдѣ Лаура беретъ свой

*) Поваренная книга.

паспортъ, намъ нечего идти. Я вспомнила, что мы дворяне...

— Отлично, сказала Ольга.—Такъ идемъ?

— Идемъ!

Несокрушимое спокойствіе Ольги, ея ровная походка, раздувающіяся ноздри и устремленные вдаль глаза дѣйствовали всегда на меня самымъ возбуждающимъ образомъ. Казалось, она видитъ передъ собою далекую цѣль и непоколебимо идетъ къ ней. Конечно, ко всей моей храбрости все же примѣшивалось то самое тоскливое чувство, которое сжимаетъ грудь, когда, напримѣръ, собираешься къ дантисту рвать зубъ.

— Ну, а вдругъ тамъ мы встрѣтимъ кого-нибудь изъ знакомыхъ? Вѣдь они могутъ сказать мамà, и выйдетъ страшнѣйшій скандалъ.

— И пусть выйдетъ! отвѣтила Ольга.—Теперь мы должны быть на все готовы. Не забудьте, что мы начинаемъ сжигать корабли.

Въ министерствѣ еще никого почти не было. Только-только начинали собираться мелкіе чиновники. Мы подошли къ одному и спросили, гдѣ тутъ выдаютъ паспорта дочерямъ военныхъ? Онъ удивленно посмотрѣлъ на насъ.

— Паспорта? Это вы не туда попали! Паспорта у градоначальника получаютъ. Можетъ быть, знаете большой домъ на углу Гороховой и Адмиралтейской?

Мы поблагодарили его и, очутившись снова

на улицѣ, посмотрѣли другъ на друга вопросительно.

— Ну, что же, идемъ туда?

— Идемъ! Хорошо, что мы незнакомы съ этимъ градоначальникомъ, сказала я:—а то вѣдь невозможно было бы идти къ нему.

Уже издали у дома его мы увидѣли большое оживленіе. Къ канцеляріи то и дѣло подъѣзжали извощики; толпились городовые, толкались бѣдные, суетились просители.

Мы поднялись по мокрымъ ступенямъ каменной лѣстницы. У дверей пріемной насъ остановилъ чиновникъ. Въ рукахъ у него была кипа прошеній.

— Насчетъ какого дѣла?

— Насчетъ паспорта. Вѣдь тутъ выдаютъ?

— Тутъ. А кому паспортъ нужно?

— Какъ кому? Мнѣ самой!

— Вамъ? А сколько же вамъ лѣтъ, барышня?

— Мнѣ? Двадцать одинъ.

— Такъ-съ, а давно ли минуло?

— Вчера, сказала я, краснѣя до слезъ.

— А разрѣшеніе маменьки есть?

— Разрѣшеніе?

И голосъ мой дрогнулъ.

— Да-съ, разрѣшеніе, безъ этого ни-ни! Какъ принесете прошеніе отъ имени вашей маменьки-съ, такъ мы вамъ паспортикъ и выдадимъ. Только зачѣмъ онъ вамъ, не понимаю! Такія вы

молоденькія, я думалъ, дѣвочка. Только бы дома жить!

— Нѣтъ, сказала я:—это невозможно! Но когда же, я не понимаю, женщина становится самостоятельной!?

— Никогда-съ, милая барышня, никогда-съ, проговорилъ съ величайшимъ наслажденіемъ чиновникъ:—прежде отъ родителей зависитъ, а потомъ отъ мужа-съ!

Я почувствовала, какъ блѣднѣю при этихъ словахъ; какой-то гадкій холодъ прокрался въ сердце, и ноги задрожали такъ сильно, что я ухватилась за плечо Ольги.

«Что же это, все рушится?» мелькнуло у меня въ головѣ.

Чиновникъ опять съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Я думаю, отчаяніе, выразившееся на моемъ лицѣ, невольно тронуло его.

— Конечно, сказалъ онъ, помолчавъ: — нѣтъ правила безъ исключенія. Вотъ скоро самъ господинъ градоначальникъ выйдутъ...

И онъ отстранился отъ дверей.

— Такъ вы позволите мнѣ самой пойти попросить его? воскликнула я, и черезъ секунду я была уже въ пріемной.

Просителей было довольно много, — человѣкъ 20,—въ томъ числѣ нѣсколько военныхъ; какая-то дама, облокотившись о стѣнку, горько плакала.

Я прошла мимо всѣхъ и стала у самыхъ дверей

кабинета. Были ли тутъ знакомые или нѣтъ,— мнѣ теперь уже было все равно.

Чувство тоски достигло своего апогея.

Вдругъ ручка двери щелкнула, дверь отворилась и въ комнату вошелъ градоначальникъ. Это былъ высокій, сухой генералъ, съ сѣрымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и большими зеленоватыми глазами. Онъ остановился посреди комнаты, окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и сдѣлалъ общій поклонъ. Потомъ взглядъ его пробѣжалъ по нѣкоторымъ лицамъ и немного удивленно остановился на мнѣ.

Страшная минута настала.

Градоначальникъ подошелъ ко мнѣ, потирая большія бѣлыя руки, отъ которыхъ сильно пахло одеколономъ, и молча вопросительно посмотрѣлъ на меня. Глубокая тишина воцарилась въ комнатѣ...

— Я насчетъ паспорта, сказала я какимъ-то сдавленнымъ, точно чужимъ голосомъ.

— Ну, что же, отлично! отвѣтилъ генералъ.— Вѣроятно, вы желаете отдѣльный видъ на жительство? Что же, готовы всѣ необходимыя бумаги?

— У меня нѣтъ разрѣшенія отъ матери.

Брови его сурово сдвинулись.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ онъ уже другимъ тономъ.

Но странно, не смотря на это, весь мой страхъ вдругъ совершенно исчезъ.

— Моя фамилія Толимова,—сказала я.—Мамà никогда не дастъ мнѣ разрѣшенія. Но оставаться дома мнѣ невозможно. Всякая зависимость мнѣ невыносима. Я хочу сама зарабатывать свой хлѣбъ, хочу научиться сама стоять на своихъ ногахъ.

Глубокая убѣжденность звучала въ моихъ словахъ. Большіе зеленые глаза генерала устремились на меня. Казалось, они пронизывали меня насквозь, но я не боялась ихъ, напротивъ того, съ вѣрою и мольбой всматривалась я въ эти глаза, и морщины вдругъ сбѣжали со строгаго лица генерала и едва замѣтная улыбка скользнула по его губамъ. Онъ отошелъ отъ меня и задумался на минуту.

— Хорошо, принесите ваше метрическое свидѣтельство и послужной списокъ отца, проговорилъ онъ наконецъ: — я посмотрю что̀ можно будетъ для васъ сдѣлать.

У дверей съ радостными лицами ожидали меня Ольга и говорившій со мною вначалѣ чиновникъ.

— Ну вотъ, сказалъ онъ улыбаясь,—и пиши тутъ послѣ этого законы! Ужъ генералъ пожелалъ, такъ навѣрно сдѣлаетъ.

Я чуть не поцѣловала его отъ восторга.

— А вы ужъ бумаги-то свои поскорѣе достаньте, прошеньице мы тутъ сами вамъ напишемъ!

Когда я вернулась домой мамà еще спала. Я тихонько вошла въ уборную и, какъ ни въ чемъ не бывало, легла на кушетку.

Черезъ два дня мы уже опять были съ Ольгой въ военномъ министерствѣ, но на этотъ разъ въ архивѣ, куда чиновникъ градоначальника послалъ насъ за формуляромъ отца. Тутъ очень пригодились деньги, набравшіяся въ копилкѣ. Писарь обѣщалъ намъ приготовить формуляръ въ два дня. Метрическое свидѣтельство я утащила изъ шифоньерки мамà. Я нашла его въ толстомъ пакетѣ съ бумагами, который мамà не разъ показывала мнѣ. «Вотъ тутъ», говорила она:—«разные важные документы, чтобы ты знала, на случай пожара или моей смерти».

Прошеніе было подано и черезъ недѣлю околоточный принесъ мнѣ мой паспортъ.

Ничтожная синяя тетрадочка лежала передо мною на столѣ. Въ ней заключалась моя свобода...

Никто изъ людей не зналъ, чтò именно принесъ околоточный, и я просила ихъ ни подъ какимъ видомъ не говорить мамà о его посѣщеніи.

— Не надо, чтобы и старый Иванъ зналъ, сказала я Василію:—а то онъ непремѣнно генеральшѣ скажетъ.

— Ой, что вы, барышня, да онъ отъ годовъ въ способности разума ужъ теряется, и любопытство въ себѣ насчетъ всего остального ужъ не имѣетъ. А, извините пожалуйста, насчетъ Софьи я имѣю крайнюю необходимость вамъ высказать. Она, я замѣчаю, объуланить хоть кого

съумѣетъ. Я за нею ужъ кое что замѣчать изволю, да говорить не охота, грѣхъ на душу брать. Отъ нее ужъ вы, барышня, хоронитесь побольше, а то она можетъ корень зла вывести наружу. Но конечно и отъ меня, долго ли коротко ли она не уйдетъ. Не ремизиться же мнѣ въ своей особѣ!

Въ отсутствіе мамà я часто отпускала Василія «кругъ дома побродить».

— Вотъ ужъ за это, говорилъ онъ,—я за васъ, золотая барышня, и въ огонь, и въ воду, и въ мѣдныя трубы!

Время между тѣмъ летѣло неимовѣрно быстро. Насталъ апрѣль, и уже въ самомъ началѣ его мы прочли въ газетахъ телеграмму изъ Шлиссельбурга, сообщавшую о вскрытіи Невы на пять верстъ отъ истоковъ. Это извѣстіе служило для насъ сигналомъ скораго отъѣзда. Дѣла наши уже почти всѣ были готовы, и черезъ мѣсяцъ, съ первымъ пароходомъ, отходившимъ въ Гамбургъ, мы рѣшили двинуться въ путь. Ольга подъ видомъ поѣздки въ Италію въ качествѣ учительницы рисованія, довольно скоро уговорила своихъ родителей выхлопотать ей паспортъ. Лаурѣ онъ достался труднѣе. Старушка-мать, страстно ее любившая, неохотно отпускала ее. Но Лаура ловко сумѣла придумать цѣлую исторію о какихъ-то занятіямъ, сулившихъ ей отличный, неслыханный еще заработокъ, и разрѣшеніе было ей, наконецъ, дано. Только съ деньгами дѣло шло

у насъ довольно туго. У меня было всего накоплено 77 рублей: 60 на дорогу и 17 на жизнь въ Америкѣ. Этого было мало, положительно мало. Но гдѣ достать еще? И вдругъ блестящая мысль озарила меня. Я читала въ какомъ-то романѣ, даже въ двухъ, какъ въ трудную минуту жизни героиня отрѣзаетъ себѣ волосы и продаетъ ихъ.

Я позвала Сашу.

— Ну, сказала я:—рѣжьте мою косу!

Но Саша прежде всего не повѣрила своимъ ушамъ, потомъ расхохоталась, потомъ пришла въ ужасъ и наконецъ убѣжала, рѣзко крикнувъ, что ни за какія деньги не дотронется до моихъ волосъ.

Софья оказалась сговорчивѣе.

— И какъ отрѣжете, такъ сейчасъ же пойдите и продайте ихъ.

— Ну, а какъ генеральша узнаютъ, что̀ тогда мнѣ будетъ?

— Ахъ, какія глупости, пойду я говорить про васъ генеральшѣ?! Скажу, что сама отрѣзала— вотъ и все!

Софья несмѣло взяла ножницы въ руки.

— Волосики-то ужъ больно хороши, сказала она плаксиво.—Совсѣмъ золотые вѣдь.

— Ну, будете вы тутъ надо мною причитывать. Рѣжьте, и кончено дѣло.

Софья заплела мнѣ косу, вытерла глаза кончикомъ передника и принялась за дѣло. Но это

было не такъ-то легко. Она пыхтѣла, приговаривала что-то и изо всей силы тянула назадъ мою голову. Ножницы холодили мнѣ шею, и волосы при рѣзаніи какъ-то непріятно шуршали; но я сидѣла не шевелясь. Нѣсколько короткихъ прядей упали мнѣ на щеку, потомъ голова моя стала дѣлаться все легче и легче и черезъ нѣсколько минутъ на столѣ передо мною лежала длинной змѣей та самая коса, которая постоянно вызывала столько восторговъ и похвалъ.

— Вотъ она, покойница, съ голубой лентой! сказала я. — И въ самомъ дѣлѣ, красивая. Ну, теперь, Софья, маршъ продавать, и поскорѣе, пока генеральши нѣтъ дома.

Когда я предстала передъ мама̀ въ своемъ новомъ видѣ, сердце мое билось до боли. Я знала, что будетъ страшная сцена. И въ самомъ дѣлѣ, увидѣвъ меня, мама̀ всплеснула руками и съ громкимъ крикомъ упала на диванъ.

— Мнѣ дурно! крикнула она. — Мнѣ дурно! помогите!

Въ такія минуты лучше всего бывало спрятаться какъ можно дальше. Я позвала Софью къ мама̀ и поспѣшно убѣжала въ ванную комнату. Черезъ нѣсколько времени по дому пронеслась страшная буря. Меня звали и искали, но я, затаивъ дыханіе, сидѣла, не двигаясь, за вѣшалкой. Наконецъ все разомъ стихло.

«Ну, значитъ уѣхала»!

На другой день велѣно было послать за парикмахеромъ, чтобы придать мнѣ хоть мало-мальски человѣческій видъ. Но парикмахеру трудно было исправить работу Софьи: въ нѣсколькихъ мѣстахъ она выхватила мнѣ волосы до самой кожи.

— Что ты намѣрена меня въ гробъ уложить твоими сумасшедшими выходками! кричала мама̀.—Ужъ не знаю, за что Богъ наградилъ меня такой дочерью? Безъ корсета, да еще стриженая. Вѣдь позоръ, позоръ! Скоро мнѣ никуда нельзя будетъ изъ-за тебя носа показать! И все вѣдь изъ-за этихъ дѣвчонокъ, которыя бѣгаютъ сюда и кружатъ тебѣ голову!

И мама строго-на-строго запретила принимать Лауру и Ольгу. Сашѣ также было почему-то отказано и я стала навѣщать ее въ подвалѣ сосѣдняго дома, гдѣ она наняла себѣ уголъ за три рубля въ мѣсяцъ.

Мои отношенія съ мама̀ опять совершенно испортились. Она стала смотрѣть на меня съ какимъ-то холоднымъ ужасомъ, какъ смотрятъ на дикаго звѣря, отъ котораго ежеминутно можно ожидать чего-нибудь ужаснаго.

Въ началѣ мая открылся Таврическій садъ. Тамъ я встрѣчалась съ Ольгой и Лаурой.

Таинственность нашихъ свиданій, скорый отъѣздъ, прелесть весны—все это переполняло душу упоеніемъ и восторгомъ.

Мы сіяли счастьемъ въ ту весну, и наша

жизнерадостность невольно заражала всѣхъ. Помню, какъ неожиданно блеснули глаза важнаго директора въ иностранномъ отдѣленіи, когда въ одно прекрасное утро мы предстали передъ нимъ съ просьбою выдать намъ заграничные поспорта.

— Прежде всего прошу васъ садиться!—сказалъ онъ.

Мы сѣли рядомъ какъ разъ противъ него. Онъ машинально перебралъ и отложилъ въ сторону нѣсколько бумагъ на столѣ, очевидно подыскивая вопросъ для вступленія въ разговоръ.

— Вы ѣдете путешествовать? наконецъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?.. А что же вы намѣрены дѣлать за границей?

— Мы намѣреваемся зарабатывать хлѣбъ, сказала Ольга, устремивъ на него свои большіе глаза.

— Вотъ какъ! воскликнулъ онъ.—И кто же будетъ васъ сопровождать?

— Насъ, сказала я удивленно:—никто! Развѣ въ наши годы требуются провожатые?

— Ахъ, это правда! проговорилъ онъ, будто бы испугавшись своего вопроса. — А все - таки combien de printemps ont couronné la vie de mademoiselle?

— Мнѣ 21 годъ! сказала я гордо.

— Да?

— Вотъ мой паспортъ, посмотрите!

Онъ долго читалъ и перелистывалъ его.

— А гдѣ же разрѣшеніе родителей? наконецъ спросилъ онъ.—Вѣдь papa и maman живы?

— А если maman не даетъ разрѣшенія? сказала я, блѣднѣя.

— Тогда дѣти остаются дома! Теперь новое правило: — безъ позволенія родителей не позволяютъ выдавать. Надо же было поставить хоть какія нибудь границы своеволію юности. Много безпорядковъ въ наше время, много фантазій, говорилъ онъ, не глядя на насъ; — молодежъ увлекается нездравыми, больными мечтами и часто, къ сожалѣнію, сбивается съ пути!..

— И нѣтъ никакой возможности уѣхать безъ разрѣшенія maman? опять спросила я.

— Нѣтъ! сказалъ онъ насмѣшливо.

— А если есть? вдругъ воскликнула я.—Что̀ тогда станется съ вашимъ злорадствомъ?

Онъ нахмурилъ брови и придвинулъ опять пакетъ съ бумагами.

— Мы, кажется, выходимъ изъ рамокъ дѣла, сказалъ онъ сухо, принимая офиціальный видъ.— Могу я вамъ служить еще чѣмъ нибудь?

— Сегодня—нѣтъ, отвѣтила я:—но завтра—да!

— Toujours á vos ordres, mademoiselle, проговорилъ онъ ледянымъ тономъ.

— Ну, ловко ты разозлила его! воскликнула Лаура, какъ только мы вышли на улицу.

— И отлично! отвѣтила я.—Зачѣмъ онъ читаетъ намъ мораль и обращается съ ними, какъ съ маленькими?!

— А какъ онъ красивъ! продолжала Лаура.— Какія жгучіе черные глаза!

— Вотъ что я придумала, перебила я ее:— я рѣшила завтра же утромъ поѣхать къ градоначальнику. Я скажу ему: вы были такъ любезны выдать мнѣ русскій паспортъ, не окажете ли мнѣ еще одну огромную услугу — приказать мнѣ выдать заграничный? Я почему-то совершенно увѣрена, что онъ исполнитъ мою просьбу!

Мое предчувствіе не обмануло меня. Съ градоначальникомъ я говорила просто и довѣрчиво, какъ со старымъ знакомымъ, и онъ, улыбнувшись, тотчасъ велѣлъ выдать мнѣ изъ канцеляріи разрѣшеніе. Торжествуя, летѣли мы въ иностранное отдѣленіе.

— Эхъ, молодежь, молодежь! проговорилъ директоръ, укоризненно качая головой. — Вѣдь крылья вы себѣ обожжете!

Попросивъ присутствующихъ обождать его въ слѣдующей комнатѣ, онъ долго и сердечно говорилъ съ нами.

— Вы, навѣрно, съ ироніей отнесетесь къ моимъ словамъ, сказалъ онъ, прощаясь съ нами:— вѣдь молодежь неумолима! Но все же прошу васъ объ одномъ: если когда-нибудь вамъ понадобится какой-нибудь совѣтъ или помощь,

не забудьте обо мнѣ. Вотъ моя визитная карточка.

Итакъ все было у насъ готово. Мамà ничего не подозрѣвала и жизнь въ нашемъ домѣ шла своимъ чередомъ.

Одно еще оставалось мнѣ сдѣлать — это написать графинѣ Д. Мнѣ хотѣлось сказать ей, что, не смотря на наше поверхностное знакомство, я все же постоянно думаю о ней. «Я никогда не забуду васъ»,—писала я:—«Вашъ чудный голосъ глубоко запалъ мнѣ въ сердце. Помните, вы пѣли тогда въ Финляндіи? Я вполнѣ увѣрена, что жизнь не удовлетворяетъ васъ. Вы ищете... ищу и я. И это исканіе на-дняхъ увлечетъ меня далеко, далеко не только отсюда, но даже изъ предѣловъ Европы. Можетъ-быть на другой почвѣ, среди другихъ людей съ болѣе ясными, болѣе чистыми идеалами я разрѣшу l'ènigme de la vie*). Здѣсь мнѣ не подъ силу оставаться. Скажите сами: возможно ли изображать саксонскую куколку, когда въ груди бьется свободное, горячее сердце, когда готовъ отдаться лучшимъ стремленіямъ, когда душа переполнена снами величія и славы? Прощайте, графиня! Я знаю, васъ ждетъ великое будущее. Встрѣтимся ли мы въ жизни? О, да, беззавѣтно вѣрю въ это! Вспоминайте иногда о вашемъ вѣрномъ другѣ.

«Елена».

---

*) Задачу жизни.

Это письмо я старательно переписала и велѣла отправить заказнымъ.

10-го мая были взяты билеты, 15-го отходилъ пароходъ. Съ Ольгой и Лаурой я видѣлась мало. Онѣ укладывались и передъ разлукой старались быть какъ можно больше въ семьѣ. Я же могла уложиться только въ послѣднее утро, и Софья должна быта отвезти мои вещи, пока мамà спитъ, на пароходъ. Чувство щемящей тоски и безпокойства уже не покидало меня. Съ холодными руками и нервно бьющимся сердцемъ ходила я по комнатамъ, мучительно придумывая прощальную записку для мамà.

Въ ней я собиралась сказать ей, что ѣду учиться лѣпить въ Италію. Слово «Америка» могло бы слишкомъ испугать ее.

«Обо мнѣ не безпокойтесь, денегъ у меня довольно»,—назойливо вертѣлось у меня въ головѣ. А между тѣмъ денегъ-то именно у меня и не хватало. За свою косу я разсчитывала получить minimum 25 р. Парикмахеры всегда говорили, что у меня на головѣ цѣлое богатство, но, какъ нарочно, Софья потеряла ее на улицѣ. Она сама была въ отчаяніи.

— Какъ это случилось, просто ума не приложу. повторяла она мнѣ въ сотый разъ.—Я, какъ вышла изъ дому ее-то, подъ мышкой крѣпко держала, а какъ въ конку вскочила, она у меня вѣрно изъ бумажки и выскользнула.

Кромѣ того, по совѣту Саши, я велѣла заложить въ ссудной кассѣ 2 бальныхъ платья, но это мало помогло. Выдали всего 6 р.

Еще татарину Василій продалъ мнѣ учебниковъ на 1 р. 30 к. Такъ что всего-на-всего у меня было 84 р. 30 к.

Эти деньги, паспортъ и метрическое свидѣтельство были тщательно сложены въ сшитую для дороги полотняную сумочку и отданы Лаурѣ на храненіе.

15-е приходилось въ четвергъ. Но уже за много дней я совершенно потеряла аппетитъ и сонъ. Настала, наконецъ, среда, послѣдній день передъ отъѣздомъ. Утромъ, какъ всегда, я встала въ девять часовъ и вышла въ столовую пить чай.

— Барышня, я вамъ подъ салфеточку на столъ тилиграмъ положилъ, шепнулъ мнѣ Василій.— Только-только вотъ принесли, я на расписку и руку приложить изволилъ.

— Телеграмма... мнѣ?

«Письмо ваше получила, выѣзжаю проститься, буду въ пятницу, убѣдительно прошу обождать. Д».

— Милая, дорогая графиня! Конечно, я обожду ее!

Колебанія во мнѣ не было никакого.

Какъ только днемъ мама̀ выѣхала, я тотчасъ пошла къ Лаурѣ. День былъ жаркій, дышалось

съ трудомъ. Лауры не было дома. Я пошла къ Ольгѣ, но и она ушла за послѣдними покупками.

Эта неудача ужасно раздосадовала меня. Мнѣ необходимо было видѣть своихъ друзей, чтобы сообщить имъ о полученной телеграммѣ. Въ пять я вернулась домой. Отъ Карскихъ прислали сказать, что мама̀ осталась тамъ на весь день; тотчасъ же послѣ обѣда я рѣшила идти на Васильевскій Островъ, чтобы узнать, когда отходитъ слѣдующій пароходъ и можно ли будетъ перемѣнить взятый на завтрашній день билетъ.

Дорога на Васильевскій островъ показалась мнѣ безконечной. Оттуда я опять пошла къ Лаурѣ.

— Слѣдующій пароходъ идетъ черезъ недѣлю. Я попрошу ее отложить отъѣздъ!

Эта мысль ободрила меня. Было довольно поздно, когда я поднялась по знакомой мнѣ лѣстницѣ. На мой звонокъ дверь тотчасъ открыли. Въ квартирѣ все стояло вверхъ дномъ: шла окончательная укладка.

Изъ гостиной быстро выбѣжала старушка-мать и старшая сестра Лауры. Обѣ были въ ночныхъ кофточкахъ. Посреди комнаты стоялъ раскрытый сундукъ, на половину наполненный пакетами, завернутыми въ газетную бумагу. На фортепіано горѣла свѣча и были разложены книги и бѣлье.

— Здравствуй, — вполголоса сказала Лаура, протягивая мнѣ руку. — Ахъ, хоть бы скорѣе уѣхать! Ну, что, у тебя все готово?

— Нѣтъ,—сказала я твердо, хотя также вполголоса.—Завтра я не могу ѣхать. Если возможно, подождите меня нѣсколько дней здѣсь или въ Гамбургѣ.

Лицо Лауры исказилось.

— Отчего ты не ѣдешь?

Я объяснила ей причину. Лаура молча выслушала меня и вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ моей полотняной сумочкой въ рукахъ и, подойдя къ фортепіано, начала вынимать изъ нея все, что въ ней заключалось.

— Вотъ, — сказала она: — твои деньги, паспортъ, метрическое свидѣтельство. Посмотри, все ли тутъ.

Я чувствовала, какъ задрожали мои ноги и крѣпче облокотилась о рояль.

— Да, тутъ все, кромѣ пароходнаго билета, который обѣщали мнѣ перемѣнить. Но къ чему мнѣ это,—я не понимаю.

— А къ тому,—сказала Лаура, и лицо ея выразило страшную злобу: — что между нами все кончено. Жди, кого хочешь, дѣлай, что хочешь, я ѣду завтра и знать больше ничего не хочу!

— Отлично,—отвѣтила я спокойно.—Это доказываетъ твою любовь ко мнѣ. Отдай же мнѣ мой пароходный билетъ, и я уйду.

Лаура опять вышла изъ комнаты и вернулась минутъ черезъ десять. Я протянула руку за би-

летомъ и окинула ее послѣднимъ взглядомъ. Свѣчка ярко освѣщала ея потертую австрійку.

«Это я вѣдь шила ей когда-то! Какая, однако, плоская у нея грудь и какъ злы ея глаза!»

— Ну, прощай!—сказала я громко и, не подавъ ей руки, вышла черезъ темную переднюю на лѣстницу и плотно притворила за собою выходную дверь.

Въ эту минуту раздались звуки Шопеновскаго ноктюрна. Лаура играла ту пьесу, подъ звуки которой мы такъ много мечтали...

Я остановилась, прислушиваясь.

«Неужели же въ самомъ дѣлѣ мы разошлись навсегда?»

Было уже десять часовъ, когда я вернулась домой.

XII.

«Wie gross war diese Weltgestaltet
So lang die Knospe si noch barg»...
Schiller (Die Ideale).

Мое свиданіе съ графиней Д. было очень мучительно. Она пріѣхала съ цѣлью увезти меня съ собою въ деревню, и сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы отговорить меня отъ поѣздки въ Америку.

— Я васъ не понимаю, дитя мое. Вы пишете мнѣ о вашей преданности, и когда вамъ представляется случай доказать ее, вы уѣзжаете отъ меня. Отчего бы вамъ не попробовать погостить у меня? Мы бы съ вами хозяйничали, ѣздили бы въ поля и лѣса, вечеромъ бы читали.

— Графиня! перебила я ее. — Развѣ можетъ быть на свѣтѣ бо̀льшее счастье, чѣмъ жить съ вами?

— Ну, тогда о чемъ же и разсуждать больше? Итакъ по рукамъ, не правда ли? Мы вмѣстѣ бу-

демъ разрѣшать жизненные вопросы, будемъ думать, философствовать... Въ тяжелыя минуты жизни, а ихъ право не мало, я буду счастлива имѣть такого милаго, преданнаго друга! Лѣто мы проведемъ въ деревнѣ, осенью уѣдемъ за границу...

Что̀ могло быть для меня заманчивѣе такого плана? Но я сидѣла не шевелясь.

— Графиня, сказала я наконецъ: — теперь я не имѣю права на счастливую, тихую жизнь. Я должна прежде всего стать на собственныя ноги, пріобрѣсти самостоятельность, поработать для ближнихъ и, когда я сдѣлаюсь «человѣкомъ», я пріѣду къ вамъ... Это стремленіе какъ огонь горитъ во мнѣ, и его не можетъ залить ничто на свѣтѣ. Простите же меня, графиня...

Однако, вернувшись домой послѣ отъѣзда графини, я почувствовала себя нехорошо. Началась лихорадка, вызвавшая полный упадокъ силъ. Я могла лежать цѣлыми днями въ кровати и тихо плакать,—плакать! когда вообще я считала позоромъ проронить хоть единую слезу. Но докторъ сказалъ, что это не я, а нервы плачутъ, что надо подбодриться и ѣхать поскорѣе куда-нибудь на югъ поправляться.

И вотъ самымъ неожиданнымъ образомъ судьба помогла мнѣ привести въ исполненіе мои планы. Мама̀ написала обо мнѣ однимъ нашимъ родственникамъ, проводившимъ въ Тиролѣ лѣто, и

они отвѣтили, что будутъ очень рады видѣть меня. Было рѣшено, что Софья проводитъ меня до границы, а тамъ до Боцена я доѣду одна.

— Теперь надо только позаботиться о твоемъ паспортѣ, сказала мама̀. — Это очень скучная исторія.

— Паспортъ у меня есть! сказала я чуть слышно, предчувствуя бурю.

Мама̀ раскрыла глаза... Потомъ вся кровь бросилась ей въ голову.

Она хотѣла сказать что-то, но сдержалась, сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе.

Докторъ запретилъ мнѣ всѣ волненія, онъ находилъ, что нервная система моя совершенно разстроена, да и на видъ я была худа, блѣдна, съ темными кругами около глазъ.

Такъ мама̀ больше ничего и не спросила меня о паспортѣ, но я видѣла, что это сто̀ило ей дорого.

— Софья возьметъ тебѣ билетъ прямого сообщенія до самаго Дрездена, сказала она, прощаясь со мною: — а вотъ 50 р. для проѣзда до Боцена и 100 на твои личные расходы. Деньги на жизнь я вышлю кузинамъ. Онѣ будутъ платить за тебя.

— Очень, очень благодарю васъ, сказала я, цѣлуя ей руку.

Мы выѣхали 20-го іюля. Я ѣхала въ первомъ классѣ, Софья—во второмъ, но на каждой большой станціи она приходила навѣщать меня. Я,

молча, улыбалась ей; мнѣ не хотѣлось говорить. На границѣ мы разстались.

Въ Эйдкуненѣ, стоя у своихъ вещей, я съ ужасомъ ожидала таможеннаго осмотра. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ я сунула въ свой нессесеръ утащенные изъ кладовой расхлябанный утюгъ и спиртовку. Вещи эти казались мнѣ очень практичными; но таможенные чиновники могли легко принять ихъ за какую нибудь адскую машину и отправить меня съ ними назадъ!

Вся красная отъ волненія смотрѣла я на красиваго таможеннаго офицера съ крошечной фуражкой на головѣ. Вотъ онъ подошелъ уже къ моей сосѣдкѣ и съ интересомъ разсматривалъ ея туалетныя принадлежности и душистыя подушки. Настала моя очередь, но я не двигалась. Я рѣшительно не чувствовала себя въ силахъ раскрыть свой нессесеръ. Мое отчаяніе дошло до крайнихъ предѣловъ. Молча, съ мольбою подняла я на него глаза.

Онъ прежде удивленно, потомъ съ участіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Schon gut! вдругъ проговорилъ онъ, весело кивнувъ мнѣ головой и наклеивая розовые билетики на мои вещи.

По пріѣздѣ въ Дрезденъ надо было брать билетъ на Боценъ, но я поступила совершенно иначе.

— Носильщикъ, возьмите мои вещи!

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣла уже въ каретѣ.

— Кучеръ, не знаете ли вы, гдѣ здѣсь сдается хорошая меблированная комната?

— Меблированная комната? Найдемъ.

Онъ щелкнулъ бичомъ, и мы поѣхали.

Счастливая и свободная катила я по улицамъ Дрездена. Болѣзнь какъ рукой сняло.

Ѣхали мы довольно долго и остановились наконецъ у небольшого сѣраго дома.

— Тутъ, во второмъ этажѣ, въ прошломъ году русскіе господа комнату нанимали, я каждый день возилъ ихъ... Вотъ и узнайте, не сдаютъ ли опять? сказалъ извощикъ.

Я поднялась наверхъ.

— Налѣво дверь во второмъ, спросите фрау Лауферъ, крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Я позвонила. Вышла симпатичная нѣмка лѣтъ 35.

— Можно у васъ на нѣсколько дней комнату нанять?

— На нѣсколько дней? Ахъ, милая барышня, я только помѣсячно сдаю: мнѣ право очень, очень жаль.

Я стояла не зная, что предпринять.

— А сколько она стоитъ въ мѣсяцъ?

— 17 марокъ.

— Только? Ну, такъ я сейчасъ беру ее!

*

Вещи мои были внесены, извощикъ отпущенъ; моя комната показалась мнѣ прелестной.

Оставшись одна, я опустилась на колѣни. Я долго и горячо молилась. Отнынѣ я была совершенно беззащитна и одинока, но я ничего не боялась. Глубокая, теплая вѣра наполняла мое сердце.

Нѣсколько времени спустя кто-то тихо постучался въ дверь. Это была хозяйка.

— Развѣ барышня совсѣмъ одна пріѣхала? спросила она несмѣло.

— Да.

— Вѣрно въ какую-нибудь школу? Я хотѣла спросить: можетъ быть, проводить васъ?

— Нѣтъ, я не въ школу. А вотъ если вы мнѣ можете указать, гдѣ мнѣ можно имѣть недорогой обѣдъ, то я вамъ буду очень благодарна.

— Съ удовольствіемъ, милая барышня. Я хотѣла вамъ также предложить, въ случаѣ если вы знаете города, моихъ дѣтей въ провожатые; они не послушные, тихіе такіе.

И она попросила позволенія познакомить меня со своими четырьмя сыновьями, которые въ самомъ дѣлѣ оказались примѣрными мальчиками. Старшему, Максу, было 14 лѣтъ, онъ былъ очень талантливъ и уже нѣсколько разъ игралъ дѣтскія роли на сценѣ. Съ нимъ мы тотчасъ стали большими друзьями, и онъ обѣщалъ съ завтрашняго же дня начать со мною обзоръ Дрез-

дена. Но въ этотъ первый день всѣ дѣти непремѣнно хотѣли идти со мною, и мы вчетверомъ отправились искать дешевый ресторанъ, но по дорогѣ попадались такія заманчивыя кондитерскія, такіе чудные фрукты на лоткахъ, что я накупила пирожнаго, вишенъ, хлѣба, ветчины, и со всѣмъ этимъ мы отправились въ загородный паркъ. Тамъ, послѣ очень веселаго обѣда на травѣ, мы бѣгали взапуски и играли въ жмурки. Погода стояла чудная, великолѣпныя штамбовыя розы были всѣ въ цвѣту...

Вечеромъ фрау Лауферъ пришла ко мнѣ въ комнату съ работой. Максъ читалъ намъ Валленштейна.

На другой день я проснулась очень рано. Надо было выработать окончательный планъ бѣгства, но такъ, чтобы не слишкомъ испугать мама̀. Послѣ долгаго раздумья я написала по-французски слѣдующую телеграмму:

«Пріѣхала благополучно въ Дрезденъ. Встрѣтила школьныхъ знакомыхъ. Хорошо устроились вмѣстѣ; увлечена картинной галлереей. Позвольте остаться еще 10 дней».

Не станетъ же мама̀ изъ такой дали спорить со мною, а мнѣ, главное, выиграть побольше времени. Если теперь фрау Лауферъ согласится быть со мною въ заговорѣ, то можно отлично устроиться. Я напишу письмо, въ которомъ буду просить позволенія остаться въ Дрезденѣ еще нѣкоторое

время. Это письмо фрау Лауферъ отошлетъ дней черезъ 10. Значитъ, въ моемъ распоряженіи 20 дней, какъ разъ время, достаточное для того, чтобы доѣхать до Америки и написать оттуда мамà. Такимъ образомъ ей не придется безпокоиться обо мнѣ. Далекій переѣздъ черезъ океанъ будетъ уже совершившимся фактомъ, и я скажу мамà, что живу у баронессы Линденъ, той самой американки, съ которой я училась въ рисовальной школѣ и о которой не разъ говорила дома...

Отвѣтъ пришелъ письмомъ только на пятый день. Мамà писала мнѣ, что я уже большая, могу поступать какъ желаю, но что она проситъ меня тотчасъ подробнѣе написать, кто эти знакомые, и, вполнѣ надѣясь на мое благоразуміе, шлетъ мнѣ свой привѣтъ и благословеніе. «Надѣюсь 100 р. хватитъ тебѣ на 10 дней въ Дрезденѣ, прибавляла она:—остальныя деньги я уже выслала въ Боценъ».

Пришло время открыться фрау Лауферъ; она въ первую минуту ужаснулась моимъ планамъ, но моя убѣжденность также вѣдь чего нибудь да стоила. Послѣ сильныхъ колебаній она наконецъ обѣщала исполнить мою просьбу.

— Конечно, прибавила она: — всюду можно встрѣтить хорошихъ людей, и Богъ не оставитъ васъ! Одно только: не разочаруетесь ли вы въ вашихъ мечтахъ? У меня вотъ также младшая сестра все бредила самостоятельностью, гордая

такая была, поѣхала въ Швейцарію на мѣсто и, вѣрите ли, не прошло и 6 мѣсяцевъ—so kam sie nach Haus ich Sage Ihnen aber wie ein nasser Pudel! *).

Слова эти, однако, нисколько не повліяли на меня, и Максъ долженъ былъ тотчасъ идти со мною въ контору, гдѣ продавались пароходные билеты. Тамъ намъ сказали, что слѣдующій пароходъ съ эмигрантами отходитъ только черезъ 5 дней. Правда, что не всѣ дѣла мои были еще покончены. Я должна была написать письмо мамà, а также m-me Мымзи, которую я хотѣла просить немедленно прислать адресъ Лауры въ Нью-Іоркъ, до востребованія.

«Когда Лаура увидитъ, что я все же провела свою идею, она перестанетъ сердиться», думала я. Кромѣ того, я рѣшила съ помощью фрау Лауферъ купить себѣ старомодное пальто и шляпу, чтобъ болѣе быть похожей на эмигрантку.

Мое прощаніе съ Лауферами было очень трогательно. Они всѣ провожали меня на желѣзную дорогу и, когда поѣздъ тронулся, долго еще махали издали платками.

Въ Гамбургъ поѣздъ пришелъ очень рано. Едва свѣтало; взявъ извощика, я отправилась въ гостиницу «Чикаго», по данному мнѣ въ Дрезденѣ

---

*) Она вернулась домой, ну, увѣряю васъ, какъ мокрый пудель.

адресу. Она оказалась въ самой отдаленнѣйшей части города и представляла изъ себя огромное мрачное зданіе. Большія сѣни были переполнены народомъ, многіе сидѣли на куляхъ, разложенныхъ повсюду, другіе спали въ растяжку на грязномъ полу. Воздухъ былъ пропитанъ махоркой и какою-то парной, зловонной сыростью.

«Что тутъ творится!» подумала я, останавливаясь въ дверяхъ.

— Вы ищете кого нибудь? спросилъ, подходя ко мнѣ, какой-то маленькій господинъ въ пальто.

— Мнѣ тутъ надо получить билетъ для проѣзда въ Нью-Іоркъ на пароходѣ «Цимбрія», отвѣтила я.—Не знаю, къ кому обратиться?

— Ко мнѣ-съ. Я хозяинъ гостинницы. Пожалуйте за мною въ контору.

Онъ выдалъ мнѣ билетъ и взялъ съ меня три марки за будущій завтракъ и проѣздъ до пристани.

— Пароходъ отходитъ сегодня же, часа въ 4; совѣтую запастись жестяною посудою, а то вамъ не въ чемъ будетъ ѣсть дорогой. Но скажите, пожалуйста, гдѣ же ваши спутники?

— Спутники? Я ѣду одна.

Огромная, закоптѣлая общая зала, куда онъ провелъ меня, была биткомъ набита народомъ. Говоръ, шумъ, проклятія стономъ стояли въ воздухѣ. Нѣкоторыя женщины плакали, дѣти визжали, мужчины громко спорили, хохотали, пле-

вались, всѣ казались очень возбужденными. Жестяная посуда у здѣсь же торговавшихъ разносчиковъ покупалась нарасхватъ.

«Тутъ, кажется, еще хуже», подумала я, возвращаясь опять въ сѣни. Но и тамъ становилось уже тѣсно. Народу прибывало съ каждой минутой. Съ трудомъ удалось мнѣ разыскать свои вещи и, послѣдовавъ примѣру другихъ, я усѣлась на свой сундукъ и молча ждала, что̀ будетъ дальше. Я никакъ не могла понять, отчего происходила здѣсь эта страшная толчея. Мнѣ дѣлалось просто дурно въ этомъ ужасномъ воздухѣ, и окружавшій меня людъ, грязный и страшный, былъ мнѣ безконечно противенъ.

Черезъ нѣсколько времени во второмъ этажѣ раздался звонокъ, призывавшій къ завтраку. Всѣ вскочили на ноги и шумно ринулись наверхъ.

— Боже мой! воскликнула я. — Когда же это меня перевезутъ на пароходъ? Вѣдь нѣтъ никакой возможности оставаться дольше здѣсь!

И вдругъ сразу мнѣ стало ясно, что всѣ эти страшные, окружавшіе меня люди и были мои спутники, тѣ самые эмигранты, о которыхъ Лаура читала въ какой-то нѣмецкой книгѣ.

— А-а! Такъ это вотъ что! Ужасы третьяго класса начались! Значитъ, надо смириться!

Часа черезъ два, когда вся эта масса народа была наконецъ накормлена и суета немного улеглась, я рѣшилась также пробраться наверхъ.

Голодъ началъ нестерпимо мучить меня, но было совершенно достаточно взглянуть на зловонное рагу, чтобы надолго лишиться аппетита.

Часамъ къ 11-ти къ гостинницѣ начали подъѣзжать извозчики и фуры для перевозки пассажировъ и вещей. Всѣ въ какомъ-то безуміи начали стремиться на улицу. Мужчины взваливали на плечи свои огромные кули и, не обращая ни на кого вниманія, толкались впередъ, женщины тащили дѣтей. Я чувствовала себя маленькой, ничтожной въ этой огромной толпѣ. Моя личная воля не существовала больше. Мнѣ оставалось только испуганно озираться во всѣ стороны, чтобы, по возможности, успѣть отстраниться отъ удара локтемъ или во-время увернуться отъ какого-нибудь страшнаго мѣшка съ торчащими изъ него сельско-хозяйственными инструментами, которые грозили мнѣ выколоть глазъ или прошибить голову. Лавируя такимъ образомъ, я очутилась у стѣны, и толпа вдругъ страшно сдавила меня. Еще немного — и захрустѣли бы кости. Паника охватила меня, холодный потъ выступилъ на лбу. Громкій, раздирающій крикъ вырвался изъ моей груди.

— Что вы, чурбаны, не видите, что дѣвчонку давите? заоралъ надъ самымъ моимъ ухомъ какой-то высокій старикъ, угощая окружающихъ страшными ударами кулака. Это помогло. Мнѣ сразу стало легче дышать, но тутъ же теченіе стис-

нуло меня и повлекло къ выходнымъ дверямъ; мои ноги не касались пола, и все же я быстро подвигалась впередъ. Черезъ нѣсколько секундъ я была на улицѣ.

Какъ разъ въ эту минуту нѣсколько женщинъ усаживались въ огромный рыдванъ.

— У васъ есть тамъ еще одно мѣсто, закричалъ кто-то:—«Nehmen Sie doch das Mädel mit!!» *).

И не успѣла я опомниться, какъ меня втолкнули въ экипажъ, и мы уже катили по улицамъ Гамбурга. Стоялъ холодный пасмурный день. Вѣтеръ дулъ порывами. Мои пять спутницъ были страшно озабочены: онѣ боялись растерять только-что накупленную жестяную посуду и судорожно поддерживали ее руками и локтями.

Послѣ безконечнаго переѣзда мы остановились наконецъ посреди улицы у какихъ-то желтыхъ воротъ, за которыми виднѣлись мачты пароходовъ. Далеко не всѣ эмигранты были перевезены. Еще нѣсколько часовъ подъ рядъ рыдваны ежеминутно подвозили ихъ. Потомъ наконецъ медленно стали подъѣзжать фуры съ поклажей, изъ которыхъ все выбрасывалось прямо на улицу. Такимъ образомъ я увидала въ воздухѣ мой нессесеръ, а за нимъ и остальныя вещи. Какой-то нѣмецъ, довольно-таки подозрительный на видъ, помогъ мнѣ оттащить ихъ въ сторону.

---

*) Возьмите же съ собою дѣвчонку.

— Если хотите, я снесу вамъ ихъ и на пароходъ, сказалъ онъ:— скоро уже будетъ первый звонокъ.

— Отлично, пожалуйста, снесите!

— У-у-у, какой холодъ! продолжалъ онъ.— Есть ли у васъ съ собою вино? Если нѣтъ, совѣтую вамъ купить, иначе на пароходѣ промерзнете до костей. Вотъ тутъ вблизи есть и лавочка.

Вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ такъ и пронизывалъ. Старомодное дешевое пальто, купленное въ Дрезденѣ, совсѣмъ не грѣло; поэтому я тотчасъ приняла его совѣтъ.

— Какое множество эмигрантовъ! Сколько ихъ здѣсь можетъ быть?

— Человѣкъ семьсотъ, если не больше. «Цимбрія» вѣдь большой пароходъ. А на счетъ «Истріи» вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ. А что?

— Та еще больше была, до 800 нагружала; да вотъ ушла въ Америку и такъ и не дошла. Третью недѣлю ничего не слыхать о ней. Вѣроятно, потонула... Наконецъ-то и ворота открываютъ.

И опять толпа пришла въ состояніе безумія. Каждый старался первымъ протиснуться впередъ. Голоса полицейскихъ, крики женщинъ,— все заглушалось въ общемъ шумѣ. Но на этотъ разъ я держалась совершенно въ сторонѣ отъ общей толчеи.

— Тамъ навѣрно не одного задавятъ! воскликнула я.

— Да бываетъ и это! И чего они прутъ какъ съумасшедшіе. Пароходъ вѣдь безъ нихъ все равно не уйдетъ!

Какъ только стало свободнѣе, мы также начали понемногу пробираться впередъ, и мой провожатый немедленно самъ сдѣлался похожъ на какого-то разъяреннаго звѣря, толкалъ и проклиналъ всѣхъ, кто бы ни попадался ему на дорогѣ.

Установивъ мои вещи на палубѣ одного изъ небольшихъ пароходовъ, перевозившихъ эмигрантовъ на «Цимбрію», я расплатилась съ нимъ. Весело улыбаясь, протянулъ онъ мнѣ свою грязную руку. «Atie, Mamselchen, Atie!»

Когда онъ исчезъ въ толпѣ, я вспомнила, что у него въ карманѣ такъ и осталась моя бутылка мадеры, а вѣтеръ усиливался: я дрожала отъ холода.

Было часа четыре, когда раздался наконецъ свистокъ, и, мы, отчаливъ отъ берега, пустились внизъ по Эльбѣ въ открытое море.

Въ шесть мы причалили къ «Цимбріи». Нашъ пароходикъ былъ послѣдній, главная толкотня уже улеглась; почти всѣ эмигранты были на своихъ мѣстахъ. Впускали по одиночкѣ и тотчасъ распредѣляли: холостыхъ въ одно отдѣленіе, дѣвушекъ — въ другое, семейныхъ — въ третье.

— Sind Sie ledig? *) — грубо спросилъ меня офицеръ, отбиравшій билеты. — Да, ну, тогда маршъ, первая лѣстница налѣво въ самый низъ.

По крутой лѣстницѣ спустилась я внизъ ступенекъ 15 и очутилась въ огромномъ мрачномъ помѣщеніи. Не смотря на низкій потолокъ, нары здѣсь тянулись въ два ряда однѣ надъ другими; первыя приходились непосредственно на полу. Все помѣщеніе было уже переполнено эмигрантами; съ крикомъ и бранью устраивались они, ползая на четверенькахъ по своимъ мѣстамъ. Узкіе проходы были завалены вещами.

«Вотъ онъ знаменитый Zwischendeck!» содрогаясь подумала я.

— Что ты тутъ торчишь на самой дорогѣ? крикнулъ на меня кто-то, толкнувъ въ спину мѣшкомъ.

Я спустилась ниже. Это было отдѣленіе для дѣвушекъ, приходившееся уже ниже уровня воды и едва освѣщенное тусклыми фонарями. Спертый воздухъ былъ невыносимъ. Что-то мягкое пробѣжало по моей ногѣ. Я громко вскрикнула. Ужъ не крыса ли? Такъ и есть! Вотъ-вотъ она пробралась на сосѣднюю койку и скрылась въ темнотѣ.

— Ну, здѣсь я не останусь ни за какія сокровища въ мірѣ!

---

*) Вы не замужняя.

И, дрожа отъ ужаса, вернулась я назадъ въ верхнее отдѣленіе и, лазая по мѣшкамъ и кулькамъ, начала искать себѣ мѣсто.

«Только бы не на полу!» и къ моей великой радости мнѣ удалось найти пустую койку въ верхнемъ ряду, да притомъ еще у самаго прохода по сосѣдству съ окошкомъ. Я тотчасъ бросила на нее свою шляпу и поспѣшно, хотя и съ большимъ трудомъ, перетащила въ нее мой тяжелый плэдъ, наполненный книгами, и дорожный нессесеръ съ утюгомъ.

Не смотря на тяжелый воздухъ, я была рада прилечь. Съ пяти часовъ утра была я вѣдь на ногахъ и притомъ безъ всякой пищи. Но ѣсть мнѣ не хотѣлось.

— Главное бы согрѣться!

И, щелкая зубами, я куталась въ пальто.

Черезъ нѣсколько времени наверху поднялось какое-то особенное движеніе. Глухо загремѣли цѣпи, громко заревѣла сирена. Потомъ раздался стукъ машины, зашумѣли колеса, забурлила вода,—мы двинулись въ путь!

Эмигранты пришли въ неописанный восторгъ. Многіе побѣжали наверхъ взглянуть на удаляющійся берегъ; другіе громко хохотали, пожимая другъ другу руки. Только женщины молчали. Нѣкоторыя, понуривъ голову, какъ-то тупо смотрѣли передъ собою. Между тѣмъ стемнѣло. Матросы зажгли фонари и позвонили къ ужину.

Опять поднялась суета, но на этотъ разъ уже безъ брани. Всѣ были въ духѣ, и какъ голодны! Съ 11 ч. утра ничего вѣдь не ѣли. Всѣмъ присутствующимъ было велѣно раздѣлиться на группы, по 10 человѣкъ; каждой такой группѣ выдали билетъ, съ которымъ эмигранты по очереди должны были ходить на кухню за полученіемъ пайка.

Въ мою группу вошло цѣлое нѣмецкое семейство, состоявшее изъ пяти человѣкъ (оно помѣщалось какъ разъ противъ меня, вдоль прохода), потомъ толстая нѣмка съ братомъ и добродушный старикъ со своею женою, койки которыхъ приходились у моихъ ногъ. Случайно меня приняли за ихъ внучку, и такимъ образомъ мое мѣсто въ семейномъ отдѣленіи было совершенно обезпечено. Въ этотъ вечеръ старикъ взялъ на себя обязанность идти въ кухню. И какова же была радость окружающихъ, когда черезъ нѣсколько времени онъ притащилъ съ собою два полныхъ жестяныхъ ведра—одно съ супомъ, другое съ мясомъ.

— Еще и колбасу даютъ, крикнулъ онъ:—и хлѣба чернаго сколько угодно!

То-то поднялся пиръ! Веселые возгласы и прибаутки слышались отовсюду; новая жестяная посуда такъ и гремѣла. Всѣ ѣли за троихъ. Ежеминутно опускались грязныя руки въ ведра съ мясомъ и вытащенные жирные куски разрыва-

лись на части пальцами и быстро съ наслажденіемъ поглощались.

Вѣтеръ между тѣмъ все усиливался, волны съ шумомъ разбивались о круглыя окошечки, но никто не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія; начавшаяся качка даже смѣшила всѣхъ. Приходилось ловить катившіеся съ тарелокъ куски колбасы или поспѣшно стряхивать расплесканный на колѣни супъ. Припасенная въ дорогу водка еще больше способствовала общему оживленію.

Одна только я лежала подъ своимъ пальто. Ознобъ перешелъ въ лихорадку; нестерпимо жесткимъ казался мнѣ тощій, едва набитый сѣномъ тюфякъ, громко стучала какъ разъ надъ моею головою какая-то машина на палубѣ. Отъ внутренняго жара во рту пересохло, губы растрескались.

Хоть бы каплю воды!

Никто изъ окружающихъ не обращалъ на меня вниманія. Шелъ пиръ горой. Увы! Онъ длился недолго: ночью разыгралась буря, и смѣхъ перешелъ въ слезы, веселый говоръ — въ вопли и стоны. Морская болѣзнь разразилась съ страшной силой. Въ нашемъ отдѣленіи находилось болѣе двухсотъ человѣкъ... Но лучше обойти молчаніемъ весь ужасъ этого отвратительнаго зрѣлища, при воспоминаніи о которомъ у меня до сихъ поръ кровь стынетъ въ жилахъ.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, спустилась я со своей койки.

— Прочь, прочь, во что бы то ни стало прочь отсюда: туда, наверхъ, на палубу!

И, судорожно хватаясь за скользкія желѣзныя перекладины, чтобы не упасть въ то мягкое, ужасное, куда ежеминутно ступали ноги — пробралась я къ выходнымъ дверямъ.

Онѣ были заперты.

«Значитъ, если корабль потонетъ, то и свѣжаго воздуха не придется хлебнуть на прощанье?»

Не помню ужъ, право, какъ вернулась я назадъ, какъ влѣзла на свою койку. Лихорадка достигла своего апогея, я горѣла, какъ въ огнѣ, и все же ознобъ при каждомъ движеніи пробѣгалъ по нестерпимо ноющимъ членамъ; мысли въ головѣ начинали путаться... а кругомъ все стонало, кричало, болѣло, проклятія смѣнялись богохульствомъ. «Цимбрію», повидимому, бросало какъ щепку въ разъяренныхъ волнахъ. Ни одной секунды покоя въ эту безконечную ночь! Не переставая, колотилась я о края своей койки.

— Ахъ, Боже мой! Хоть бы голову не такъ теребило! До сумасшествія вѣдь болитъ она! А этотъ стукъ машины наверху? Да онъ уже не наверху, онъ въ моихъ мозгахъ.

— Это одна изъ средневѣковыхъ пытокъ! — слышу я вдругъ голосъ Ляли. — Но скажи, по-

жалуйста, зачѣмъ ты съ мужиками ѣдешь? Вѣдь тетя увидитъ и разсердится!

Мнѣ дѣлается страшно, невыносимо страшно. «Ну, что если въ самомъ дѣлѣ она увидитъ?»

И вдругъ я чувствую: она приближается ко мнѣ. Пріятно шуршитъ невидимый шелкъ ея юбокъ; но удивительно, отчего не слышу я знакомый запахъ ея духовъ?

— Опять эта Лулу больна!—нетерпѣливо говоритъ она, дотрогиваясь рукой до моего лба: толстый браслетъ пріятно холодитъ мнѣ високъ.

Но вдругъ мамà со всей силы отбрасываетъ мою голову.

— Пошлите за докторомъ и велите здѣсь покурить: вѣдь ужасъ, что за запахъ; я не могу понять, что это такое!

— Помилуйте,—говоритъ Софья съ неслыханною дерзостью: — чѣмъ же дурно пахнетъ? Это настоящее рагу!

И Софья подноситъ мамà къ самому лицу огромную миску. Мамà быстро отскакиваетъ.

— Скажите повару, что это гадость! чтобы онъ не смѣлъ неглижировать!

— Гадость?—Насмѣшливо повторяетъ Софья.— Точно поваръ не знаетъ своего дѣла! Изъ самой свѣжей морской болѣзни сварено и какъ вкусно!

И вдругъ все смѣшивается, что-то трещитъ, мы наѣзжаемъ на подводный камень.

— Ну, кончено! Ахъ, какъ кричатъ эмигран-

ты, и зачѣмъ они такъ толкаютъ меня? Ой, вода, вода,—сейчасъ мы потонемъ; вотъ она наполняетъ мнѣ ротъ! И какая противная, гадкая вода!

И, открывъ глаза, я едва имѣю время перегнуться черезъ край койки.

— Боюсь, брусничная вода не надѣлала бъ вамъ вреда,—говоритъ мнѣ Лоло, со всей силы бросая мою голову назадъ на подушку.—А все-таки ты настоящая Сильфида съ золотыми кудрями. Скажи мнѣ только, гдѣ ты танцовала, что у тебя такія мокрыя ножки?

— Въ третьемъ классѣ,—говорю я.

«Сильфида въ третьемъ классѣ!»

И это сопоставленіе кажется мнѣ такъ комично, что я громко смѣюсь. Вдругъ нашъ маленькій домашній докторъ хватаетъ меня за талью и сажаетъ на качели.

— Раа-гу! Раа-гу! Раа-гу! — приговариваетъ онъ, раскачивая меня такъ сильно, что я стукаюсь о стѣны столовой, о потолокъ, объ арку.

— Вѣдь вы же сами прописали мнѣ покой,— говорю я:—зачѣмъ же вы такъ не логично поступаете?

— Развѣ женщина имѣетъ право говорить о логичности?—отвѣчаетъ онъ съ отвратительной гримасой, и что-то сѣрое течетъ изъ его рта.

— Раа-гу, раа-гу, раа-гу,—продолжаетъ онъ, отплевываясь.—А если это вамъ не нравится,

то можно и въ другую сторону: — гу-у-ра, гуу-ра, гуу-ра!

— Докторъ, — говорю я, падая передъ нимъ на колѣни: — умоляю васъ, оставьте меня въ покоѣ!

И слова мои такъ убѣдительны, что понемногу онъ останавливаетъ качели.

— Мышенокъ, не видавшій свѣта, попалъ въ бѣду,—шепчетъ онъ мнѣ таинственно:—и если бы не я, ты погибла бы на «Истріи», что̀ лежитъ теперь подъ самой Исландіей!

— Какъ пріятно, что онъ ушелъ, по крайней мѣрѣ, можно тихо лежать, но зачѣмъ же Василій ввинчиваетъ мнѣ штопоръ въ голову? И не только въ голову, но даже и въ легкое? Ой, какъ больно! Василій, слышишь, мнѣ больно!

— Alles'raus, alles'raus! *) — слышу я вдругъ чей-то оглушительный голосъ и, открывъ глаза, вижу передъ собою огромнаго страшнаго матроса, со всей силы толкающаго меня въ бокъ.

— Du! mach dass Du schneller von dannen kommst! **)—говоритъ онъ, грозя мнѣ кулакомъ.

— Господи! Гдѣ я? Что это такое?

И сразу дѣйствительность становится мнѣ ясна.

Я осматриваюсь кругомъ. Уже свѣтло. Сквозь круглое окошечко скользитъ лучъ солнца. Ко-

---

*) Всѣ наверхъ, всѣ наверхъ!

**) Ты! смотри убирайся скорѣе отсюда!

рабль почти совсѣмъ не качаетъ, — буря, значитъ, миновала. Эмигранты спѣшатъ наверхъ. Лица ихъ ужасны: блѣдныя, распухшія, у нѣкоторыхъ глаза все еще налиты кровью. Я чувствую себя немного лучше, но лихорадка далеко еще не прошла, вставать мнѣ не хочется; но опять слышится грозный голосъ матроса: «alles'raus, alles'raus!», и поспѣшно, кое-какъ поправивъ свой туалетъ, спускаюсь я на полъ; приходится идти по ужаснымъ слѣдамъ вчерашней болѣзни. У самой лѣстницы я попадаю въ длинный хвостъ: докторъ съ помощью двухъ фельдшеровъ прививаетъ по очереди всѣмъ оспу. Надо раздѣваться при всѣхъ и подставлять руку подъ его грязные инструменты. «Ни за что на свѣтѣ!» И когда, послѣ безконечнаго ожиданія, настаетъ моя очередь, я чувствую, какъ лицо мое принимаетъ то тупое, упрямое выраженіе, при видѣ котораго у каждаго пропадаетъ охота спорить со мною.

— Оспа у меня привита,—говорю я ледянымъ тономъ:—раздѣваться я не буду; прошу пропустить меня.

Фельдшера хотятъ протестовать, но я смотрю на нихъ стеклянными глазами и не шевелюсь.

— Ну, что тутъ еще время терять! — грубо кричитъ докторъ.—Оставьте ее! Lasst schon gut sein!

И желѣзная дверка раскрывается передо мною.

Какъ пріятно на палубѣ сидѣть спиною ко всѣмъ моимъ грубымъ спутникамъ и смотрѣть въ даль голубого моря! Какъ чудно дышется свѣжимъ воздухомъ! Волненіе еще не совсѣмъ улеглось; на небѣ много тучъ, но вѣтеръ гонитъ ихъ съ неимовѣрною быстротою; минутами набѣгаютъ онѣ на солнце; освѣщеніе мѣняется ежесекундно. Что за удивительные эффекты! Что за красота въ природѣ!

Къ сожалѣнію, я не могу долго оставаться наверху. Лихорадка усиливается, голова кружится, я чувствую себя очень дурно, мнѣ необходимо лечь, и, еле-еле живая, плетусь я опять внизъ.

Тамъ все вычищено и дезинфецировано. Воздухъ пропитанъ хлорной известью, но какъ ни противенъ самъ по себѣ этотъ запахъ, онъ все же лучше вчерашняго зловонія. Я лѣзу на свою койку: мнѣ, главное, хочется поскорѣе обтереться одеколономъ... но увы! Въ моемъ нессесерѣ все разбито: въ Гамбургѣ вѣдь выбросили его на мостовую изъ фургона.

«Что теперь дѣлать?!»

Покачивая головой, смотрю я на разбитые флаконы — все розлито, все испорчено! Мыло и то невозможно взять въ руки: оно усѣяно кусочками стекла.

Надъ головой моей неустанно шумитъ машина, а эмигранты, повидимому, совершенно за-

бывъ недавнія страданія, снова съ жадностью бросаются на ведра съ ѣдою.

Морская болѣзнь въ общемъ уже не повторялась; волненіе на морѣ понемногу улеглось, и погода въ продолженіе всего нашего переѣзда стояла хорошая. Отдѣлавшись отъ лихорадки, вызванной прививкой оспы, эмигранты стали чувствовать себя прекрасно и зажили припѣваючи. Порядокъ на «Цимбріи» былъ образцовый. Все шло съ нѣмецкой пунктуальностью. Ровно въ 5 часовъ утра начиналась раздача селедокъ и чернаго хлѣба. Въ 6 слышалось обычное: alles'raus! Въ 8 пили кофе, который приносился въ тѣхъ же жирныхъ, едва сполоснутыхъ ведрахъ. Въ 12 обѣдали, въ 4 опять пили кофе, въ 7 ужинали. На своихъ койкахъ эмигранты устроились по-возможности удобно. У многихъ были съ собою перины и постельныя принадлежности, и, приколотивъ къ койкамъ пестрыя занавѣски, они могли на ночь совершенно раздѣваться. Днемъ все высыпало на палубу. Мужчины разговаривали между собою, не выпуская изо рта своихъ трубокъ, женщины вязали чулки. Большинство эмигрантовъ были нѣмцы. Многіе изъ нихъ, въ особенности молодые парни, хвастались своимъ безвѣріемъ и смѣшили другъ друга богохульными рѣчами. Съ цинизмомъ отбрасывали они маленькія евангелія, которыя даромъ раздавались членами евангелическаго союза.

Изъ другихъ національностей я замѣтила еще цѣлую партію венгерцевъ и нѣсколько русскихъ евреевъ.

Пассажировъ первыхъ двухъ классовъ намъ приходилось видѣть только издали. Они выходили иногда на высокій средній мостикъ и смотрѣли на насъ внизъ въ лорнеты и бинокли. На нашей палубѣ стояли большія клѣтки, гдѣ для ихъ стола откармливалось множество куръ, гусей, индѣекъ и утокъ. Немного дальше находились стойла для коровъ; молоко также предназначалось исключительно для двухъ первыхъ классовъ.

Кормили пассажировъ очень хорошо; ихъ обѣды и завтраки состояли изъ семи, восьми блюдъ. «Цимбрія» вмѣщала въ себѣ до 800 человѣкъ, и можно себѣ представить, сколько надо было имѣть съ собою быковъ, рыбы, муки, крупъ и всякой другой провизіи, чтобы прокормить такое множество людей впродолженіи 12 дней! А сколько поваровъ, мясниковъ, пекарей и прислуги таилось въ ея нѣдрахъ!

Между тѣмъ какъ жизнь на пароходѣ шла своимъ чередомъ, я долго еще маялась въ лихорадкѣ на своей жесткой койкѣ. Не будучи въ силахъ таскать ведра, я должна была отказаться отъ участія въ группѣ, и ѣды мнѣ не полагалось никакой. Никто изъ окружающихъ не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія,

только старый нѣмецъ аккуратно каждое утро въ 5 часовъ дергалъ меня за ногу:

— Hörst du, willst du Häring! *).

И это было единственное, что онъ предлагалъ мнѣ. Нельзя описать никакими словами того голода и жажды, которые я испытывала, выздоравливая. Къ счастью, нашъ страшный матросъ согласился приносить мнѣ ежедневно бутылку сельтерской воды и двѣ маленькія булочки. Онъ бралъ за это 75 пфенниговъ, и больше я не могла позволить себѣ ничего. Денегъ у меня оставалось всего 160 рублей, и я должна была беречь ихъ для Америки. Кто знаетъ, какъ долго могла я прожить тамъ безъ всякаго заработка?

Мой планъ былъ слѣдующій: по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ, остановиться въ дешевой гостинницѣ и тотчасъ искать себѣ мѣсто горничной. Недѣли черезъ три я могла имѣть отвѣтъ отъ Мымзи и тогда, соединившись съ Лаурой и Ольгой, разработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Время на «Цимбріи» тянулось невообразимо долго; къ тому же положеніе, въ которомъ я находилась, было ужасно. Моя единственная туалетная принадлежность состояла изъ осколка гребенки, которымъ я съ трудомъ причесывала волосы. Неумытая, заростала я чернымъ слоемъ грязи. Бѣлье на мнѣ гнило: ночью я спала одѣ-

---

*) Слышь, хочешь селедки?

На «Цимбріи».

тая, и испарина послѣ лихорадки была сильная. Даже башмаки я боялась снимать. Различныя маленькія насѣкомыя, при видѣ которыхъ я упала бы въ обморокъ въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе населяли мою койку. Вызванныя голодомъ спазмы въ желудкѣ не давали ни минуты покоя. Но всѣ эти страданія я переносила съ величайшимъ равнодушіемъ, постоянно думая о томъ, что каждый прожитый часъ, каждая минута даже приближаютъ меня къ желаемой цѣли.

Погруженная въ думы, сидѣла я цѣлыми днями на палубѣ, переживая то нравственное состояніе, которое, вѣроятно, знакомо всѣмъ, совершавшимъ длинныя морскія путешествія въ незнакомый еще край. Будущее лежитъ въ невѣдомой дали, и мысль, утомленная однообразіемъ настоящаго, невольно сосредоточивается на прошломъ. Вся жизнь ярко и послѣдовательно, какъ въ панорамѣ, проходитъ въ памяти. Желаніе высказаться кому нибудь становится непобѣдимо. Я видѣла самыхъ грубыхъ нѣмцевъ, которые выкладывали другъ другу всю свою душу. Большею частью это происходило вечеромъ. Ночи были темныя, только звѣзды ярко горѣли на небѣ, и тогда-то и начинались всевозможныя исповѣди. Ко мнѣ также подошелъ разъ одинъ молодой австріецъ и, едва спросивъ, понимаю ли я его, разсказалъ мнѣ до мельчайшихъ подробно-

стей все свое прошлое. Я узнала его интимнѣйшія чувства, его сокровеннѣйшія мечты. Поглядывала и я не разъ по сторонамъ, кому бы высказать все то, что̀ радовало и тревожило меня до сихъ поръ.

Насталъ девятый день нашего путешествія, погода стояла великолѣпная, море принимало совершенно южные оттѣнки. Было часовъ пять. Я сидѣла на палубѣ, просматривая въ своей тетрадкѣ различныя, выписанныя изъ книгъ, мысли и изреченія:

«Первое условіе для того, чтобы совершить что нибудь великое и разумное, это отказаться отъ общественнаго мнѣнія».

Гегель.

«Нравственности нѣтъ безъ идей, и всякое нравственное дѣйствіе нравственно лишь какъ выраженіе идей».

Его же.

Alea jacta est

«Jastea est alea» *).

Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

«Люди необходимо должны начать съ сомнѣнія, чтобы дойти до терпимости».

Спенсеръ.

«Vivre sa vraie vie, sentir son vrai moi!»

Paul Bourget.

---

*) Жребій брошенъ.

«Свѣтлая благодать познанія!»

Изъ молебна Богородицѣ.

«Кто не смѣетъ освободиться, тотъ достоинъ своихъ оковъ!»

Ла-Роше.

Но недолго пришлось мнѣ читать. Радостные, восторженные клики огласили вдругъ воздухъ.

Да что же это такое?.. На горизонтѣ въ изумрудныхъ волнахъ виднѣлся пароходъ! Я быстро вскочила на ноги и вмѣстѣ со всѣми бросилась къ лѣвому борту. Нѣмцы стали неузнаваемы, суровыя лица ихъ сіяли счастьемъ, глаза блестѣли. Не слушая другъ друга, всѣ говорили сразу, не спуская глазъ съ парохода. Онъ подходилъ все ближе и ближе. Отъ ожиданія захватывало духъ.

— Это такой же большой пароходъ, какъ и нашъ! кричала я громко по-русски.—Онъ идетъ быстро подъ парусами, попутный вѣтеръ ловко гонитъ его... Онъ пройдетъ мимо насъ въ двухъ стахъ шагахъ, не дальше... И какое движеніе на немъ... Также на насъ смотрятъ... Какъ онъ красивъ, этотъ корабль, среди моря!

И въ ту минуту, когда пароходъ поровнялся съ нами, безумное «урра!» огласило воздухъ. Мужчины махали шляпами; женщины платками. Намъ отвѣчали тѣмъ же, и мы опять кричали и махали. Всѣ были внѣ себя. Какія-то братскія,

добрыя чувства проснулись во всѣхъ и, когда пароходъ давно уже исчезъ вдали, долго еще слышался добродушный говоръ и искренній смѣхъ.

— Et toi, as-tu enlevé ton chapeau?» *) послышался рядомъ со мною чей-то женскій голосъ.

Трудно представить себѣ, какое удовольствіе доставила мнѣ эта французская рѣчь. Я быстро оглянулась. Пожилая дама шутливо дергала за рукавъ стараго француза:

— Et ben, non! ce n'est pas pour si peu de choses, que je me dérange, ma foi!

— Mais ce n'est pas si peu de choses que de voir des gens comme nous autres au milieu de cette immence mer!

— Des gens comme nous autres! hm! et ben je me fiche de tes gens!

— O vieux fou—va! N'est, ce pas mademoiselle, vous d'êtes pas de son avis? **)—улыбаясь, обратилась она вдругъ ко мнѣ.

---

*) — А ты скинулъ шляпу?

**) — И не думалъ! стану я безпокоиться изъ-за такихъ пустяковъ!

— Помилуй, развѣ это пустяки: встрѣтить такихъ же людей, какъ мы, среди этого необозримаго моря?

— Наплевать мнѣ на твоихъ людей, вотъ что!

— Да ну тебя, старый шутникъ! Неправда ли, вы не раздѣляете его мнѣнія?

О, съ какимъ удовольствіемъ вступила я съ ней въ разговоръ! Съ самаго Дрездена приходилось вѣдь герметически молчать.

Мои спутники — m-r и m-me Giroud — оказались американскими фермерами, эмигрировавшими изъ Швейцаріи уже 30 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ они не разъ возвращались въ Европу навѣщать своихъ родственниковъ и имѣли большой опытъ при этихъ переѣздахъ.

— У насъ съ собою провизія, постельныя принадлежности, умывальникъ,—однимъ словомъ все, все необходимое. Но скажите, пожалуйста, какъ же вы устроились, chère enfant,—говорила m-me Жиру:—вѣдь не можетъ быть, чтобы вы ѣли cette mangaille de cochon *), которую раздаютъ эмигрантамъ.

Чтобы не возбуждать жалости, я тщательно скрыла правду.

— О, нѣтъ, конечно! Матросъ приноситъ мнѣ по утрамъ все необходимое.

— Но все же вы не откажетесь зайти теперь ко мнѣ выпить кофе. У насъ очень хорошій съ собою, и мой старикъ отлично научился варить его.

— Благодарю васъ: право, мнѣ теперь что-то не хочется!—отвѣчала я, краснѣя.

Но m-me Жиру и слушать не хотѣла. Я должна была идти съ нею внизъ.

---

*) Свиное мѣсиво.

Развѣ можно когда нибудь забыть ту чашку горячаго, вкуснаго кофе, которымъ она угостила меня!

Вечеромъ при звѣздахъ я разсказала m-me Жиру свою жизнь, и послѣдніе три дня я уже больше не разставалась съ ней.

— Какъ жаль, что мы раньше не встрѣтились, сказала я: — вѣдь тутъ можно умереть съ тоски на этомъ ужасномъ пароходѣ.

— Да, мы уже давно смотримъ на васъ издали: но могли ли мы предполагать, что вы ѣдете одна. Вѣдь это неслыханная вещь: seule une eufant parmis ces brûtes! *).

И доброй m-me Жиру, во что бы то ни стало, хотѣлось побаловать меня. Она подарила мнѣ большой, красивый тортъ, который также никогда не изгладится изъ моей памяти. Онъ былъ сдѣланъ изъ тяжелаго, плотнаго тѣста, и я не рѣшалась много ѣсть сразу. Но за то безпрестанно сбѣгала я съ палубы внизъ, чтобы отщипнуть хоть кусочекъ и насладиться имъ.

Старый нѣмецъ смотрѣлъ на меня, улыбаясь.

— Schmeckt es Dir, Mädel? **).

— Ja-wohl! отвѣчала я весело.

Каково же было мое отчаяніе, когда разъ я нашла его въ своей койкѣ. Онъ съ аппетитомъ, сидя на корточкахъ, ѣлъ мой тортъ и запивалъ изъ бутылки сельтерской водой. Онъ радостно

---

*) Одна среди этихъ дикарей!

**) Что, вкусно, дѣвочка?

кивнулъ мнѣ головою: «Nein das schmeckt ja wahrhaftig wunderbar!» *).

На 12-й день къ вечеру на горизонтѣ показалась едва замѣтная темная полоска: — «Land, Land!..» **). Это была Америка. Безумный восторгъ охватилъ всѣ сердца. Погода была великолѣпная, солнце большимъ огненнымъ шаромъ медленно опускалось въ море.

Въ 4 часа утра машина надъ моей головой остановилась. «Цимбрія» стала на якорь, и вскорѣ подъѣхалъ къ намъ пароходикъ съ американскими чиновниками и докторами для медицинскаго осмотра. Всѣ оказались здоровыми, и мы снова могли двинуться въ путь.

Въ 6 часовъ утра, облитый лучами солнца, панорамой развернулся передъ нами Нью-Іоркъ. Граціозной легкой аркой высоко - высоко надъ голубыми волнами рисовался вдали волшебный Бруклинскій мостъ.

M-me Жиру сердечно обняла меня на прощанье.

— Вотъ вамъ мой адресъ, сказала она: — убѣдительно прошу васъ написать мнѣ, какъ вы устроились, и да хранитъ васъ Господь Богъ, дитя мое!

Непосредственно съ парохода всѣ эмигранты были переведены въ огромный сарай, гдѣ долженъ былъ производиться таможенный осмотръ

---

*) Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, до чего вкусно!

**) Земля, земля!

вещей. Какъ безконечно долго длился этотъ осмотръ! Сидя на своемъ сундукѣ, прислушивалась я къ разговорамъ окружающихъ. Говорили, между прочимъ, о томъ, что по случаю чрезмѣрнаго наплыва людей въ Америку, изданы строгіе законы относительно эмигрантовъ. Каждый вновь прибывающій долженъ имѣть не менѣе 100 долларовъ, иначе его немедленно отправляютъ назадъ въ Европу, равно какъ всѣхъ слабосильныхъ и старыхъ.

— Ну, вдругъ это все правда? Что тогда?

Послѣ осмотра вещей открылись боковыя двери, и эмигрантовъ стали выпускать по очереди. Чиновникъ у желѣзной рѣшетки въ синей фуражкѣ съ золотой кокардой что-то спрашивалъ ихъ и записывалъ отвѣты въ большую книгу.

«Ну, такъ и есть»,—думала я съ тоскою: — «быть мнѣ завтра на «Цимбріи!»

Но дѣло, слава Богу, обошлось благополучно.

Мнѣ пришлось отвѣтить на слѣдующіе вопросы: трудоспособна ли я, какое ищу занятіе, сколько мнѣ лѣтъ отъ роду и каковы мое званіе, имя и фамилія.

— Отлично! сказалъ чиновникъ, дописывая мой послѣдній отвѣтъ.

«Ну, подумала я: — сейчасъ я окунусь въ этотъ огромный многомилліонный городъ. О, Господи, помоги мнѣ!»

И рѣшетка открылась передо мною.

XIII.

Чиновникъ помогъ мнѣ пронести вещи. Взявъ въ руки мой плэдъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Идите за мною, а сундукъ послѣ возьмутъ.

Пройдя сѣни, мы очутились въ большой, наполненной табачнымъ дымомъ, комнатѣ, на дверяхъ которой крупными буквами стояла надпись: «контора». Въ эту минуту въ ней находилось только два служащихъ, которые оба сидѣли на высокихъ стульяхъ, разложивъ ноги на свои отлогія бюро.

— Когда придетъ пасторъ?

Одинъ изъ служащихъ флегматично вытащилъ часы изъ своего кармана.

— Черезъ часъ три четверти.

— Такъ вы его тутъ и дождитесь,— сказалъ мнѣ чиновникъ. — Онъ отведетъ васъ въ свою гостинницу и доставитъ вамъ мѣсто. А теперь до свиданія, всего хорошаго.

Время ожиданія тянулось безконечно. Служа-

щіе молча курили, съ улицы глухо доносились грохотъ экипажей и свистъ локомотива. Наконецъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ высокій старикъ въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ. Его сморщенное лицо съ большой бѣлой бородой выражало безконечную доброту.

— Sei willkommen, sei willkommen, liebes Kindchen!*). Ты навѣрно проголодалась и устала съ дороги, не правда ли? сказалъ онъ, ласково трепля меня по плечу.

Домъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, куда онъ повелъ меня, находился въ двухъ шагахъ отъ пристани.

На улицѣ я едва успѣла осмотрѣться. Движеніе, шумъ, говоръ—поразили меня.

Въ гостинницѣ отдѣльныхъ нумеровъ не полагалось. Во второмъ этажѣ были общія спальни для женщинъ, въ третьемъ — для мужчинъ. Со всѣхъ взималась та же плата, по одному доллару въ сутки съ ѣдою.

Въ обширной спальнѣ не было никакой мебели, кромѣ двуспальныхъ кроватей, на которыхъ полагалось спать вдвоемъ. Уборная находилась рядомъ, и первое, что я попросила,—это взять ванну. Мыться пришлось платяной щеткой...

Постояльцевъ, къ счастью, въ эту минуту оказалось въ гостиницѣ немного. Одна изъ ши-

---

*) Привѣтствую, привѣтствую тебя, милое дитя!

Гостиница, куда повелъ меня пасторъ...

рокихъ кроватей была въ моемъ полномъ распоряженіи. Послѣ всѣхъ пережитыхъ лишеній и тревогъ нервы мои теперь сразу упали. Усталая и разбитая, лежала я въ какомъ-то полузабытьи. Въ 7 часовъ позвонили къ ужину. Внизу въ столовой на двухъ длинныхъ столахъ были разставлены блюда съ жаренымъ мясомъ, овощами и черносливомъ. Кромѣ того, каждому полагалось по большой чашкѣ кофе. При видѣ ѣды я вся задрожала.

«Звѣрь проснулся во мнѣ!» думала я, не забывая, однако, ни на минуту, что послѣ долгаго голоданія надо возвращаться къ пищѣ понемногу. Объ этомъ я читала еще въ дѣтствѣ, въ какомъ-то романѣ Фенимора Купера. Но, не смотря на всю мою воздержность, ѣда легла камнемъ на желудокъ, нисколько не утоливъ чувства голода. Тотчасъ послѣ ужина я опять отправилась къ себѣ наверхъ и провела ночь въ какомъ-то свинцовомъ снѣ, граничившемъ съ обморокомъ. Весь слѣдующій день я пролежала въ кровати и вставала только, чтобы спускаться внизъ, въ столовую; на третьи сутки мнѣ стало наконецъ, гораздо лучше.

У пастора было въ виду хорошее мѣсто горничной для меня, за 8 долларовъ въ мѣсяцъ (20 р.). Я согласилась принять его и въ послѣдній день моей свободы собиралась хорошенько погулять по Нью-Іорку, о которомъ мы такъ

много читали съ Лаурой; но пасторъ не пустилъ меня.

— Nein, Kindchen, Du bleibst ganz ruhig zu Hause *). Къ чему тебѣ соваться въ этотъ водоворотъ!

И я осталась. Мнѣ надо было, правда, написать еще письмо мамà. Въ немъ я сообщала ей, что, случайно встрѣтившись въ Дрезденѣ съ гр. Линденъ, я приняла ея приглашеніе проѣхаться въ Америку... «Мнѣ очень весело и хорошо. Прошу васъ, милая мамà, не безпокойтесь обо мнѣ!»

Я писала въ большой общей залѣ. Пасторъ сидѣлъ у окна съ большой библіей въ рукахъ. Нѣсколько хорошенькихъ дѣтей играли въ прятки.

Peek-abou you rascal you,
Come from behiud the chair!
Peek-abou you rascal you,
I see you hiding there!

пѣли они.

Маленькій лысый лакей, который постоянно и обѣдалъ и сидѣлъ съ нами, просматривалъ газеты у стола.

Мирно шла жизнь въ нашей маленькой, чистенькой гостинницѣ. Вечеромъ я долго сидѣла на крылечкѣ и смотрѣла на волнующійся, какъ

*) Нѣтъ, дитя мое, ты совершенно спокойно останешься дома.

море, городъ. На высокихъ чугунныхъ мосткахъ вдоль улицъ ежеминутно съ грохотомъ проносились городскіе поѣзда въ два-три вагона; внизу подъ ними трубила конка, неслись экипажи, тянулись подводы. На высокихъ десятиэтажныхъ домахъ зажглись въ сумерки электрическія звѣзды: и не переставая кишѣлъ и толпился на улицѣ народъ.

Но мнѣ не было страшно въ этомъ чужомъ, огромномъ городѣ; рядомъ со мною сидѣлъ вѣдь старый, добрый пасторъ и говорилъ мнѣ о неисчерпаемой добротѣ и милосердіи Божіемъ.

На слѣдующее утро за мною пришелъ пожилой господинъ, чтобы отвезти меня къ своей дочери, у которой я должна была служить.

— Пожалуйста, берегите дѣвочку, сказалъ пасторъ.— А ты, Kindchen, если что-нибудь тебѣ понадобится, сейчасъ же обращайся ко мнѣ.

Я горячо поблагодарила его.

Вещи мои обѣщали прислать, и мы отправились налегкѣ въ конкѣ.

Небольшой красивый домъ, куда привезъ меня пожилой господинъ, находился въ одной изъ тихихъ и широкихъ улицъ города. Пройдя тщательно содержимый палисадникъ, мы у подъѣзда позвонили въ одинъ изъ трехъ звонковъ. Черезъ нѣсколько минутъ щелкнула какая-то пружина, тяжелая дверь отворилась сама собою, и мы поднялись въ третій этажъ по кра-

сивой лѣстницѣ, устланной мягкимъ, краснымъ ковромъ.

На площадкѣ насъ встрѣтила молодая женщина. Это была моя будущая хозяйка.

— Мнѣ надо сейчасъ ѣхать съ отцомъ по дѣлу, сказала она, пожимая мнѣ руку:—но наша прежняя горничная еще здѣсь и все покажетъ вамъ.

Горничная Минна, дочь нѣмецкихъ эмигрантовъ, была моихъ лѣтъ. Прежде всего она познакомила меня съ двумя хозяйскими дѣтьми, изъ которыхъ одному было два года, а другому—5 мѣсяцевъ; потомъ она повела меня осматривать устройство дома.

Внизу находился свѣтлый подвалъ съ асфальтовымъ поломъ, гдѣ держали топливо и куда спускался элеваторъ. Отсюда дверь шла въ небольшой садикъ, усѣянный цвѣтами, гдѣ на травѣ сушили бѣлье. Нарядная лѣстница съ красивымъ ковромъ была единственная, которая вела въ три квартиры, находящіяся въ домѣ. Каждая квартира состояла изъ 5 комнатъ, двери которыхъ непосредственно выходили на площадку. У моихъ хозяевъ была нарядная гостинная, которая, по американскому обычаю, отмыкалась только по воскресеньямъ, потомъ шли: спальня, столовая и дѣтская. Всюду были ковры и портьеры; въ комнатахъ царствовали прохлада и полумракъ; зеленыя ставни открывались только

вечеромъ. Кухня, обтянутая яркимъ линолеумомъ, казалась настоящей игрушкой. Въ уголку стояла машина для стирки бѣлья и валики для выжиманья. На стѣнахъ на бронзовыхъ гвоздикахъ висѣла эмальированная посуда, а на окнѣ въ красивой клѣткѣ, окруженная вьющимися растеніями, распѣвала канарейка.

Обязанности горничной состояли въ слѣдующемъ: вставъ въ 6 часовъ, надо было тотчасъ идти въ кухню приготовлять завтракъ. Въ половинѣ седьмого раздавался электрическій звонокъ. Это означало, что внизу, въ подвалѣ, принесли обычную провизію, которая поднималась наверхъ по элеватору. Послѣ этого на полку элеватора ставили ведро съ соромъ, которое пустое и чистое возвращалось черезъ нѣсколько минутъ назадъ вмѣстѣ съ большимъ кускомъ льда. Ледъ этотъ тотчасъ перекладывался въ шкапъ-ледникъ, гдѣ держали молоко, фрукты и разные прохладительные напитки. Кушанье варилось на газѣ. Стоило только отвернуть кранъ на плитѣ и поднести спичку къ рѣшеткѣ, какъ тотчасъ вспыхивало множество синихъ огоньковъ. Завтракъ состоялъ изъ какого-нибудь мясного блюда, овощей, фруктовъ и кофе. То же съ небольшими измѣненіями варилось къ обѣду (въ 11 ч.) и къ ужину (въ 7 ч.). Хозяинъ, красивый молодой американецъ, уходилъ на службу въ 8 часовъ, и тогда, убравъ вмѣстѣ съ хозяй-

кой комнаты, надо было играть съ дѣтьми. Къ вечеру, въ часъ возвращенія мужа, хозяйка одѣвала бѣлое платье и вынимала бигуди изъ волосъ. Отъ 8 до 10 ч. всѣ сидѣли мирно въ столовой у пылающаго камина и пили холодное пиво. Хозяинъ безъ сюртука, поднявъ высоко ноги на столъ, читалъ газету; хозяйка, молча, покачивалась въ качалкѣ. По субботамъ всѣ по очереди брали ванну, что̀, однако, никого не затрудняло, такъ какъ въ кранахъ была не только холодная, но и горячая вода. Хозяйка изрѣдка сама выводила гулять своихъ дѣтей и однообразіе жизни не нарушалось ничѣмъ. Провизія въ магазинахъ всегда заказывалась впередъ по запискѣ и выходить горничной на улицу позволялось только по воскресеньямъ отъ 6 до 8 час. и то не дальше палисадника.

— Недалеко отъ насъ кладбище, сказала Минна,—ты увидишь, какъ весело будетъ смотрѣть на похороны *).

Обращеніе моихъ господъ со мною и съ Минною было совершенно какъ съ равными; мы обѣдали вмѣстѣ за однимъ столомъ и раздѣляли всѣ интересы ихъ жизни; но, не смотря на это, пробывъ всего недѣлю въ этомъ тихомъ, чистомъ домѣ, я почувствовала себя рѣшительно не-

---

*) Въ Америкѣ гробъ ставятъ въ стеклянную колесницу и мчатъ по улицамъ.

способной жить въ горничныхъ. Полумракъ въ комнатахъ наводилъ на меня нестерпимую тоску, блѣдныя дѣти, въ особенности младшій, надъ которымъ Минна совершала постоянно какія-то таинственныя операціи, возбуждали во мнѣ отвращеніе. Въ кухнѣ я совсѣмъ терялась. Мясо подгорало на сковородѣ, молоко поднималось неожиданно шапкой надъ кастрюлей и проливалось на плиту. А тутъ еще Минна окончательно убивала меня.

— Kannst Du Fenster waschen? спрашивала она меня внушительно,—Kanst Du Strumpfe stopfen? Kannst Du Silber putzen? *).

Ахъ, ничего я не умѣла! И желаніе выбраться изъ этой темноты и скуки на воздухъ, на свѣтъ, охватило меня съ неудержимой силой.

Я рѣшила немедленно ѣхать къ Жиру и подыскать себѣ мѣсто работницы на фермѣ.

Хозяйка была рада моему отказу. Она уже и такъ посматривала на меня безнадежнымъ взглядомъ.

Старый пасторъ, которому меня опять сдали на руки, отнесся довольно снисходительно къ моему непостоянству и велѣлъ лакею отвезти меня на желѣзную дорогу.

Изъ окна третьяго класса, скамейки котораго

---

*) Умѣешь ли ты мыть окна? Умѣешь ли ты штопать чулки, чистить серебро?

были обиты краснымъ бархатомъ, смотрѣла я на огромное движеніе вокругъ себя. По рельсамъ, не переставая, двигались поѣзда. Колокола, подвѣшенные на локомотивахъ, звонили монотонно и гулко. Въ назначенный для отправленія часъ всѣ вагоны сразу наполнились пассажирами, и мы двинулись въ путь. Поѣздъ нашъ еще долго шелъ по многолюднымъ улицамъ Нью-Іорка, и множество пѣшеходовъ пользовались удобнымъ случаемъ, чтобы проѣхаться на площадкахъ и подножкахъ вагоновъ. Выѣхавъ изъ предѣловъ города, мы помчались съ неимовѣрною быстротою. Путь нашъ лежалъ вдоль Гудсоновой рѣки. Къ сожалѣнію, скоро наступившія сумерки помѣшали мнѣ любоваться красивыми видами. Интересно было проѣзжать по оживленнымъ городкамъ, ярко освѣщеннымъ электричествомъ. Шумъ, говоръ, движеніе вокругъ, и тотчасъ опять мы въѣзжали въ темноту и тишину ночи.

На слѣдующее утро, пересѣвъ на другой поѣздъ, я принялась за чтеніе. Мѣстность была скучна и однообразна, и пестрыя рекламы на заборахъ и деревьяхъ еще болѣе портили ее. У меня съ собою былъ томикъ Шекспира,—я углубилась въ чтеніе Гамлета. Ночью опять пришлось не только пересаживаться, но и ждать нѣсколько часовъ поѣзда. Станція состояла изъ огромнаго барака со скамейками вдоль стѣнъ; по срединѣ въ небольшой будкѣ продавались фрукты, остатки и

корки которыхъ бросали въ металлическіе сосуды, всюду разставленные на полу. Какъ только отошелъ поѣздъ и на станціи стало тихо, изо всѣхъ угловъ появились вдругъ огромныя крысы. Ихъ было нѣсколько десятковъ, они съ визгомъ, ставъ на заднія лапы, окружили сосуды и, выбравъ лучшіе куски, тащили ихъ къ себѣ въ норы. Многія грызлись, вырывая другъ у друга добычу. Всѣ присутствующіе относились къ нимъ совершенно равнодушно и потѣшались надъ моимъ ужасомъ. Я вскочила ногами на скамейку и оттуда на всякій случай махала зонтикомъ... Крысы, однако, послужили поводомъ къ знакомству и на разсвѣтѣ мы пошли съ одной изъ дамъ бродить по красивому городку, расположенному на берегу Ири. Утренній туманъ тянулся по зеркальной поверхности озера.

Въ тотъ день въ 10 ч. вечера я была уже въ Индіанополисѣ. Тратить деньги на гостинницу мнѣ не хотѣлось, и я рѣшилась провести ночь на станціи. Всю ночь пришлось сидѣть, такъ какъ скамейки въ Америкѣ раздѣляются на узкія мѣста. Время тянулось безконечно долго. Борясь со сномъ и голодомъ (купленная въ Нью-Іоркѣ провизія вся уже вышла), безпрестанно посматривала я на часы, стрѣлки которыхъ, казалось, не двигались; какъ только стало немного разсвѣтать, я снова принялась за Шекспира и, окончивъ Гамлета,

увидѣла, къ моему великому удовольствію, что было уже пять часовъ.

Сдавъ въ багажъ свои вещи и бросивъ безконечно завистливый взглядъ на буфетъ, гдѣ дымился уже горячій кофе, я вышла изъ вокзала на улицу. Было тихое, пасмурное утро, передо мною тянулась прямая, какъ стрѣла, улица; на право въ туманной дали красиво рисовалась готическая церковь.

Я пошла впередъ по еще мокрымъ тротуарамъ, разспрашивая рѣдкихъ встрѣчныхъ, куда идти на Prospect Street, 155; тамъ жили знакомые m-me Жиру, на имя которыхъ она просила писать ей. Домикъ ихъ оказался въ самомъ концѣ города, и ставни его были еще плотно заперты, когда я подошла къ нему. Постоявъ съ минуту въ раздумьи и не найдя колокольчика, я стала сперва тихо, а потомъ все громче и громче стучаться въ балконную дверь. Наконецъ, внутри послышались голоса, и въ одномъ изъ оконъ появилось взбѣшенное лицо старой француженки:

— Sàcré nom d'un chien, mais que diable vient faire ce tapage? *)

— Я желала бы спросить у васъ адресъ m-me Жиру, сказала я.

— Que diable! вы вѣдь видите, что въ домѣ спятъ. Кто же приходитъ ночью за адресомъ?

---

*) Чортъ побери, кто тамъ стучится?

— А когда же вы позволите придти?

Француженка проворчала себѣ что-то подъ носъ.

— Ну, черезъ часъ или два!

И съ шумомъ захлопнулось окно.

— Вотъ такъ злючка! А ну, если Жиру меня такъ же примутъ... Черезъ часъ или два! Извольте опять идти гулять!

Когда я снова вернулась къ француженкѣ, она приняла меня уже гораздо любезнѣе, попросила войти въ домъ, познакомила со своими дочерьми, и всѣ онѣ втроемъ принялись распрашивать меня, кто я, откуда. Но подъ видомъ оживленной болтовни мнѣ удалось отклонить всѣ отвѣты.

— И такъ, гдѣ живутъ Жиру и какъ попасть къ нимъ?

— Вамъ надо сѣсть на конку, которая идетъ за городъ, и доѣхать до South-road. Тамъ вы выйдете и дойдете до фермы пѣшкомъ.

Я поблагодарила ихъ и отправилась искать конку, которую мнѣ удалось найти послѣ множества распросовъ. Купивъ за 5 центовъ въ мелочной лавочкѣ ситнаго хлѣба и бережно держа его въ рукахъ, я влѣзла въ вагонъ, запряженный двумя мулами. Кондукторъ затрубилъ, и мы двинулись въ путь. Конка безпрестанно переполнялась молодыми дѣвушками, щебетавшими такъ скоро, что я едва могла понять ихъ. Вскорѣ мы выѣхали за городъ; по обѣимъ сторонамъ дороги

потянулись огороженныя легкими заборами маисовыя поля.

— South-road! крикнулъ кондукторъ.

Конка на минуту остановилась. Я поспѣшно выпрыгнула и долго почему-то смотрѣла ей вслѣдъ.

Не встрѣтивъ никого, прошла я должно быть версты двѣ по шоссе и наконецъ, къ великому моему удовольствію, увидѣла группу построекъ среди небольшой рощи.

— Ну, вотъ и жилье чье-то, славу Богу! Ужъ не мои ли это французы?

Подойдя ближе, я увидѣла какую-то женщину у крыльца и, поздоровавшись съ нею, спросила, не знаетъ ли она, гдѣ тутъ живутъ Жиру?

— Нѣтъ, сказала она, — я такой фамиліи и не слыхивала.

Я молча посмотрѣла на нее и пошла дальше. Солнце поднималось все выше, становилось невыносимо жарко.

— Одна, совсѣмъ одна, затерянная въ поляхъ Америки! — сказала я вслухъ, останавливаясь среди дороги и вытирая платкомъ мокрый лобъ.

Много верстъ пришлось мнѣ пройти еще и на фермахъ тщетно спрашивать о Жиру, здѣсь ихъ, повидимому, никто не зналъ.

«Спрошу еще того работника, который вонъ тамъ запрягаетъ лошадей,—подумала я, подходя снова къ одной фермѣ. — Ужъ если и этотъ не знаетъ, то право не знаю, что мнѣ и дѣлать!»

— Не слыхали ли вы, гдѣ тутъ живутъ Жиру?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — мы здѣсь такихъ не знаемъ. Кто они такіе?

— Швейцарскіе фермеры.

— Швейцарцы? Нѣтъ не знаю! Какъ вы ихъ называете?

— Жиру.

— Жиру? Нѣтъ... Тутъ верстахъ въ семи есть Джиродъ... только они французы.

— Ахъ Боже, да вѣдь это они и есть! — воскликнула я радостно.—Какъ же къ нимъ пройти?

— Да вотъ все прямо, еще верстъ пять, потомъ направо по лѣсной дорогѣ, и будетъ вторая ферма налѣво.

Я поблагодарила его и бодро пошла дальше. Мѣстность становилась все оживленнѣе. Все чаще и чаще попадались красивыя фермы и мелькали нарядные экипажи; сѣдоки ласково кивали мнѣ головой.

Проголодавшись, я сѣла на край шоссе и съ жадностью принялась за свой ситный хлѣбъ. Невдалекѣ отъ меня паслась огромная свинья, на которую я поглядывала искоса съ нѣкоторою боязнью.

— Пожалуйста, скажите мнѣ, — закричала я поровнявшемуся со мною всаднику:—далеко еще до фермы Джиродъ?

Онъ остановилъ лошадь.

— Не близко, во всякомъ случаѣ! Надо идти

по лѣсной дорогѣ, гдѣ заблудиться легко; жаль, что мнѣ не по пути, а то я проводилъ бы васъ.

— Благодарю васъ, я и сама дойду!

— Однѣмъ-то вамъ нельзя! Есть тутъ одна ферма, гдѣ презлыя собаки — разорвать могутъ. Ужъ все равно,—прибавилъ онъ, помолчавъ:— сдѣлаю крюкъ и провожу васъ.

— Очень вамъ благодарна, но зачѣмъ вамъ безпокоиться; право, я сама дойду!

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

И, пустивъ лошадь шагомъ, онъ сказалъ мнѣ слѣдовать за собою.

Черезъ нѣкоторое время мы свернули съ шоссе въ сторону и углубились въ лѣсъ.

— Вотъ здѣсь вамъ прохладнѣе будетъ, и дорога мягче,—сказалъ мой проводникъ.

Высота американскихъ деревьевъ и богатство растительности поразили меня.

Разговаривая о разныхъ разностяхъ и благополучно пройдя ферму со злыми собаками, мы незамѣтно добрались до цѣли моего путешествія.

— Перелѣзайте черезъ этотъ заборъ, тамъ за лужайкой увидите ферму. Поклонитесь отъ меня старой лэди и старому джентльмену.

— До свиданія,—сказала я:—отъ всей души благодарю васъ за вашу любезность!

Пройдя лужайку, я увидѣла совсѣмъ вблизи отъ себя различныя постройки. Сердце мое такъ и забилось; я остановилась: колѣни мои дрожали.

«Ну, что если они меня не примутъ? Господи, Господи, помоги мнѣ!»

И, перекрестившись, я пошла впередъ.

«Вотъ хорошенькій бѣлый домъ, весь обвитый виноградомъ, — вѣрно въ немъ они и живутъ!»

Подхожу... Дверь открыта, заглядываю въ нее: въ комнатѣ, которая, повидимому, служитъ столовой, сидитъ у окна, сгорбившись, старушка въ заплатанномъ черномъ платьѣ и чинитъ какіе-то мѣшки; шорохъ заставляетъ ее поднять голову; она съ невыразимымъ удивленіемъ смотритъ на меня.

— Здѣсь живетъ m-me Жиру?—спрашиваю я робко.

Она, молча, всматривается въ меня, и вдругъ мы сразу узнаемъ другъ друга.

— M-elle Hélène!

— Madame Giroud!

Старушка бросается ко мнѣ и крѣпко обнимаетъ меня.

— О, если бы вы знали, какъ я рада васъ видѣть! Джубъ, Джубъ, иди сюда!

Въ комнату влетаетъ молодая дѣвушка.

— Jub, voici Hélène, la jeune fille du navire! *).

Не успѣла я и руку протянуть, какъ очутилась въ объятіяхъ Джубъ.

— Oh dear, is that Ellen? **).

*) Вотъ Елена, барышня съ парохода.

**) Какъ? Неужели это Елена?

И она радостно разсматриваетъ меня.

— А вы меня сразу и не узнали въ моемъ рабочемъ костюмѣ? — говоритъ старушка.—Разскажите же скорѣе, откуда вы? Какъ нашли дорогу и надолго ли? Вы не повѣрите, какъ я все это время безпокоилась о васъ.

— Мнѣ въ Нью-Іоркѣ очень не понравилось служить,—отвѣчаю я, и сердце мое снова замираетъ. — И вотъ я рѣшилась пріѣхать сюда искать мѣсто на какой-нибудь фермѣ, пока не получу извѣстій отъ моихъ друзей.

— Какое тамъ мѣсто! Оставайтесь у насъ. Вы теперь нашъ гость, и мы не пустимъ васъ.

— Old man, old man *), ступай сюда скорѣй!

Въ дверяхъ въ это время показывается старый Жиру. На немъ заплатанные синіе панталоны и такая же рубашка, въ рукахъ топоръ; небритыя щеки его расширяются, и по угрюмому лицу пробѣгаетъ улыбка.

— Voici Hélène la jeune fille du navire!

— Отлично вижу, вѣдь не ослѣпъ же я! Soyez-la bien-venue, Mademoiselle! **).

— Ма, кричитъ вдругъ Джубъ, вбѣгая въ комнату.—Я сейчасъ бѣгала къ братьямъ; они не вѣрятъ, что Элленъ пріѣхала.

И она начинаетъ такъ скоро что-то говорить,

---

*) Старикъ, старикъ!

**) Привѣтствую васъ!

что я ни слова не понимаю и съ любопытствомъ смотрю на ея быстро движущіяся губы.

Джубъ — высокая, сильная дѣвушка. Она некрасива, но необыкновенно симпатична. На ней широкое, короткое платье и большой ситцевый капоръ.

— Что ты тутъ болтаешь? говоритъ мать.— Угости лучше miss Ellen чѣмъ-нибудь: вѣдь она навѣрно проголодалась съ дороги.

Старушка ведетъ меня въ уютную гостинную и сажаетъ на мягкій плюшевый диванъ, а Джубъ приноситъ большой кусокъ шоколаднаго торта и стаканъ холоднаго молока.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо, говорю я, осматриваясь кругомъ.

— Очень рада, если вамъ нравится наша скромная обстановка! отвѣчаетъ мнѣ старушка.

— Какъ скромная? Что можетъ быть лучше вашей хорошенькой фермы!

Мать смѣется и обѣщаетъ сводить меня къ сосѣдямъ, гдѣ я увижу настоящую роскошь.

— Мы вѣдь самые бѣдные къ околоткѣ: у насъ всего 100 акровъ земли. Ну, однако, намъ пора готовить обѣдъ, а вы отдохните пока здѣсь.

Но мнѣ не хочется оставаться одной, и мы идемъ опять въ столовую, а потомъ черезъ выходную дверь по мосткамъ въ небольшое каменное зданьице, гдѣ лѣтомъ варятъ кушанье, а зимою коптятъ окорока. Я прошу также какой-

нибудь работы. На меня одѣваютъ передникъ и даютъ чистить картофель, съ которымъ я сажусь на мостки.

Старушка въ кухнѣ мѣситъ тѣсто, Джубъ возится у плиты; обѣ изрѣдка выглядываютъ изъ открытой двери и улыбаются мнѣ. День чудесный, солнце ярко свѣтитъ. Какъ тихо кругомъ, какой душистый воздухъ...

— Дайте я помогу вамъ чистить картофель, говоритъ Джубъ, подсаживаясь ко мнѣ: — а то онъ не поспѣетъ къ обѣду.

Я смотрю, какъ быстро она работаетъ, и мысленно бѣшусь на свою неловкость.

— Ну, теперь столъ накрывать!

Она бѣжитъ въ домъ, я—за нею и все наблюдаю, какъ дѣло кипитъ у нея въ рукахъ.

Черезъ полчаса вся семья собирается къ обѣду. Мать знакомитъ меня со своими сыновьями. Старшему Эме лѣтъ тридцать. Онъ высокъ, некрасивъ и точно весь развинченъ, но, повидимому, самаго веселаго, безпечнаго нрава. Второй Джуліусъ — угрюмый, слегка хромой восемнадцатилѣтній мальчикъ; оба одѣты, какъ и отецъ, въ старую заплатанную синюю одежду. Обѣдъ состоитъ изъ картофеля, кукурузы, масла, очень вкуснаго бѣлаго хлѣба, патоки и кофе съ молокомъ. Всѣ ѣдятъ съ аппетитомъ и быстро. Эме и Джубъ особенно веселы и постоянно смѣются.

Меня заставляютъ разсказать, какъ я разы-

скала дорогу, и не могутъ надивиться моей смѣлости.

— Судя по описанію, провожалъ васъ Сомтонъ, одинъ изъ очень богатыхъ здѣшнихъ фермеровъ, говоритъ Эме.—И неужели вамъ не было страшно, когда онъ повелъ васъ въ лѣсъ? Еслибы это былъ другой, онъ могъ бы ограбить или зарѣзать васъ! У насъ вѣдь только и читаешь въ газетахъ что объ убійствахъ!

Послѣ обѣда мужчины уходятъ въ поле на работу, а мы, женщины, принимаемся убирать посуду.

— Вы останетесь у насъ, сколько вамъ вздумается, хоть навсегда! говоритъ мнѣ старушка.— Вы мнѣ очень понравились съ перваго же взгляда на пароходѣ, и я такъ довольна, что вы у меня теперь.

— А мнѣ-то какъ хорошо у васъ! И такъ, если я остаюсь, слѣдуетъ бросить всякія церемоніи и говорить мнѣ «ты».

— Отлично, говоритъ m-me Жиру, — а ты будешь звать меня «ма». Я буду думать, что Богъ послалъ мнѣ тебя, взамѣнъ моей дорогой дочери, которую я потеряла годъ тому назадъ.

— И съ Джубъ мы будемъ на «ты»!

Я гляжу на Джубъ, улыбаясь; она крѣпко обнимаетъ меня.

— Ellen, you'll be my sister, wont you? *).

---

*) Ты будешь моею сестрою, неправда ли?

— Во избѣжаніе сплетенъ, я скажу сосѣдямъ, что ты моя племянница, которую я привезла съ собою изъ Швейцаріи,— говоритъ старушка.

— Какія же могутъ быть сплетни?

— На дѣвушку, которая ѣздитъ одна, здѣсь смотрятъ очень косо. Если сказать, что ты мнѣ чужая, никто не будетъ имѣть къ тебѣ довѣрія.

— Вотъ тебѣ на! Да развѣ здѣсь нѣтъ эмигрантовъ?

— Напротивъ того, всѣ окрестные фермеры эмигранты, но они перебрались сюда лѣтъ 30—40 тому назадъ и считаютъ долгомъ презирать переселенцевъ. Ничего нѣтъ позорнѣе, какъ называться эмигрантомъ.

Слова эти сильно огорчаютъ меня. Я пріѣхала сюда за правдой и начинаю свою новую жизнь ложью.

Вечеръ вся семья проводитъ вмѣстѣ въ гостиной. Мужчины принимаютъ самыя американскія позы. Эме валяется на кушеткѣ, старикъ сидитъ, высоко поднявъ ноги на желѣзную печку, Джуліусъ—заложивъ руки на затылокъ. Я и m-me Жиру играемъ въ домино за круглымъ столомъ, на которомъ разложены журналы и альбомы. Джубъ болтаетъ безъ умолку, и отъ времени до времени подбѣгаетъ къ фисъ-гармоніи и, громко акомпанируя себѣ, поетъ лютеранскія церковныя пѣсни. Въ креслѣ дремлетъ рыжая кошка Пусси, а на коврѣ, растянувшись во всю длину.

спитъ красавецъ Брэвъ и видитъ какіе-то тревожные сны. Собаку эту каждый вечеръ посылаютъ далеко въ лѣсъ разыскивать коровъ, и она приводитъ ихъ самостоятельно домой. Къ девяти часамъ всѣ начинаютъ громко зѣвать и понемногу расходятся.

— Ты будешь спать вмѣстѣ со мною, — говоритъ Джубъ, указывая на широкую двуспальную кровать, стоящую въ одномъ изъ угловъ гостиной. — Я грѣю, какъ печка: со мною такъ хорошо.

Смущенная предстоящимъ сосѣдствомъ я иду мыться во дворъ къ систернѣ. Ночь свѣжая и темная. Струя холодной воды обжигаетъ мнѣ плечи. Я крѣпко растираюсь полотенцемъ и смотрю на ярко сверкающія звѣзды.

Джубъ между тѣмъ стелетъ постель, и черезъ нѣсколько времени мы уже лежимъ съ ней рядомъ, подъ однимъ огромнымъ ватнымъ одѣяломъ.

— Развѣ ты всегда тутъ спишь?

— О нѣтъ, только съ гостями; моя комната на чердакѣ!

— Такъ завтра же мы перекочуемъ къ тебѣ, хорошо?

— Отлично! Ахъ, еслибы ты знала, какъ я рада имѣть кого нибудь въ моей кровати! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя сестра, я чувствую себя такой одинокой!

И, обнявъ меня, Джубъ немедленно засыпаетъ.

Я слышу, какъ ма укладывается спать съ мужемъ въ столовой, гдѣ стоитъ ихъ кровать.

— O vieux salop! *) кричитъ она на него. — Никогда не вытретъ ногъ и заноситъ въ кровать столько песку, что я потомъ чешусь всю ночь!

Старикъ на это отвѣчаетъ сильной бранью и долго не можетъ успокоиться.

Изъ комнаты Джуліуса и Эме несется дружный храпъ.

Я же, вся въ поту, лежу въ объятіяхъ спящей Джубъ и горячо благодарю Бога за Его доброту ко мнѣ.

На слѣдующій день Джуліусъ, Джубъ и я отправились въ городъ за моими вещами. Джубъ и я ѣхали въ хорошенькомъ, двухмѣстномъ кабріолетѣ, прикрывъ ноги мягкимъ ярко-желтымъ плэдомъ. На Джубъ было бѣлое батистовое платье и модная шляпа. У краснаго шелковаго кушака красовалась свѣжая георгина. Погода стояла великолѣпная, бодро бѣжала гнѣдая кобыла Фанни, и мы чувствовали себя въ самомъ лучшемъ настроеніи.

— Какъ хорошо, что ты дома, — не разъ повторяла Джубъ: — здѣсь уже никто не обидитъ тебя,—ты можешь быть совершенно покойна...

---

*) Старый неряха!

Прекрасныя дороги, принадлежащія различнымъ акціонернымъ обществамъ, преграждались отъ времени до времени шлагбаумами. Женщины, собиравшія пошлину, подбѣгали къ Джубъ и съ удивленіемъ разсматривали меня. Каждой приходилось разсказывать длинную исторію нашего выдуманнаго родства. Джуліусъ ѣхалъ за нами на рессорной подводѣ. Онъ былъ очень наряденъ въ суконномъ костюмѣ и шерстяныхъ перчаткахъ.

Въ тотъ же вечеръ я уже совершенно устроилась въ комнатѣ Джубъ, небольшой мансардѣ, на полозину заваленной тыквами, которыя хранились здѣсь для предстоящей зимы; кромѣ того, по стѣнамъ висѣло множество платьевъ и стараго тряпья. Разбитое окно было заткнуто подушкой. Мнѣ отвели небольшой столъ, на которомъ я разложила свои письменныя принадлежности, а вмѣсто кровати я упросила ма позволить мнѣ спать на доскахъ, положенныхъ на сундуки.

— Ну, что подумаютъ, если кто нибудь увидитъ это? сказала она недовольнымъ тономъ.— Еще скажутъ, что я запрещаю тебѣ спать на кровати.

— Никто не увидитъ, — увѣряла я:— мы никого не пустимъ къ себѣ наверхъ и никому не скажемъ объ этомъ ни слова.

*

— Какъ ты глупа, что не хочешь спать со мною! съ упрекомъ сказала Джубъ.

Но я не сдалась: чтобы достичь того совершенства, о которомъ я мечтала, надо было окончательно поработить свою плоть.

И такъ, мои петербургскіе планы удались вполнѣ: я находилась среди природы, у простыхъ и добрыхъ людей...

XIV.

День у Жиру начинался очень рано. Еще до восхода солнца просыпался старикъ.

— Джубъ, Эме, Джуліусъ! кричалъ онъ.

Голосъ его громко раздавался въ деревянномъ домикѣ и доносился и къ намъ на чердакъ. Джубъ отлично слышала его, но ей до смерти не хотѣлось вылѣзать изъ теплой постели, тѣмъ болѣе, что холодъ у насъ бывалъ ужасный.

— Jub, get up! *).

— Let me alone, old man! **).

— Jub, get up!

— Il est fou ce vieux, de crier comme cela! ***) — злобно кричала она, закрывая еще на минуту глаза.

— Jub, get up!

---

*) Вставай!

**) Старикъ, оставь меня въ покоѣ!

***) Онъ оретъ какъ сумасшедшій, этотъ старикъ!

— Shurr up (shut up) old patent! *).

И Джубъ съ проклятіями вскакивала съ постели и начинала одѣваться на скорую руку.

Снизу также слышалась сильная перебранка старика съ Эме и Джуліусомъ, которыхъ отцу съ величайшимъ трудомъ удавалось поднять.

Какъ только всѣ были на ногахъ, начиналась суета. La mère и Джубъ поспѣшно готовили въ кухнѣ, мужчины кололи дрова, топили печки, доили коровъ; къ семи часамъ все должно было быть готово.

За завтракомъ послѣ первой чашки кофе каждый чувствовалъ себя необыкновенно въ духѣ. Джубъ и Эме смѣялись до слезъ надъ дерзостями, которыя съ просонья наговорили отцу, въ отвѣтъ на что старикъ только молча улыбался. По субботамъ получалась газета, выходящая разъ въ недѣлю въ Индіанополисѣ, и тогда дня три подъ рядъ разговоръ касался исключительно политики. Джубъ была страстная республиканка, за что немилосердно доставалось ей отъ братьевъ. Но какъ бы горячъ ни былъ споръ, никто при этомъ не мѣнялъ своихъ позъ. Всѣ сидѣли, прижавшись грудью къ столу и уткнувшись головою въ тарелку. Только къ большой корзинѣ съ хлѣбомъ поворачивали иногда глаза и вытянувъ руку быстро хватали ломоть. Тотчасъ послѣ зав-

---

*) Молчи, старый патентъ!

трака мужчины уходили въ поле. Не смотря на всевозможныя земледѣльческія машины, работы у нихъ всегда бывало пропасть. Запахивалось у Жиру акровъ до 40, земля была великолѣпная, глубокій черноземъ, объ удобреніи здѣсь никогда и не слыхивали. Засѣвали сахарный тростникъ, пшеницу, овесъ, ячмень и кукурузу одновременно съ тыквами или дынями. Луга косились три раза въ году; съ обширнымъ огородомъ было также не мало хлопотъ. Джубъ приходилось нерѣдко помогать мужчинамъ. Такимъ образомъ они кое-какъ справлялись собственными силами и только для корчевки пней, проведенія канавъ или другихъ особенныхъ работъ приглашались на время спеціалисты изъ города. Также и на фермѣ работы всегда бывало по горло. Пять великолѣпныхъ коровъ давали въ среднемъ каждая болѣе ведра въ день, изъ котораго m-me Жиру сбивала два раза въ недѣлю масло. Изъ простокваши приготовляли творогъ. Молочные продукты, требующіе особеннаго вниманія и чистоты, отнимали очень много времени. Кромѣ того, разъ въ недѣлю надо было стирать бѣлье, а по субботамъ не только всюду мыть полы, но и печь разныя пироги и торты къ слѣдующему дню. Воскресенье за то посвящалось исключительно отдыху и удовольствіямъ. Мужчины съ утра въ крахмальныхъ рубашкахъ и суконныхъ костюмахъ сидѣли на стульяхъ передъ домомъ. Послѣ завтрака на-

чинались приготовленія для поѣздки въ церковь. Джубъ пудрилась и наряжалась; къ девяти часамъ за нею пріѣзжалъ въ кабріолетѣ ея «galant» *), Чарлэ. Это былъ красивый двадцатипятилѣтній брюнетъ, нѣмецъ по происхожденію. Земли у него было до 600 акровъ, и ферма его считалась одной изъ лучшихъ въ околоткѣ. Три года ухаживалъ Чарлэ за Джубъ, но о предложеніи съ его стороны не было еще и рѣчи.

— Я слишкомъ бѣдна, вздыхала Джубъ: — и родители его никогда не позволятъ ему жениться на мнѣ!

Джубъ, подобно многимъ въ Америкѣ, не была крещена и въ церковь ѣздила только для развлеченія. Да и вообще церковь считалась чѣмъ-то въ родѣ клуба. Послѣ пріѣзда матери изъ Швейцаріи, Джубъ, по очереди, посѣтила всѣ сосѣдніе приходы. Ей хотѣлось блеснуть золотыми часами, брошкой, кольцами, платьемъ и перчатками, присланными ей родными. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ службы всѣ присутствующіе тотчасъ окружали Джубъ и съ завистью разсматривали ея новыя вещи. Вѣсть о подаркахъ, полученныхъ миссъ Джиродъ изъ Европы, быстро

*) Кавалеръ. Молодыя дѣвушки въ Америкѣ имѣютъ, начиная съ 17-ти лѣтъ, каждая своего кавалера. Онъ, какъ свой человѣкъ, бываетъ въ домѣ ея родителей и сопровождаетъ ее при всѣхъ выѣздахъ. Часто, но не всегда, она выходитъ за него замужъ.

разнеслась по сосѣднимъ фермамъ, и въ одномъ изъ субботнихъ нумеровъ Индіанопольской газеты появилось ихъ подробное описаніе. Жиру была внѣ себя отъ счастья.

Окрестныя церкви всѣ принадлежали самымъ разнообразнымъ религіямъ и сектамъ. Охотнѣе всего посѣщалась нѣмецкая церковь, не смотря на то, что большинство ни слова не понимало на этомъ языкѣ. Но она находилась у самаго шоссе и, кромѣ того, имѣла хорошій любительскій хоръ, къ которому принадлежала и Джубъ. Каждый четвергъ ѣздила она съ Чарлэ въ 8 часовъ вечера на репетицію къ пастору, гдѣ бывало необыкновенно весело. Изъ другихъ церквей посѣщалась еще охотно протестантская. Тамошній проповѣдникъ былъ красивъ и изященъ. Вмѣсто алтаря въ церкви стоялъ небольшой столикъ съ букетами въ яркихъ вазахъ и удобное волтеровское кресло; на этомъ-то креслѣ умѣлъ особенно красиво рисоваться пасторъ. Высоко заложивъ ногу на ногу, держа на колѣняхъ большое Евангеліе, говорилъ онъ свою проповѣдь.

По воскресеньямъ изъ церкви Джубъ возвращалась домой всегда съ гостями. Послѣ оживленнаго обѣда, за которымъ подавали жареную курицу и сладкіе пироги съ фруктами или ревенемъ, проводили время въ гостиной, и тутъ-то начинался настоящій пріемъ: къ дому то и дѣло подкатывали въ красивыхъ экипажахъ моло-

дыя дѣвушки со своими кавалерами. Вечеромъ Джубъ снова уѣзжала съ Чарлэ въ городъ на Scating-ring *) или на какіе нибудь религіозные митинги, устраиваемые по очереди у сосѣдей, или на танцовальный вечеръ. Для вечеровъ этихъ отводился большой сарай, стѣны котораго украшались гирляндами. Танцовали при тускломъ свѣтѣ фонарей, подъ звуки трехъ, четырехъ скрипокъ или большой гармоники. Угощенія не полагалось никакого, и разгоряченная танцами молодежь то и дѣло подбѣгала къ колодцу пить воду. Разъѣзжались часа въ два, въ три. При прощаніи хозяйка пожимала всѣмъ руку и, по-американски, нараспѣвъ приговаривала:

— Good-buy, come again **).

Все время моего пребыванія на фермѣ я чувствовала себя въ какомъ-то водоворотѣ. Вставъ утромъ со своихъ досокъ я бѣжала помогать доить. Въ мои члены, окоченѣвшіе отъ холода и твердой постели, проникало благотворное тепло, когда, сидя подъ теплымъ животомъ коровы, я напрягала всю свою силу, чтобы выдавить молоко изъ толстыхъ сосковъ.

Доить я научилась не сразу. Вначалѣ, несмѣло дотрогиваясь до вымени, я только щекотала коровъ, которыя, поднявъ кверху хвосты, лягали

---

*) Катокъ на асфальтѣ.

**) До свиданія. Пріѣзжайте опять.

ведро и убѣгали отъ меня. Потомъ по немногу дѣло пошло болѣе удачно, не смотря на то, что я замирала отъ страха, когда корова принималась обнюхивать меня своимъ мокрымъ носомъ или удивленно разсматривать большими, блестящими глазами.

— La mère! кричала я въ отчаяніи:—корова смотритъ на меня.

Своимъ страхомъ я возбуждала всеобщій смѣхъ. Жиру не могли понять, какъ я могла бояться этихъ добрыхъ, смирныхъ животныхъ, которыя, какъ это часто бываетъ въ маленькомъ хозяйствѣ, считались какъ бы членами семьи. M-me Жиру могла безъ устали разсказывать объ ихъ характерѣ и привычкахъ. Самой умной она безспорно считала желтую Дарлэ, которая всегда ходила во главѣ стада и безпрестанно придумывала самыя неожиданныя штуки; ей ничего не стоило открыть рогами крючокъ на воротахъ и завести коровъ въ огородъ, въ садъ или даже въ загонъ къ свиньямъ. Разъ она съ необыкновенной ловкостью вытащила рогами изъ щели стараго сарая множество кукурузы и обкормила всѣхъ своихъ подругъ. Кроткая и терпѣливая она въ минуты страсти становилась ужасна. Глаза ея наливались кровью и съ дикимъ ревомъ мчалась она, ломая заборы, на сосѣднюю ферму къ быку. Пугливая и нервная Уайти безпрестанно оставалась яловой, Рози плакала, когда ее че-

сали за ушами, Пикки и Микки были очень жадны и давились кусками дыни или тыквы, которыми ихъ угощали по вечерамъ.

Болѣе всего потѣшались надъ моею трусостью Эме и Джуліусъ, и какъ только дѣло мое начинало ладиться, они прицѣливались въ меня сосками ближайшей коровы и обдавали мнѣ лицо или затылокъ струею молока.

Послѣ завтрака, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, я шла въ загонъ, по росистой травѣ, съ большимъ ведромъ простокваши.

— Лулу! Лулу! громко кричала я, и тотчасъ на горизонтѣ показывался силуэтъ названной моимъ именемъ телочки.

Работать у Жиру меня никто не заставлялъ, я была ихъ гостьею и могла дѣлать, что хотѣла, но малѣйшее отступленіе отъ ихъ жизни вызывало какое-то охлажденіе между нами. Если мнѣ случалось проспать, увлечься какой-нибудь книгой или пойти погулять,—они начинали смотрѣть на меня какъ-то безучастно, и мнѣ приходилось освѣжать наши отношенія какими-нибудь маленькими подарками. Даже мой дневникъ надо было отложить въ сторону; ничто не должно было напоминать о томъ, что у меня могла быть личная жизнь,—и тогда все шло отлично. Отсутствіе умственныхъ интересовъ тяготило меня, и понемногу я стала выбирать себѣ машинальныя работы, во время которыхъ я могла по край-

ней мѣрѣ думать. Такъ, напримѣръ, я очень любила мести дворъ: сухіе, опавшіе листья шумѣли подъ метлою, и разнообразныя мысли такъ и тѣснились въ головѣ. Полевыя работы были мнѣ также болѣе по вкусу, чѣмъ домашнее хозяйство, но когда въ первый разъ я предложила свои услуги, старикъ какъ-то безнадежно посмотрѣлъ на меня, а Джуліусъ состроилъ гримасу:

— I but ye five cents *), она тотчасъ вернется домой.

Это задѣло меня за живое. Поспѣшно одѣла я на свое розовое платье большой бѣлый передникъ, сшитый еще въ Петербургѣ. При видѣ меня, Эме такъ и покатился со смѣху и, по своей всегдашней привычкѣ, началъ бить себя изо всей силы ладонями по ногамъ.

— Tu es folle! **) воскликнула la mère.— Развѣ такъ работаютъ въ поляхъ? Хорошо, что никто изъ сосѣдей не видѣлъ тебя. Ну, что бы они подумали?

И мнѣ дали старое короткое платье (mother hubbord) надѣли на голову ситцевый капоръ и вмѣсто передника подвязали какою-то тряпкою.

— Ну, вотъ! сказала m-me Жиру.—Теперь ты можешь идти.

Мы отправились въ поле. Срѣзанная кукуруза

---

*) Держу пари на пять центовъ.

**) Ты съ ума сошла!

стояла въ снопахъ. Надо было отдѣлять плодъ отъ зелени. Въ первую минуту эта работа показалась мнѣ очень легкой, но мало-по-малу, отъ стоянія на мѣстѣ, я начала застывать (день былъ холодный и вѣтреный). Руки мои я постепенно исцарапала до крови, ноги отъ усталости стали подкашиваться. Старикъ и Джуліусъ работали молча и покойно; одинъ Эме постоянно терялъ терпѣніе: Oh, damned work! *) — Я дѣлала надъ собою страшныя усилія, чтобы выдержать до конца, и въ ту минуту, когда я почувствовала полное изнеможеніе, вдали показалась Джубъ; она шла звать насъ къ ужину. Было 7 часовъ, изъ дому мы вышли въ 12; съ этой минуты трудоспособность моя была признана. Даже суровый Джуліусъ улыбнулся.

— Jess-sir! I but ye... Это были почти единственныя слова, которыя онъ говорилъ.

— Славно же ты посинѣла! Ужъ завтра pas de danger ты не придешь сюда! сказалъ Эме.

— Непремѣнно приду! отвѣтила я упрямо.

И, не смотря на усталость и частыя головныя боли, я ежедневно ходила работать въ поле. Минутами я едва выдерживала: кажется, такъ и упала бы на землю и заснула бы на нѣсколько дней.

Наконецъ-то кукуруза была отдѣлена; ее стали

---

*) О, проклятая работа!

сортировать и свозить въ закрома. Стоять на колѣняхъ, наполняя корзинку, и высоко поднимать ее въ телѣгу было очень тяжело.

— Пойдемъ лучше со мною достраивать сарай, предложилъ мнѣ Эме: — надо очень торопиться, и ты можешь мнѣ быть полезна.

Я съ радостью согласилась, и мы отправились на постройку. Эме взобрался на лѣса. Я подавала ему доски за одинъ край; наканунѣ шелъ дождь, было очень грязно, ноги мои такъ и скользили.

Эме покатывался со смѣху и немилосердно билъ себя ладонями.

— Держу пари: ты упадешь. А все-таки не уходи, мнѣ такъ весело строить съ тобою. Еслибъ ты могла почаще помогать мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, если это тебѣ нравится.

— Еще бы нѣтъ!

— Но отчего? — и я удивленно взглянула на Эме, который, послѣ нѣкотораго молчанія, какъ-то блаженно улыбнулся и вдругъ крѣпко обхватилъ самого себя руками.

— Лу, о, Лу, еслибы ты знала, какъ мнѣ бы хотѣлось обнять тебя!

Это неожиданное восклицаніе въ первую минуту очень смутило меня, но Эме былъ такъ комиченъ тамъ наверху въ своей позѣ, что я невольно засмѣялась.

Когда мы вернулись домой, m-me Жиру, завидѣвъ насъ, молча опустила глаза, стараясь

скрыть радостную улыбку. Эме былъ необыкновенно оживленъ, и его веселое настроеніе невольно передалось всѣмъ, даже старому Жиру, котораго дѣти упросили послѣ ужина переодѣться женщиной.

— Если бы ты знала, до чего старикъ смѣшонъ: можно просто умереть со смѣху, глядя на него! сказала мнѣ Джубъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ полосатомъ платьѣ, съ большой шляпой на головѣ, онъ какъ двѣ капли воды, походилъ на старую вѣдьму. Со страшными гримасами старался онъ поймать кого нибудь изъ насъ; съ крикомъ и смѣхомъ разбѣгались мы во всѣ стороны. Но что было, когда подъ звуки фисгармоніи, онъ исполнилъ какой-то фантастическій танецъ!

— Il est impayablece vieux, quand'il s'y met! кричала Джубъ, надрываясь отъ смѣха.

Разошлись мы въ этотъ вечеръ довольно поздно, долго еще лежала я, улыбаясь, на своихъ доскахъ. Наконецъ, мысли мои начали путаться. Вдругъ извнѣ послышался какой-то глухой шумъ, что-то стукнуло о нашу стѣну. Я испуганно открыла глаза. За окномъ мелькнулъ свѣтъ. Очевидно, приставивъ лѣстницу къ дому, кто-то пробирался къ намъ; вотъ зашевелилась и подушка, заткнутая въ разбитомъ окнѣ.

— Джубъ, крикнула я въ ужасѣ: — Джубъ! Просыпайся, къ намъ лѣзутъ воры или убійцы.

Дико озираясь, вскочила она съ своей постели. Въ это время подушка упала съ окна, чья-то рука поставила на полъ фонарь, и въ комнату просунулось смѣющееся лицо Эме.

— Oh, sale race! *) злобно крикнула Джубъ и, быстрымъ движеніемъ схвативъ кувшинъ съ табурета, она обдала его водою.

Когда облитый Эме былъ съ позоромъ изгнанъ и старая подушка снова заняла свое мѣсто въ окнѣ, Джубъ упала на свою кровать и громко расхохоталась.

— Клянусь, воскликнула она,—это не пройдетъ ему даромъ. Мы отомстимъ ему, не правда ли, Элленъ?

— Да, сказала я, дрожа отъ холода на своихъ доскахъ.—Но теперь я ни о чемъ еще не могу думать, до того я испугалась. Мнѣ такъ и кажется, что опять кто-нибудь влѣзетъ.

— Такъ иди же ко мнѣ скорѣй, глупая ты дѣвочка. Со мною тебѣ навѣрно не будетъ страшно. Да ну же, иди!

Однимъ прыжкомъ очутилась я въ теплой, мягкой постелѣ Джубъ.

— Смотрите, на милость, вѣдь вся ледяная!

И Джубъ тщательно укутала меня.

— Ахъ, еслибы ты знала, какъ у меня болятъ кости, сказала я, щелкая зубами.

---

*) О, негодяй!

— Еще бы не болѣть! Зачѣмъ, ну, зачѣмъ придумала ты все это, Лу?!

— Для того, чтобы быть лучше, Джубъ!

И я только-что собиралась развить ей свою мысль, какъ рука ея соскользнула съ моего плеча, и она уже крѣпко-на-крѣпко спала.

На слѣдующій день, за завтракомъ, всѣ смѣялись до слезъ надъ моимъ испугомъ и удачной выдумкой Эме. Одна Джубъ выходила изъ себя отъ злобы, и какъ только мужчины ушли въ поле, она предложила мнѣ пойти въ конюшню, чтобы выпустить на волю лошадей.

— Это будетъ моя месть, — сказала она: — пусть себѣ Эме хорошенько набѣгается за ними!

Мысль эта пришлась мнѣ какъ нельзя болѣе по душѣ, и черезъ нѣсколько минутъ съ громкимъ топотомъ носились уже по двору лошади; земля дрожала подъ ними, и брызги отъ лужъ такъ и летѣли во всѣ стороны.

Джубъ радостно била въ ладоши.

— Грязь-то, грязь-то! Ну, придется же ихъ почистить!

Въ это время толстая Фанни бросилась на землю, въ воздухѣ мелькнули ея подковы; мы были въ восторгѣ.

— А теперь, пока конюшня пуста, пойдемъ щипать гусей, сказала Джубъ.

Она ощипывала ихъ каждыя шесть недѣль и копила перья для своего будущаго приданаго.

Загнанные въ конюшню гуси подняли страшный переполохъ. Джубъ, поймавъ одного изъ нихъ и зажавъ его вверхъ хвостомъ между колѣнями, быстро принялась за дѣло. Я послѣдовала ея примѣру. Гуси щипали насъ за икры и съ громкимъ крикомъ старались вырваться на свободу. Мы смѣялись и взвизгивали, въ воздухѣ летали перья, на дворѣ, носясь вихремъ, радостно ржали лошади. Что это былъ за Содомъ!

Съ этого дня между нами и Эме началась ожесточенная война. Мы напрягали все свое воображеніе, чтобы лучше отравить другъ другу жизнь. Придумывая съ Джуліусомъ различныя ловушки для насъ или жалуясь на усталость, Эме сталъ чаще проводить дома вечера, и молодая вдова, за которой онъ ухаживалъ уже два года, чтобы напомнить о себѣ, не разъ присылала къ нему, подъ разными предлогами, своего маленькаго брата.

— Когда кончатся спѣшныя осеннія работы, надо будетъ, чтобы ты выбрала себѣ «galant'a»,— сказала мнѣ какъ-то m-me Жиру,— иначе тебѣ не съ кѣмъ будетъ выѣзжать.

Но я наотрѣзъ отказалась отъ этого:

— Я не люблю мужчинъ и буду оставаться съ вами, chère mère!

Старушка улыбнулась и потрепала меня по плечу.

Между тѣмъ на фермѣ стали готовиться къ великому осеннему событію: огромная свинья, предназначенная на убой, страдала уже одышкой и ничего почти не ѣла; съ нетерпѣніемъ ждали холодовъ, и въ началѣ октября, послѣ первыхъ заморозковъ, Джуліусъ привезъ изъ города мясника. На слѣдующее утро, застрѣленную на повалъ свинью повѣсили за заднія ноги къ двумъ столбамъ и мясникъ вскрылъ ей брюхо. Вынувъ прежде всего одиннадцать уже совершенно сформировавшихся поросятъ, онъ вырѣзалъ кишки и бережно сложилъ ихъ въ нѣсколько лоханокъ съ водою. Черезъ 24 часа, какъ только стекла съ туши кровь—приступили къ дѣлу. Мужчины, засучивъ рукава, помогали мяснику. Выдѣливъ окорока, раздѣлили все остальное мясо на двѣ части, — одну для соленія, другую на сосиски. Бѣлое сало, тщательно нарѣзанное ровными полосами, предназначалось въ продажу, изъ желтаго варили мыло, которое ключемъ кипѣло на плитѣ въ двухъ большихъ котлахъ. Работы было пропасть. Цѣлыми днями, нагнувшись надъ лоханкой, m-me Жиру съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностью вынимала изъ кишекъ уже переварившуюся пищу, и ѣдкій запахъ внутренностей, переполняя комнаты, далеко разносился вокругъ фермы. Джуліусъ рѣзалъ длинныя полоски мяса, Эме вертѣлъ машину для фарша, Джубъ прилаживала къ ней уже отмытыя кишки. Вся семья

переживала счастливое, страстное время: чувство обезпеченности, напряженность работы (первый теплый день могъ испортить все дѣло), видъ мяса и крови, свѣжія плавающія въ шипящемъ жирѣ котлеты и пиво за обѣдомъ и ужиномъ, веселый мясникъ, ухаживающій за Джубъ—все опьяняло и радовало. Къ столу, въ окровавленныхъ одеждахъ съ засученными рукавами садились возбужденные, съ блестящими глазами и волчьимъ апетитомъ. Двусмысленныхъ темъ для разговоровъ также было не мало: 11 поросятъ и машина для фарша упоминаласъ чаще всего и всегда съ успѣхомъ.

Черезъ 12 дней работы были въ общемъ закончены и мясникъ отвезенъ въ городъ. Теперь предстояла уборка всей фермы, а главное стирка.

Для стирки бѣлья Жиру имѣли новѣйшія машины, такъ что вставъ въ 5 ч. утра мы уже къ часу успѣли не только вымыть, но и выжать бѣлье. День былъ солнечный, вѣтренный. Разложивъ его на травѣ въ фруктовомъ саду, мы сѣли отдохнуть подъ грушу. Большіе сочные дюшесы падали съ дерева на траву.

— Еслибы ты знала, какіе мы проводимъ съ Чарлэ вечера подъ этими деревьями, говорила Джубъ, запихивая въ ротъ огромную грушу.—Въ особенности весною, все въ цвѣту и мнѣ такъ сладко, когда онъ обнимаетъ меня; ахъ, какъ

сладко, даже голова кружится, оторваться нельзя; часто мы разставались на разсвѣтѣ...

— Но неужели же родители позволяютъ тебѣ проводить съ нимъ цѣлыя ночи?

Джубъ усмѣхнулась.

— Old men страшно злится, когда Чарлэ приходитъ, потому что на слѣдующее утро я никакъ не могу проснуться, ему приходится идти наверхъ и силой тащить меня изъ кровати, и тогда я дерусь и говорю ему: de grosses bétises! Ахъ, какъ меня злитъ этотъ человѣкъ.

— Вѣдь это не хорошо такъ обращаться со своимъ отцомъ, сказала я укоризненно,—и потомъ, какъ тебѣ не стыдно называть его old men?

— А то какъ же? не могу же я говорить ему young men *).

— Конечно—нѣтъ, но папа или отецъ!

— «No difference! vieux fou—voila ce qu'il est. И она звонко засмѣялась.—Въ минуты веселости Джубъ любила изо всей силы ударять своихъ сосѣдей по щекѣ, поэтому, убѣленная опытомъ, я быстро отодвинулась.

Въ Джубъ не было и тѣни цинизма, но нѣкоторыя понятія были ей совершенно чужды, такъ, напримѣръ, она рѣшительно не могла понять, отчего надо почитать старшихъ или слушаться своихъ родителей. Библія, которую я иногда чи-

*) Молодой человѣкъ.

тала ей, наводила на нее нестерпимую скуку. Она начинала громко зѣвать и чесаться.

— Non ce que c'est embettant, какъ ты можешь читать это, Элленъ?

Я чувствовала себя оскорбленной въ моихъ самыхъ святыхъ чувствахъ.

— А какъ ты можешь такъ говорить, Джубъ? Книга эта должна быть нашимъ фундаментомъ. Подумай только, она обѣщаетъ намъ прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную.

— Жизнь вѣчную?

— Ну да, загробную жизнь!

Джубъ хохотала, какъ будто бы я разсказала ей самый смѣшной анекдотъ.

— Pah! cette vie me suffit! *) очень мнѣ надо твоей вѣчной жизни! А о смерти я и думать не хочу! Fais comme moi, Lou! и она своей большой рукой хлопала меня по плечу.

Въ безпрерывной работѣ бѣжали за днями дни. Уже шесть недѣль гостила я у Жиру, а объ Лаурѣ все еще не было ни слуху, ни духу. Эме, продававшій по субботамъ сѣно въ городѣ, только разъ привезъ мнѣ съ почты письмо: оно было отъ мамà. Мое путешествіе въ Америку привело ее въ отчаяніе, и она просила меня непремѣнно вернуться домой къ предстоящему сезону. Но отчего не отвѣчала мнѣ старушка Мымзи? Можетъ

---

*) Мнѣ довольно и этой жизни.

быть, не дошло мое письмо или пропалъ ея отвѣтъ? И, тщетно прождавъ еще три недѣли, я послала ей телеграмму съ уплаченнымъ отвѣтомъ. Она стоила 8 долларовъ; но я, забывъ наше послѣднее разногласіе, готова была пожертвовать всѣмъ, что у меня было, лишь бы поскорѣе увидѣться съ Лаурой. На мой вопросъ: «гдѣ теперь Каролина?»—я получила три дня спустя слѣдующій отвѣтъ: «Не поняла смысла вашей телеграммы. Мымзи».

Такую подлость, конечно, только могла придумать сестра Лауры,—эта злая, старая дѣва. Она всегда была противъ нашей дружбы. Оставалось только написать матери Ольги Одиноковой и терпѣливо ждать опять цѣлый мѣсяцъ отвѣта.

Въ тотъ день, глубоко огорченная, я, однако, всѣми силами старалась скрыть свои чувства отъ добрыхъ Жиру, и когда ма предложила мнѣ отнести нѣсколько фунтовъ масла на сосѣднюю ферму, я съ удовольствіемъ взялась исполнить ея порученіе. Накинувъ капоръ, съ корзинкой въ рукахъ, я отправилась въ путь. Хорошо было побыть одной. Дорога шла лѣсомъ. Листва огромныхъ американскихъ деревьевъ казалась волшебной въ осенней окраскѣ; не смотря на позднюю осень, день выпалъ жаркій, парило.

Какъ досадно, какъ невыразимо досадно было

мнѣ; вѣдь еслибы я получила толковый отвѣтъ, я могла бы уже завтра, быть-можетъ, встрѣтиться съ Лаурой и Ольгой. Гдѣ-то онѣ? Какъ сложилась ихъ судьба?

Погруженная въ думы, я и не замѣтила, какъ тучи все болѣе и болѣе покрывали небо. Сильный ударъ грома, эхомъ раскатившійся по лѣсу, заставилъ меня очнуться. По листьямъ запрыгали капли дождя. Куда спрятаться отъ надвигающейся грозы? Развѣ въ дупло того стараго дуба, гдѣ мы сидѣли какъ-то съ Джубъ? Я быстро побѣжала впередъ; вотъ онъ виднѣется вдали; но что это копошится въ немъ? Ужъ не тигръ ли? Нѣтъ, это оказался Эме, который, прибѣжавъ съ сосѣдняго поля, искалъ въ немъ также защиты отъ дождя.

Гроза разразилась съ страшной силой, ослѣпительно сверкала молнія, земля дрожала отъ грома. Сильнѣйшимъ порывомъ вѣтра сломало невдалекѣ отъ насъ огромное сахарное дерево.

— Тебѣ страшно? спросилъ Эме.

— Нѣтъ, я люблю, когда природа безумствуетъ.

— А какъ это удивительно, что мы встрѣтились здѣсь съ тобою, Элленъ; подумай, мы теперь совсѣмъ, совсѣмъ одни въ этомъ лѣсу.

— Да, это удивительно, разсѣянно отвѣтила я, пристально слѣдя за тучами.

— А знаешь ли, проговорилъ послѣ долгаго

молчанія Эме:—я боюсь тебя гораздо больше грозы!

— Меня? Отчего? Не понимаю.

— Я самъ не знаю. Но такъ боюсь, такъ боюсь, просто весь дрожу передъ тобою.

— Еслибы ты въ самомъ дѣлѣ боялся меня, ты не придумывалъ бы вѣчно разныя глупости, чтобы пугать насъ.

Эме громко разсмѣялся.

— А какъ ловко я подложилъ вчера вечеромъ горящіе уголья въ кусты! Мы съ Джуліусомъ чуть не умерли со смѣху, когда вы съ Джубъ прибѣжали сказать, что къ фермѣ подошли волки.

— Милыя шутки, нечего сказать! проворчала я, нахмурясь.

— Элленъ, сказалъ онъ вдругъ серьезно, и лицо его поблѣднѣло:—если ты въ самомъ дѣлѣ сердишься на меня, я обѣщаю тебѣ никогда больше не пугать васъ. Умоляю тебя, прости мнѣ всѣ мои глупыя шалости, и будемъ друзьями, Элленъ!

Эме взялъ мою руку и, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, поднесъ ее къ губамъ.

Я не шевелилась и смотрѣла вдаль. Встрѣча и разговоръ съ Эме были мнѣ въ высшей степени непріятны. Какъ только гроза немного улеглась, я, поспѣшно прыгая черезъ лужи, побѣжала исполнять возложенное на меня порученіе.

Прошло еще три недѣли. Работа на фермѣ ки-

пѣла не переставая. Въ обширномъ фруктовомъ саду созрѣли зимніе сорта яблоковъ и грушъ. Бережно снимали мы ихъ съ деревьевъ и аккуратно укладывали въ ящики для отправки въ городъ на продажу. Изъ мелкихъ и червивыхъ яблоковъ дѣлали сидръ. Помятыя груши заготовлялись на зиму въ видѣ компотовъ и желе. Кромѣ того, въ лѣсу поспѣли грецкіе орѣхи, и въ свободныя минуты мы ходили собирать ихъ большими мѣшками.

Въ концѣ ноября на мое имя пришло, наконецъ, заказное письмо. Мнѣ пришлось самой ѣхать за нимъ въ городъ. Оно было отъ Ольги.

«Только сегодня, писала она:—моя мать переслала мнѣ ваше письмо. Прилагаю нашъ адресъ (Чикаго, Мильвоки-Авеню, 266); ждемъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ».

Вѣсть о моемъ отъѣздѣ повергла добрыхъ Жиру въ глубокую грусть. Чтобы немного утѣшить ихъ, я обѣщала какъ можно чаще писать и вернуться назадъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія на фермѣ мы всѣ собрались въ гостинной. Моя любимая овчарка Брэвъ, положивъ голову ко мнѣ на колѣни, грустно смотрѣла мнѣ въ глаза. M-me Жиру надвязывала черной шерстью мои теплые перчатки. Крупныя слезы то и дѣло капали на ея работу.

*

Я просила Джубъ сыграть на прощаніе мою любимую пѣсню:

We shall sleep but not for ever
In the cold and silente grave! *)

Но она никакъ не могла довести ее до конца.

— O-oh! I have my scratches to-night! **) кричала она нетерпѣливо, вскакивая со своего мѣста и почесываясь плечомъ о фисгармонію.

Эме, долго сидѣвшій насупившись въ углу, вдругъ съ какой-то холодной рѣшимостью вскочилъ со своего мѣста и звонко поцѣловалъ меня въ щеку.

Инцидентъ этотъ немного разсѣялъ грустное настроеніе.

На слѣдующій день, напутствуемая лучшими пожеланіями, я разсталась съ добрыми Жиру и 24 часа спустя подъѣзжала къ шумному Чикаго.

---

*) Не навѣки заснемъ мы въ холодной, безмолвной могилѣ.

**) Охъ, у меня сегодня вечеромъ чесотка.

XV.

Много водъ кипучихъ
Въ бездну унеслось,
Много струнъ пѣвучихъ
Въ сердцѣ порвалось.

Было около двухъ часовъ дня, когда извощикъ подвезъ меня къ № 266 Мильвоки-Авеню. Я выскочила изъ ландо на деревянный тротуаръ и бросилась наверхъ по лѣстницѣ. Во второмъ этажѣ я стремительно, не постучавъ даже, широко распахнула первую попавшуюся дверь и, не помня себя отъ счастья, неподвижно остановилась на порогѣ.

Посреди небольшой, но чрезвычайно уютной комнаты спиной ко мнѣ стояла Ольга, на ея плечѣ сидѣлъ черный котенокъ и граціозно терся головкой объ ея ухо. Ольга съ палитрой и кистями въ рукахъ внимательно осматривала большой холстъ, на которомъ широкими мазками было наброшено какое-то раскидистое дерево.

Открытое піанино, множество нотъ, разбросан-

ныхъ на немъ, велоколѣпные благоухающіе цвѣты на окошкѣ, освѣщенные яркими лучами солнца,— вся эта картина неизгладимо врѣзалась мнѣ въ память.

— Здравствуйте, Ольга, милая Ольга! воскликнула я наконецъ.

Она быстро обернулась и бросилась въ мои объятія.

Послѣ первыхъ горячихъ поцѣлуевъ я пристально взглянула ей въ лицо и, всплеснувъ руками, опустилась на стулъ.

— Боже мой, Ольга, что съ вами, отчего у васъ такъ распухло лицо? Даже глаза едва видно.

Она улыбнулась той неестественной улыбкой, которая появляется обыкновенно при флюсахъ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ я такъ измѣнилась? Это, знаете, отъ овсянки. Мы вотъ уже два мѣсяца только ею и питаемся. У меня въ щеки ударило, а Лаурѣ — въ животъ.

— Ахъ, какъ это удивительно!

И я опять внимательно стала разглядывать ее. Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Лаура. Я отъ счастья не могла говорить и только сжимала ея тонкія влажныя руки. О послѣднихъ недоразумѣніяхъ между нами не было упомянуто ни полслова.

Первые часы нашей встрѣчи прошли въ какомъ-то чаду. Мы засыпали другъ друга во-

просами, не дослушивали отвѣтовъ и... заливались звонкимъ смѣхомъ.

Въ 6 часовъ Ольга развела огонь въ желѣзной печкѣ и поставила кипятить воду.

— Въ 7 часовъ, объяснила мнѣ Лаура:— ужинаетъ вся Америка, и мы подгоняемъ нашу кашу также къ этому времени. Теперь только-что кончилась работа на фабрикахъ. Взгляни, что̀ творится на улицѣ!

Я подошла къ окну и широко распахнула его. Не смотря на декабрь, было еще тепло. По деревяннымъ тротуарамъ, смѣясь, посвистывая и громко распѣвая пѣсни, шли толпы работниковъ и работницъ.

— Боже мой, какой шумъ! У насъ ихъ давно посадили бы въ полицію!

Ольга загремѣла посудой и черезъ нѣсколько минутъ поставила на столъ кострюльку съ кашей.

— Кушайте скорѣе, а то гости придутъ! проговорила она, раскладывая ложки.

— Какіе гости?

— Самые умные люди во всемъ Чикаго! Сотрудники журнала «Excelsior».

Я широко раскрыла глаза.

— Какъ? Вы знакомы съ нигилистами?

— Съ нигилистами! — съ негодованіемъ воскликнула Лаура, и на лицѣ ея мелькнуло то злобное выраженіе, которое прежде такъ часто

вспыхивало на немъ.—Съ нигилистами? Неужели ты не знаешь, что все это соціалисты?!

— Ну, это для меня рѣшительно все равно,— сказала я, немного презрительно.

— Ахъ, какъ ты глупа!—Неужели ты не понимаешь разницы? Нигилистъ тотъ, который ни во что не вѣритъ и только разрушаетъ.

Я перебила ее.

— Но соціалисты вѣдь также взрываютъ.

— Ну такъ что же? храбро отвѣтила Лаура.— Они взрываютъ, чтобы создать!

— Создать что? Развѣ у нихъ есть выработанные идеалы, къ которымъ они ведутъ толпу?

— Ахъ, какіе тамъ идеалы! раздраженно сказала Лаура.—Люди гніютъ на фабрикахъ, люди умираютъ отъ голода, слѣпнутъ, выдѣлывая предметы роскоши, а мы будемъ говорить имъ объ идеалахъ: спасти надо ихъ прежде всего—вотъ что, вытащить изъ пасти смерти!..

— О, Боже, какъ это все громко и красиво звучитъ, сказала я:—и какъ ты еще по-дѣтски смотришь на вещи. Тебѣ до сихъ поръ кажется, что богатые всегда счастливы, а бѣдные, въ особенности фабричные, всегда несчастны... А я такъ думаю, что каждая жизнь, какъ бы она ни была печальна, имѣетъ свою компенсацію, и часто очень яркую.

— Тебѣ вѣдь легко разсуждать, злобно крикнула Лаура:—ты, вѣдь, аристократка, и ничто

не выбьетъ изъ тебя фальшивыхъ и гнилыхъ взглядовъ твоей среды. Однимъ словомъ, по-твоему такъ: пока вы будете сидѣть на шелковыхъ диванахъ и рвать кружева, выдѣлка которыхъ стоитъ человѣку зрѣнія...

— Но рвать и просиживать вѣдь это и есть потребленіе, которыя даютъ новый заработокъ,— спокойно вставила я.

Лаура презрительно махнула рукой въ отвѣтъ Мы обѣ замолчали.

— Не будемъ раздражать другъ друга, мягко сказала я наконецъ.—Лучше я попотчую васъ изъ моей большой корзинки вкусными вещами, которые надавали мнѣ Жиру.

Лаура метнула на меня еще одинъ недобрый взглядъ, но потомъ дала уговорить себя, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже весело принялись за ужинъ. Мое угощеніе имѣло большой успѣхъ. Лаура и Ольга тратили на ѣду въ день всего 8 центовъ (20 к.), на которые покупали овсянку, ситный хлѣбъ, чай и сахаръ. Привезенные мною фрукты и свѣжій сыръ показались имъ необыкновенно вкусными и дорогими яствами.

Едва успѣли мы вымыть посуду и убрать крошки со стола, какъ кто-то уже постучался къ намъ.

— Come in! *)

---

*) Войдите.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ. Ему было лѣтъ 25, по наружности его можно было принять за американца. Онъ былъ высокъ ростомъ, чрезвычайно тонокъ, съ темными, коротко остриженными волосами, рыжими усами и чахоточнымъ видомъ. Почти дѣтски наивной казалась его улыбка, между тѣмъ какъ глаза были глубоки и серьезны.

Лаура нервно вскочила и познакомила насъ.

— Sir Велькенъ, нашъ русскій изъ Одессы; моя подруга, Елена Сергѣевна Толимова изъ Петербурга.

«Посмотримъ, что̀ это за птица?» подумала я, усаживаясь поудобнѣе въ качалку и пристально разсматривая его.

— Ну, воскликнула Лаура:—были мы на выставкѣ картинъ. И ничего вѣдь не понимаютъ ваши американцы въ искусствѣ! Только и внушаетъ имъ цѣна. Если картина сто̀итъ 5,000— она хороша, если та же картина сто̀итъ 20, она— дрянь...

— Well, но я думаю, что...

— Пожалуйста, не начинайте всѣ ваши фразы съ well, сказала Лаура: — терпѣть этого не могу; нѣтъ ничего противнѣе, какъ мѣшать языки. Если хотите, будемъ говорить по-англійски.

— Ахъ, нѣтъ, воскликнула я: — мнѣ такъ пріятно слушать русскую рѣчь и самой чувство-

вать русскія слова во рту. Я такъ безъ нихъ соскучилась за это время!

Темные глаза Велькена скользнули по мнѣ и остановились на Лаурѣ.

— Все-то вы критикуете, miss Лаура: ничѣмъ вамъ не угодишь.

— Ужъ конечно не американцами! сказала она задорно.

— Чѣмъ они-то не хороши?

— Не знаю, въ нихъ чего-то недостаетъ, они, знаете ли кто? Хорошія, можетъ быть даже добрыя машины!

Она встала и, подойдя къ фортепіано, тихо взяла нѣсколько аккордовъ.

— Я знаю, вдругъ воскликнула она,—я знаю, чего имъ недостаетъ: въ ихъ душѣ нѣтъ музыки.

— Вы бы лучше что-нибудь сыграли, чѣмъ разбирать характеръ американцевъ, сказалъ Велькенъ съ досадой.

Она улыбнулась и начала играть, но посреди пьесы вдругъ встала и подошла къ нему.

— Ну, сознайтесь, что въ нихъ нѣтъ музыки!

Онъ опустилъ глаза и тихо вздохнулъ. Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

«Хоть бы онъ скорѣе ушелъ!» подумала я вставая и, нетерпѣливо пройдясь по комнатѣ, остановилась у открытаго окна. Толпа уже рѣдѣла. Множество маленькихъ мальчиковъ сновали между прохожими, выкрикивая на всѣ лады

имена вечернихъ газетъ. По случаю субботы хозяева магазиновъ модные и расфранченные выходили на улицу съ тазами и полотенцами и нисколько не стѣсняясь мыли окна.

Въ это время гдѣ-то невдалекѣ раздался страшный трескъ.

— Не пугайтесь, это сосѣднiй съ нами домъ собираются сегодня вечеромъ перевезти на другую улицу, равнодушно сказалъ Велькенъ.

Лаура суетливо заходила по комнатѣ; казалось, она что-то обдумывала. Наконецъ, нервно потирая руки, она подошла ко мнѣ.

— Ужасный и несносный шумъ, неправда ли? Знаешь, Лулу, у тебя разболится голова: ты бы лучше прошлась, увѣряю тебя... вотъ можетъ быть съ Ольгой? А мнѣ надо еще кое-что дописать, и я потомъ также пройдусь...

«Гм! Это что-то совсѣмъ новое! подумала я.— Она выживаетъ насъ!»

— Отлично, сказала я весело: — что касается меня, то я съ удовольствiемъ прогуляюсь.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были съ Ольгой уже на улицѣ. Весь тотъ вечеръ мы провели съ нею на берегу бушующаго Мичигана. Грозные сѣрые валы, ярко освѣщенные электричествомъ, съ шумомъ разбивались о гранитъ высокой набережной. Мы сѣли на скамейку и долго молчали. Наконецъ я попросила Ольгу системати-

чески разсказать мнѣ все случившееся съ ними, съ самаго дня нашей разлуки.

— Отъ Петербурга до Любека, начала она своимъ тихимъ точно таинственнымъ голосомъ:— мы ѣхали прямо на палубѣ, вмѣстѣ съ тремя медвѣдями. Больше не было пассажировъ третьяго класса. Холодъ и буря были страшные. Матросы сжалились надъ нами и сдѣлали намъ изъ досокъ что-то въ родѣ конуры, въ которую мы и влѣзли. Лаура ужасно страдала морской болѣзнью. Она почти безъ сознанія лежала на моихъ колѣняхъ, и время отъ времени я вливала ей въ ротъ нѣсколько капель рому, который, къ счастью, былъ у меня съ собою. Еслибы не онъ, мы простудились бы до смерти. Медвѣди также были очень больны: они ревѣли и рычали такъ ужасно, что мнѣ каждую минуту казалось, будто они сорвались съ цѣпи и идутъ на насъ... Разъ ночью къ намъ влѣзъ одинъ изъ матросовъ. Онъ былъ пьянъ и требовалъ у меня водки. Минута была ужасная. Лаура только что задремала, мнѣ не хотѣлось будить ее, а матросъ съ угрозами приближался все ближе и ближе. — «Подойди, подойди еще ко мнѣ», сказала я вдругъ совершенно покойно,—«я угощу тебя... только не водкой, а шестью пулями, которыми заряженъ мой револьверъ!» Послѣ моихъ словъ матроса какъ вѣтромъ смело, а я зато какъ въ лихорадкѣ дрожала отъ страха до самаго утра. Наше

адское путешествіе длилось трое сутокъ. Въ Любекѣ мы сѣли на желѣзную дорогу и черезъ нѣсколько часовъ были въ Гамбургѣ, гдѣ попали на очень хорошій пароходъ. Къ сожалѣнію, онъ довезъ насъ только до Англіи, гдѣ насъ высадили и присоединили къ другой партіи эмигрантовъ. Тамъ насъ по какому-то городу гнали по улицѣ, какъ барановъ, отъ одной пристани до другой. Что̀ это было за позорное шествіе! Всѣ прохожіе останавливались и смотрѣли на насъ. Вѣтеръ сорвалъ съ Лауры шляпу; она шла съ растрепанною головою. Еслибы вы знали, какъ она была зла и какъ мы были довольны, когда наконецъ попали на пароходъ, на наши нары въ третьемъ классѣ. Ѣхать было ничего себѣ. Маленькій матросикъ Джонни, потихоньку отъ другихъ, отлично кормилъ насъ. Мнѣ кажется, онъ питалъ ко мнѣ маленькую симпатію. Одинъ англичанинъ разъ вздумалъ обнять меня, но я молча вытащила свой финскій ножикъ изъ-за пояса. Тогда онъ отскочилъ, и насъ всѣ послѣ этого очень уважали. Въ холодные дни мы ходили грѣться у машины и разговаривали съ кочегаромъ. Онъ былъ американецъ и принималъ въ насъ большое участіе. Онъ совѣтовалъ намъ сѣсть въ Нью-Іоркѣ на спеціальный поѣздъ для эмигрантовъ и, доѣхавъ на немъ за долларъ до Чикаго, искать уже тамъ занятій. Мы такъ и сдѣлали. Пріѣхавъ въ Чикаго, мы наняли под-

воду для нашихъ вещей и попросили извощика отвезти ихъ въ какую нибудь недорогую меблированную комнату. Онъ былъ такой добродушный, уговорилъ насъ сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на козлы и сказалъ, что постарается устроить насъ у хорошихъ людей, и мы поѣхали втроемъ. Много комнатъ смотрѣлъ онъ для насъ, и все хозяева ему не нравились. Онъ боялся довѣрить насъ имъ... Наконецъ, эта нѣмка, у которой мы теперь живемъ, показалась ему почтенной женщиной, и онъ нанялъ намъ комнату: посуточно за 50 центовъ, а помѣсячно за 10 долларовъ. За свои труды онъ ничего не взялъ сверхъ таксы и, знаете, они даже здѣсь не имѣютъ понятія о томъ, что̀ значитъ получить на чай. У нѣмки мы тогда прожили не долго, сейчасъ же нашли въ газетахъ объявленіе, что требуется работница на одну ферму, и написали туда. Къ намъ пріѣхалъ господинъ—самъ хозяинъ—за условіями. Мы сказали ему, что мы еще очень неопытны и просимъ, чтобы онъ взялъ насъ обѣихъ. Онъ согласился, и мы поѣхали къ нему. Тамъ мы жили такъ же, какъ и вы у своихъ Жиру. Хозяинъ былъ человѣкъ хорошій, но по вечерамъ онъ любилъ играть на органѣ, и такъ громко, знаете, что стѣны дрожали. Понемногу онъ началъ говорить, что мы внесли ему (онъ былъ холостъ) счастіе и свѣтъ на ферму и что безъ насъ ему жизнь кажется

болѣе невозможной. Началось ухаживаніе. Онъ сталъ нашимъ работникомъ; мы—госпожами. Но черезъ двѣ недѣли я все же умолила Лауру уѣхать, и мы вернулись къ нашей нѣмкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ все посылаетъ намъ чудные цвѣты и умоляетъ вернуться... Въ послѣднемъ письмѣ онъ просилъ моей руки. Ну, развѣ это не смѣшно?

— Очень. Ну, а потомъ?

— Ну, а потомъ... и Ольга задумалась. — А потомъ мы познакомились случайно съ русскими, и еслибъ Лаура только захотѣла, она могла бы черезъ нихъ пропасть заработать и переводами, и уроками музыки и языковъ. Здѣсь всѣ знанія оплачиваются великолѣпно. Но съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ началъ ходить Велькенъ, она стала играть роль аристократки, говоритъ, что ей никакой заработокъ не нуженъ. Вотъ мы и сидимъ на кашѣ... Я ретуширую, пишу декораціи для фотографовъ,—этимъ и живемъ...

— И что же, вы счастливы? Вы нашли то, чего искали?

Ольга ничего не отвѣтила.

Когда во второмъ часу мы вернулись къ себѣ, Лаура читала газету. Она имѣла наивно-веселый видъ. Мы улеглись спать втроемъ поперекъ огромной американской кровати: было довольно удобно.

На слѣдующій день Лаура ушла въ какую-то

редакцію, Ольга—къ фотографу. Я сѣла въ кресло и глубоко задумалась. Давно уже не была я въ такомъ бездѣйствіи, въ такой тишинѣ. Все случившееся съ самаго дня моего отъѣзда изъ Петербурга особенно ярко проходило передо мною: невольно думалось о результатахъ, слагались итоги пережитому...

Въ шесть вернулась Лаура и послѣ ужина опять куда-то ушла, обѣщаясь возвратиться къ девяти часамъ. Ольга была тиха и задумчива, и чѣмъ больше я всматривалась въ нее, тѣмъ болѣе замѣчала, что она какъ будто вся потухла и опустилась. Въ ея заплывшихъ глазахъ не было болѣе искры прежняго огня.

Мы долго сидѣли молча. Наконецъ, я не выдержала и вскочила съ своего мѣста.

— Что же это такое? воскликнула я.—Только и мечтала я съ вами видѣться, и вотъ что изъ этого вышло! Лаура куда-то убѣгаетъ, а вы какая-то точно въ воду опущенная.

Ольга взглянула на меня, и слезы вдругъ такъ и брызнули изъ ея глазъ.

— Пойдемте на чердакъ, прошептала она:— а то Лаура можетъ вернуться, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы она видѣла, какъ я плачу... только глумиться будетъ!...

Мы поднялись наверхъ и въ темнотѣ усѣлись на какія-то балки.

— Ну, скажите, что̀ съ вами? спросила я съ участіемъ.

— Вы, можетъ быть, будете смѣяться надо мною, медленно проговорила Ольга,—между тѣмъ, какъ я не борюсь съ своею тоскою, она все сильнѣе и сильнѣе давитъ меня: на сердцѣ точно камень!

— Но отчего же, отчего?

— Америка меня душитъ, сказала она чуть слышно:—такъ душитъ, что и сказать не могу... Здѣсь все такъ ново, такъ цивилизованно, всюду послѣднее слово науки, а меня вотъ такъ и тянетъ изъ этихъ прямыхъ улицъ подъ нумерами въ какой-нибудь грязный итальянскій переулокъ, гдѣ солнце пятнами освѣщаетъ покрытыя плѣсенью вѣковыя стѣны домовъ. Здѣсь нѣтъ прошлаго, здѣсь нѣтъ искусства и фантазіи, здѣсь нѣтъ имъ и мѣста... И жизнь на фермѣ, и жизнь здѣсь—это все не то, все не то. Часто я прихожу сюда на чердакъ и, закрывъ глаза, грежу объ Италіи: мнѣ чудится Римъ, облитый итальянскимъ солнцемъ, чудятся развалины Колизея, Пантеонъ... и я вся дрожу отъ страстнаго желанія увидѣть ихъ... Помните, съ какимъ восторгомъ разсказывалъ намъ объ Италіи нашъ милый профессоръ Дроздовъ? И никакая бѣдность, никакія лишенія не могли бы испугать меня тамъ... Я питалась бы горячими каштанами и фруктами... Да, впрочемъ, акварели и наброски, которые тамъ

покупаютъ нарасхватъ, всегда дали бы мнѣ возможность существовать...

— А помните, мы вѣдь хотѣли помогать бѣднымъ? возразила я несмѣло.

— Конечно — да, воскликнула Ольга, оживляясь: — конечно да, но только такъ, просто, вотъ заработалъ — и подѣлился. Словомъ, коли есть, такъ возьми, я всегда дамъ съ удовольствіемъ, а эти соціальные вопросы, съ которыми вѣчно носится Лаура и о которыхъ такъ много толкуетъ Велькенъ,—я не могу ими увлекаться; можетъ быть, я и не понимаю ихъ, право не знаю...

— Что же, сказала я просто,—если вы чувствуете, что ошиблись, попавъ сюда, отчего же вы не исправите вашей ошибки?

— Ахъ, Елена! воскликнула Ольга. — Вѣдь только сегодня всѣ мои чувства такъ ясно вылились въ слова. Все это время я страдала смутно, порывами, и упрекала себя въ недовольствѣ и ограниченности, а какъ увидѣла васъ, такъ съ безумной силой проснулась во мнѣ любовь къ искусству... Вы такъ ярко напомнили мнѣ рисовальную школу, музеи, гдѣ мы бродили, Эрмитажъ... Помните, какъ мы увлекались Венерой Таврической. А Рембрандтъ? Помните его старушку? Ахъ, Боже мой, гдѣ же ты, сладкій міръ грезъ и творчества?

Въ это время вдали раздался голосъ Лауры.

Мы поспѣшно спустились внизъ. Она прозябла и просила чаю. Въ видѣ большого кутежа она принесла съ собою лимонъ. Этотъ лимонъ, большой и душистый, послѣ разговора съ Ольгой, особенно сильно возбудилъ мое воображеніе. Мнѣ такъ и чудилась Италія.

— «Connais tu le pays, où fleurit l'oranger»...*) протянула я съ чувствомъ.—Ты бы сыграла, Лаура, а?

Но Лаура почему-то играть не согласилась, и вскорѣ мы стали раздѣваться и снова очутились всѣ втроемъ поперекъ нашей большой кровати. Я рѣшительно не могла заснуть. Я чувствовала себя ужасно возбужденной; различныя мысли назрѣли въ головѣ, я должна была высказаться.

— Лаура, ты спишь? спросила я, наконецъ, шопотомъ.

— Нѣтъ, а что?

— Хочешь разговаривать?

— Давай!

— Такъ скажи мнѣ, что̀ мы теперь будемъ дѣлать?

— Какъ что? Вѣдь ты же еще въ Петербургѣ хотѣла жить среди добрыхъ людей и природы...

— Хотѣла, сказала я:—только тѣ люди, съ которыми я жила, правда, добрые, но все же у

*) «Ты знаешь ли край, гдѣ цвѣтетъ померанецъ?»

нихъ ровно тѣ же недостатки, что и у людей въ Петербургѣ. А вкусъ къ низшему, физическому труду, когда я способна на высшій, умственный, я за послѣднее время совсѣмъ утратила... Ты понимаешь,—и въ волненіи я сѣла на кровать:—я могу доить коровъ, мести дворъ, носить дрова только тогда, когда я проникнута убѣжденіемъ, что эта работа ведетъ меня впередъ, дѣлаетъ меня лучше. Разъ убѣжденіе это пропало, она мнѣ кажется такою же безполезною, какъ вышивать крестиками полотенца или выводить цвѣты на фарфорѣ. Что же касается бѣдныхъ, то они всегда будутъ ненавидѣть богатыхъ, такъ какъ послѣдніе уже достигли того, къ чему первые только стремятся. Они всѣ—эти низшіе классы—хотятъ сдѣлаться такими же людьми, какъ мы, и они правы, такъ какъ стремятся впередъ. Но мы, которые отвергаемъ преимущества нашего воспитанія, отрекаемся отъ нашихъ знаній и талантовъ и насильно премъ назадъ, мы не только неправы, но мы даже неестественны. Если фермеровъ приводила въ восторгъ моя рука, то, восторгаясь, они опять-таки были совершенно правы: вѣдь красота руки и ноги культивировалась поколѣніями, точно такъ же, какъ культивировались и воспитывались въ насъ каждый мускулъ, каждый нервъ, каждое чувство!

Произнося эти слова, я думала, что Лаура накинется на меня со злобой, но она въ отвѣтъ

только насмѣшливо и будто даже радостно разсмѣялась.

— Что же ты теперь будешь дѣлать, интересно знать?

«Что я буду дѣлать?» Этого я сама еще не знала. Высказывая свои новыя убѣжденія, я сперва смутно, а потомъ все яснѣе и яснѣе сознавала, что, здраво и логично судя, мое пребываніе въ Америкѣ теряло для меня всякій смыслъ. И это сознаніе какъ ножемъ полоснуло сердце.

— Нѣтъ ли у васъ коньяку? спросила я вдругъ Ольгу.

— Есть, сказала она.—Когда на фермѣ у меня была лихорадка, хозяинъ мнѣ цѣлую бутылку подарилъ.

— Только, пожалуйста, налейте въ стаканъ и побольше.

Я жадно выпила нѣсколько глотковъ.

Пріятное тепло согрѣло желудокъ и медленно разбѣжалось по всѣмъ членамъ.

— Какъ чудно! нельзя ли еще? Лаура, пей и ты? Неужели же ты не хочешь?

Лаура сѣла на кровать и протянула за стаканомъ руку; на лицѣ ея играло какое-то совсѣмъ особенное выраженіе затаенной радости, которое она какъ будто старалась скрыть.

Она выпила съ видимымъ удовольствіемъ и съ любопытствомъ посмотрѣла на меня.

— Лаура, сказала я медленно,— чтобы совер-

шить операцію, ты знаешь, даютъ наркотики, иначе человѣкъ не выдержитъ пытки. Дай же мнѣ опьянить себя чудными мелодіями, дай моимъ мечтамъ и иллюзіямъ умереть подъ тѣ звуки, подъ которые онѣ зародились, жили и цвѣли!..

Лаура сѣла за фортепіано; тихо заплакали созвучія знакомаго ноктюрна...

Я уткнулась головой въ подушку.

Я страдала такъ, какъ только можно страдать въ молодости, когда впервые холодный умъ и суровая дѣйствительность вступаютъ въ свои права.

. . . . . .

На слѣдующій день, ужасное слово: «я должна вернуться», было наконецъ произнесено.

— Денегъ у меня хватитъ какъ разъ на два билета въ третьемъ классѣ, сказала я Ольгѣ.—Доѣдемте вмѣстѣ до Италіи, а оттуда я буду телеграфировать домой, чтобы мнѣ выслали на дорогу...

Ольга молча бросилась въ мои объятія. Къ великому нашему удивленію, Лаура рѣшила ѣхать съ нами. У нея также было довольно денегъ на третій классъ.

Въ одной изъ пароходныхъ конторъ намъ сказали, что черезъ три дня изъ Нью-Іорка отходитъ въ Неаполь огромный итальянскій пароходъ: «Готтардо». Мы поспѣшили уложиться и тотчасъ же отправились въ путь. Передъ отъѣздомъ Лаура о чемъ-то долго говорила съ Велькеномъ.

———

XVI.

Und es wallet und siedet und brauset und zischt,
Schiller (Der Taucher).

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо, ты дышешь, смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Жуковскій.

«L'amour, l'amour!...»
Изъ Карменъ.

Мы пріѣхали въ Нью-Іоркъ въ 9 часовъ утра и отправились пѣшкомъ къ пароходной пристани на противоположную сторону города. Наши вещи были очень тяжелы. Мы съ трудомъ тащили ихъ. Узкое пальто Лауры, окончательно выцвѣтшее, рѣзко обрисовывало ея животъ, раздутый кашей. Толстыя щеки Ольги не гармонировали съ маленькой шляпой на ея головѣ. Моя кофта съ побѣлѣвшимъ, растянутымъ воротникомъ казалась очень потертой. Было воскресенье. Въ воздухѣ стоялъ колокольный звонъ

При первыхъ лучахъ восходящаго солнца я шла въ загонъ...

и нарядная толпа спѣшила въ церковь. Съ удивленіемъ осматривали насъ встрѣчные, и въ спину намъ полетѣло нѣсколько насмѣшекъ. Я шла, какъ на горячихъ угольяхъ. Огромный плэдъ билъ меня подъ колѣни. Минутами мнѣ казалось невозможнымъ долѣе выносить эту пытку...

Послѣ часовой ходьбы мы наконецъ миновали богатые кварталы и вошли въ сутолоку шумнаго Бруклина. Мы вздохнули свободнѣе и за уступомъ какого-то большого дома сложили на минуту нашъ багажъ.

На пристани ожидало насъ огромное разочарованіе: отъѣздъ парохода былъ отложенъ на сутки. Съ бранью и проклятіями толпились всюду эмигранты, многіе собирались расположиться тутъ же на площади, въ ожиданіи слѣдующаго утра; но полицейскіе разогнали ихъ.

Боже мой, куда же было намъ дѣваться?

Къ нѣмецкому пастору нечего было и думать идти, такъ какъ въ сутки у него брали по доллару съ человѣка, а съ нами всего было полтора доллара и три неразмѣненныхъ франка. Послѣ продолжительнаго совѣщанія мы рѣшили сдать наши вещи въ контору и пойти на весь день бродить по Центральному парку, а вечеромъ зайти переночевать въ какую нибудь дешевую гостинницу. Усталыя и голодныя, мы съ трудомъ дошли до парка и, съ наслажденіемъ опустив-

шись на первую попавшуюся скамейку, принялись съ жадностью за купленный по дорогѣ ситный хлѣбъ. Было всего около часу дня; отъ безсонной ночи клонило ко сну, знобило. Но задремать не было никакой возможности, съ каждой минутой паркъ становился все оживленнѣе, залитыя асфальтомъ дорожки наполнялись гуляющими. Интересны были разноцвѣтныя няньки (негритянки и японки) съ хорошенькими бѣлыми дѣтьми на рукахъ. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, мы встали со скамьи и пошли дальше. Центральный паркъ огроменъ: онъ занимаетъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ.

Въ тотъ день, показавшійся мнѣ самымъ длиннымъ днемъ въ моей жизни, мы обошли его вдоль и поперекъ, удивляясь его красотѣ и разнообразію. Онъ служитъ мѣстомъ моднаго катанья и гулянья. Въ четыре часа по главной аллеѣ потянулись нарядные экипажи всевозможныхъ фасоновъ и упряжекъ. Между экипажами мелькали велосипеды, по боковымъ аллеямъ тянулись кавалькады. Можно себѣ представить, какими оплеванными и затертыми мы чувствовали себя среди этой обстановки!

— Однако, мы беремъ очень полезный урокъ, сказала я:—мы переживаемъ обращикъ того, что чувствуетъ голодный пролетарій, сталкиваясь съ роскошью, и можемъ теперь не только понять, но и простить его озлобленіе.

— Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ незачѣмъ пережевывать то, что я давно знаю, злобно проворчала Лаура.

Къ шести часамъ вечера стало сильно свѣжѣть, мы продрогли до костей и три раза заходили въ дамскую уборную. Не смотря на ѣдкій воздухъ, пропитанный дизенфекціей, мы считали за счастье хоть немного обогрѣться въ ней. Въ четвертый разъ мы не рѣшились зайти, боясь сторожихи, которая и такъ уже подозрительно оглядывала насъ. Въ 8 мы наконецъ вышли изъ парка и отправились по ярко освѣщеннымъ улицамъ искать себѣ на ночь пріюта. Толпа гуляющихъ была такъ густа, что мы только самымъ медленнымъ шагомъ могли подвигаться впередъ. Между экипажами тянулись огромные фургоны съ рекламами, на которыхъ трубили полишинели, бросая въ народъ даровые билеты на всевозможныя представленія.

Но меня рѣшительно ничего не интересовало: отъ усталости я едва передвигала ноги, глаза слипались. Пробравшись, какъ во снѣ, между дышлами и лошадиными мордами черезъ какую-то улицу, я оглянулась и увидѣла, что съ нами не было болѣе Ольги.

— Лаура! воскликнула я дико:—гдѣ же она?

Мы бросились назадъ, сонъ и усталость исчезли безслѣдно, вихремъ неслись въ головѣ мысли, отъ которыхъ холодѣло сердце.

*

Въ Нью-Іоркѣ болѣе трехсотъ пристаней, Ольга не знала даже имени нашего парохода... Что должна была она переживать, затерянная среди этой огромной толпы, не имѣя ни гроша денегъ, едва понимая англійскій языкъ.

Болѣе часу метались мы взадъ и впередъ и рѣшились, наконецъ, отправиться къ русскому консулу, чтобы заявить о случившемся. Лаура посовѣтовала зайти въ ближайшую аптеку и попросить тамъ адресную книгу. Такъ мы и сдѣлали, но едва мы вышли изъ дверей аптеки, какъ увидѣли въ нишѣ за большой колонной испуганную, блѣдную Ольгу. Въ изнеможеніи прислонилась она къ стѣнѣ, и на глазахъ ея сверкали крупныя слезы. Во всей ея фигурѣ было что-то до того безпомощное и трогательное, что сердце мое дрогнуло не только отъ счастья, но и отъ переполнившей его нѣжности. Мы обнялись, какъ послѣ долгой, долгой разлуки, и снова радостныя, втроемъ уже, вернулись въ аптеку, прося дать намъ адресъ какой нибудь дешевой гостинницы. Наше радостное настроеніе, какъ это часто случалось, отразилось на строгомъ лицѣ стараго нѣмца. Онъ одѣлъ очки и, скрывая улыбку, сталъ перелистывать книгу.

— Вотъ, сказалъ онъ наконецъ:—идите въ 144 улицу до 728 номера, заверните за уголъ и увидите гостинницу: «Золотое Кольцо», — тамъ

тихо, прилично, вы можете совершенно спокойно остановиться въ ней.

Мы поблагодарили его и съ новыми силами пошли дальше, но мысль, что насъ не пустятъ за долларъ, грызла насъ всю дорогу. Дѣло, однако, обошлось гораздо лучше, чѣмъ мы думали: съ насъ взяли только 90 центовъ, по 30 съ каждой, и, поднявъ насъ на лифтѣ въ одиннадцатый этажъ, указали на крошечную комнату съ одной широкой кроватью, на которую мы тотчасъ въ изнеможеніи свалились. Ольга собралась было описать намъ свой ужасъ, когда толпа оттерла ее отъ насъ, но языкъ рѣшительно не повиновался ей. Вскорѣ погрузились мы въ тяжелый, граничившій съ бредомъ сонъ, а на слѣдующее утро въ 8 часовъ мы были уже на пристани. Въ 12 съ парохода спустили трапы и повторилась уже знакомая намъ сцена озвѣренія толпы. 800 эмигрантовъ въ какомъ-то безуміи лѣзли впередъ, немилосердно толкая другъ друга. Мы вошли послѣдніе и разыскали себѣ мѣста въ небольшомъ отдѣленіи 3-го класса — Лаура и я рядомъ на нижнихъ нарахъ, Ольга на верхнихъ. Не только наши спутники, но и всѣ почти пассажиры 3-го класса состояли изъ итальянскихъ эмигрантовъ, уже разбогатѣвшихъ, возвращавшихся послѣ многихъ лѣтъ на родину.

Въ 4 часа мы двинулись въ путь. День былъ жаркій, парило; по морю безшумно катились

круглыя безмолвныя волны, тяжелыя облака мѣстами покрывали небо; надъ силуэтомъ исчезавшаго вдали Нью-Іорка блеснула молнія. Какъ только мы вышли въ открытое море, поверхность его тотчасъ измѣнила свой характеръ,—поднялся вѣтеръ, запѣнились и зашумѣли волны. На пароходѣ поднялась усиленная работа. Спустили паруса, согнали внизъ всѣхъ пассажировъ 3-го класса и досками заколотили всѣ выходы; очевидно, готовились къ бурѣ. Матросы казались сосредоточенно-угрюмыми. Особенно усердно работалъ маленькій косматый итальянецъ, на низкихъ кривыхъ ногахъ необыкновенно напоминавшій лубочныя изображенія дьявола. Его звали Ахиллесомъ.

Боясь быть закупоренными вмѣстѣ съ другими въ третьемъ классѣ, мы проскользнули на палубу подъ мостикъ дежурнаго офицера и оттуда любовались красивыми эффектами океана. Только Лаурѣ становилось что-то не по себѣ.

— Хоть бы сѣсть куда нибудь, проговорила она, оглядываясь.

Какъ разъ въ эту минуту на насъ пахнуло духами, и мимо насъ прошелъ одинъ изъ пароходныхъ офицеровъ. Онъ угадалъ мысль Лауры и, приподнявъ фуражку, почтительно проговорилъ.

— Subito, subito, signorina*).

---

*) Сейчасъ, сейчасъ, сударыня!

Черезъ нѣсколько минутъ Чортъ (Ахиллесъ) принесъ намъ три складныхъ табурета. Въ знакъ благодарности, мы весело кивнули поднявшемуся на мостикъ, очевидно для дежурства, любезному офицеру. На видъ ему было не болѣе 23-хъ лѣтъ. Онъ былъ строенъ и красивъ, весело и наивно смотрѣли голубые глаза его, свѣтлые волосы вились мелкими колечками.

Между тѣмъ въ темныхъ тучахъ, постепенно накопившихся надъ нашими головами, засверкала молнія и раздался оглушительный ударъ грома. Сильный порывъ вѣтра завылъ въ снастяхъ. Разразилась сильнѣйшая гроза; увеличивалось съ каждой минутой и волненіе. Солнце, прорываясь секундами сквозь тучи, освѣщало изумрудныя бездны, въ которыя, треща и содрогаясь, летѣлъ «Готтардо».

Душа моя въ этотъ вечеръ пережила то безграничное, широкое чувство свободы, насытилась той красотой, тѣмъ счастьемъ бытія, о которыхъ тоскуетъ она въ оковахъ скучныхъ буденъ, блѣдные отголоски которыхъ звучатъ въ унылой пѣснѣ, грезятся въ нѣгѣ весеннихъ сумерекъ. Минутами я какъ бы сливалась съ природой, мнѣ хотѣлось вмѣстѣ съ волнами скатиться въ безпредѣльный океанъ и умереть въ ихъ алмазныхъ брызгахъ.

Я знала также, что красивый офицеръ наблюдалъ за мною съ высокаго мостика и была

увѣрена, что храбрость моя приводить его въ восторгъ. Невдалекѣ отъ меня, также крѣпко держась за желѣзную рѣшетку борта, стояла Ольга. Лаура, обхвативъ одну изъ снастей, страдала морской болѣзнью.

Передъ самымъ закатомъ, солнце еще разъ на минуту показалось на горизонтѣ. Я видѣла, какъ офицеръ смотрѣлъ на него въ бинокль, потомъ онъ сошелъ съ мостика и спустился въ каюту. Черныя тучи заволокли горизонтъ, вскорѣ стало совсѣмъ темно. Ползкомъ, цѣпляясь за всѣ попадавшіеся подъ руки предметы, помогли мы Лаурѣ добраться до будки рулевого и попросили у него позволенія немного остаться въ ней; онъ молча кивнулъ въ знакъ согласія головой. Буря усиливалась, пароходъ наклонялся такъ сильно, что висѣвшій посерединѣ фонарь то вправо, то влѣво приближался къ потолку и трепеталъ на немъ.

Лаура очень страдала; Ольга сѣла съ нею рядомъ на полъ и положила ея голову къ себѣ на колѣни; но какъ разъ въ эту минуту на порогѣ появилась высокая фигура капитана.

— Къ сожалѣнію, здѣсь не позволено сидѣть, сказалъ онъ по-французски.—Тутъ со мною матросы; они могутъ отнести васъ на ваши мѣста, если вы будете столь любезны указать ихъ.

— Мы ѣдемъ въ третьемъ классѣ, сказала я, краснѣя.

— Въ третьемъ классѣ? Но вамъ невозможно идти въ этотъ ужасъ! Во второмъ есть нѣсколько пустыхъ мѣстъ: очень прошу васъ воспользоваться ими!

— Смотрите, милостей ни за что въ мірѣ не принимать! воскликнула я по-русски и принялась горячо благодарить капитана за его любезное предложеніе, сожалѣя о невозможности воспользоваться имъ.

Онъ сдвинулъ брови.

— Прошу васъ рѣшаться скорѣе, а то нельзя будетъ пройти.

Я повторила свои слова.

Тогда въ будку вошли три матроса, похожіе на привидѣнія въ черныхъ кожаныхъ костюмахъ съ острыми копюшонами на головахъ.

Получивъ приказаніе взять насъ на руки (я очутилась на груди косматаго Чорта), они вышли изъ будки и съ величайшей осторожностью начали пробираться по палубѣ. Набѣгавшія на нее большія волны ежесекундно грозили смыть насъ. Лаура почти лишилась сознанія, капитанъ поддерживалъ ея голову. Минутъ черезъ 5 мы добрались до потайной двери, которую капитанъ съ трудомъ пріотворилъ. Матросы поспѣшно просунули насъ въ нее. По крутой лѣстницѣ спустились мы въ III-й классъ, и глазамъ нашимъ представилась уже разъ пережитая мною ужасающая картина морской болѣзни. Сотни людей,

въ перемежку со стонами и проклятіями, издавали отвратительнѣйшіе звуки. Ужаснѣйшія брызги летѣли отовсюду. Ежесекундно съ шумомъ падали съ наръ различныя вещи. Пароходъ трещалъ. Въ воздухѣ чувствовалась паника. Вдвоемъ съ Ольгой дотащили мы Лауру до ея койки. Началась длинная, безконечно длинная ночь. Отъ безпрерывной качки кровь мучительно приливала къ головѣ. Въ нашемъ отдѣленіи особенно страдали дѣти. Съ верхнихъ наръ изъ щелей неплотно сколоченныхъ досокъ тянулись длинныя нити слюней. Я сложилась комочкомъ и, прикрывшись плэдомъ, старалась не думать объ окружающемъ. Оно было ужасно, и, не смотря на то, я съ какимъ-то радостнымъ трепетомъ прислушивалась къ совершенно мнѣ новому, свѣтлому чувству, зарождавшемуся гдѣ-то глубоко-глубоко въ нѣдрахъ моего сердца.

Къ утру буря стихла. Въ 7 часовъ наверху послышался стукъ; матросы отбивали доски у входовъ и эмигранты съ радостными криками бросились наверхъ. Мы немедленно послѣдовали ихъ примѣру, но, взглянувъ другъ на друга при дневномъ свѣтѣ, мы ахнули отъ ужаса. Наши платья казались жеванными, а лица, Боже мой, лица—распухшія, посинѣвшія, въ рубцахъ и складкахъ! Вѣки Лауры затекли и покраснѣли. Вдали показался нашъ вчерашній офицеръ. Я стремглавъ бросилась внизъ и рѣшила лучше за-

дохнуться въ ужасной атмосферѣ III-го класса, чѣмъ показаться ему въ такомъ видѣ.

Вскорѣ вернулись и Ольга съ Лаурой.

Я предложила имъ проводить лучше ночи на палубѣ, а днемъ оставаться внизу. Вскорѣ къ намъ спустили холщевую трубу для воздуха; явились Чортъ и долговязый матросъ Пеппе чистить и дезинфецировать помѣщеніе.

Мы легли на койки, и спутники наши тотчасъ же начали знакомиться съ нами. Къ сожалѣнію, они говорили на провинціальныхъ нарѣчіяхъ и съ трудомъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ, такъ что даже Лаура едва понимала ихъ. Мое вниманіе особенно притягивала одна молодая красивая женщина Италія, помѣщавшаяся какъ разъ противъ меня. Все время возилась она со своими дѣтьми. Старшаго, пятилѣтняго Данте она нарядила сверхъ грязной одежды въ бархатную куртку и тщательно стала завивать ему бумажными папильотками волосы, обильно смачивая ихъ слюной. Лице Данте принимало самыя плачевныя выраженія, онъ визжалъ и извивался, за что мать сочно и ловко шлепала его, приговаривая что-то пріятнымъ груднымъ голосомъ. Другія дѣти, въ ожиданіи туалета, играли на полу корками и косточками апельсиновъ, которыя они брали въ ротъ и сосали. Часа въ три къ Италіи пришелъ въ гости знакомый,—плотный итальянецъ лѣтъ сорока съ лоснящимся кра-

сивымъ лицомъ. Всѣ наши спутники сразу замахали руками и, окруживъ его, забросали вопросами. Онъ долго и вдумчиво слушалъ ихъ, потомъ, улегшись на постель онъ подперся локтемъ и принялъ картинную позу.

— Mesdemoiselles, — проговорилъ онъ, торжественно обращаясь къ намъ: — все общество крайне сожалѣетъ, что не можетъ вести съ вами бесѣды и уполномочиваетъ меня (je viens vous demander en plènipotentiaire) спросить васъ, какъ ваши фамиліи и откуда вы ѣдете? Будучи вполнѣ увѣренъ, что вы владѣете французскимъ языкомъ, я беру на себя смѣлость передать вамъ это порученіе и льщу себя надеждой, что вы удостоите общество отвѣтомъ.

Мы переглянулись.

— Настоящихъ фамилій не говорить, — поспѣшно проговорила я по-русски: — выдумаемте что-нибудь необыкновенное.

— Мы возвращаемся съ мыса Доброй Надежды, — громко и спокойно отвѣтила по-французски Лаура: — гдѣ проповѣдывали христіанство огнепоклонникамъ. Мы три кузины, и фамилія наша Швабра.

Ея слова произвели огромный эффектъ: итальянецъ отъ удивленія даже сѣлъ на кровать по турецки и, быстро снявъ свой красный беретъ, попросилъ позволенія представиться.

— Микель-Анджело Барберини, спеціалистъ

по выдѣлкѣ сосисекъ, родомъ изъ Рима, житель южной Франціи.

Мы почтительно поклонились ему, а онъ началъ съ жаромъ переводить наши слова. Что это начался за шумъ, что за возгласы! Данте даже подавился косточкой, и Микель-Анжело пришлось сунуть ему въ ротъ свой огромный указательный палецъ; операція удалась немедленно, и снова начались самые жаркіе толки. Итальянка, быстро пеленая свою крошечную Карменъ, внимательно прислушивалась къ разговорамъ:

— Schwabrra, Schwabbra,—бормотала она, una buona famiglia... si vede!

Черезъ нѣкоторое время Микель-Анджело остановилъ говоръ величественнымъ движеніемъ руки.

— Общество желало бы знать, почему вы сегодня не желали прикоснуться не только къ обѣду, но даже и къ кофе?

— Ради Бога, не говорите только, что мы брезгуемъ,—поспѣшно сказала я.

— Отъ того, что мы принадлежимъ къ сектѣ, которая питается исключительно бѣлымъ хлѣбомъ и виномъ,—отвѣтила Лаура.

Микель-Анджело перевелъ наши слова.

Весь день потомъ наши спутники водили своихъ знакомыхъ смотрѣть на насъ. Нѣсколько разъ мы вставали и прохаживались по другимъ

отдѣленіямъ III-го класса. Въ этомъ ужасномъ зловоніи и тѣснотѣ всюду уже ключемъ била южная жизнь. На нарахъ пестрѣли яркія одежды и тряпки, нѣкоторыя женщины наряжались въ національный костюмъ или передъ крошечными зеркалами прилаживали серебряныя украшенія; мужчины, надвинувъ шляпы на глаза, величественно драпировались въ грязныя пароходныя одѣяла, и вдругъ, неожиданно среди оживленнаго смѣха и говора, звучала гитара, или бархатный теноръ страстно выводилъ какую-нибудь знакомую музыкальную фразу.

Часовъ въ 6 мы вышли на палубу; вечеръ былъ темный, звѣды ярко сверкали. Самыя крупныя — нѣжными свѣтовыми столбами отражались въ водѣ. Мы сѣли на трюмъ и съ величайшимъ наслажденіемъ вдыхали свѣжій воздухъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лѣстница вела внизъ, въ столовую перваго класса. Оттуда тянуло вкуснымъ кушаньемъ, цвѣтами, виномъ.

Мы были очень голодны: небольшая порція затхлаго бѣлаго хлѣба не могла насытить насъ. Въ дверяхъ показался чей-то силуэтъ. Это былъ нашъ знакомецъ: красивый, молодой офицеръ. Онъ прошелъ медленно мимо насъ, приподнявъ фуражку.

Нѣкоторое время спустя какъ изъ-подъ земли выросъ передъ нами Чортъ. Въ неуклюжихъ рукахъ онъ держалъ огромный подносъ, на кото-

ромъ свѣча въ стеклянномъ абажурѣ освѣщала вкусный и разнообразный ужинъ.

— Что это?

— Кушать не желаете? Я тутъ и поставлю, проговорилъ Чортъ на красивомъ тосканскомъ нарѣчіи.

— Это вѣрно офицеръ вздумалъ насъ объѣдками кормить, равнодушно сказала Ольга.—Неужели же мы примемъ отъ него эту милость?

— Конечно, нѣтъ, воскликнула я, возмущаясь:—конечно, нѣтъ!

Глаза Лауры жадно скользнули по блюдамъ.

— Не понимаю вашей неумѣстной гордости; если дураки присылаютъ—надо брать.

Но я не сдалась.

— Скажите тѣмъ, кто прислалъ, что мы отъ души благодаримъ, но не можемъ воспользоваться любезнымъ вниманіемъ, такъ какъ недавно ужинали,— обратилась я по-французски къ Чорту.

Повидимому, онъ понялъ меня и, пробурчавъ что-то, снова исчезъ съ подносомъ въ темнотѣ.

Разногласіе испортило наше настроеніе. Молча, просидѣли мы остатокъ вечера, глядя въ разныя стороны.

На другой день Микель-Анджело съ утра пришелъ въ гости на койку къ Италіи. Онъ захватилъ съ собою гитару и, перебирая струны, бросалъ въ нашу сторону выразительные взгляды.

Очевидно, ему хотѣлось разговаривать съ нами; но мы были нѣмы, какъ рыбы.

Потомъ онъ исчезъ куда-то и черезъ нѣкоторое время принесъ намъ корзину великолѣпныхъ мандариновъ.

— Опять подачка изъ того же источника!— проговорила Ольга съ своей вышки.

И мы съ гордостью отвергли и этотъ даръ.

Вечеромъ, едва только мы вышли на палубу, къ намъ тотчасъ подошелъ нашъ знакомецъ и просилъ позволенія представиться.

— Conte Andrea la Rosa.

Андреа Лароза!.. моя первая любовь, моя юная греза, воздушная и нѣжная, какъ легкое облако на утреннемъ небосклонѣ.

Все наше путешествіе на «Готтардо» до сихъ поръ кажется мнѣ сномъ! И даже дни, проведенные на грязной койкѣ въ ужасномъ воздухѣ III-го класса, даже эта дѣйствительность, не соотвѣтствующая поэтическому настроенію души, имѣло какую-то особенную, мучительно жгучую прелесть.

Какъ хороши были теплые, лунные вечера, когда на палубѣ, подъ тихій плескъ волнъ, все кругомъ съ истинно южной нѣгой пѣло, играло и танцовало! Задорно, подъ темпъ тарантеллы, щелкали кастаньетки, страстно бряцали гитары, картинно слагались группы, эффектно освѣщенныя пятнами свѣта.

Андреа всѣ свои свободные отъ службы вечера проводилъ съ нами. Жестикулируя и увлекаясь, описывалъ онъ намъ свою чудную родину, декламировалъ стихи или говорилъ... впрочемъ, о чемъ говорятъ въ 25 лѣтъ въ лунныя ночи? О разбитыхъ кумирахъ, обманутыхъ надеждахъ, объ усталомъ сердцѣ, алчущемъ новой вѣры, новой любви...

Вниманіе, оказанное намъ юнымъ графомъ, тотчасъ же, конечно, было замѣчено. Микель-Анджело, сверкая, какъ кошка, хищными глазами, ползалъ невдалекѣ отъ насъ, стараясь подслушать наши разговоры; черноглазый пароходный докторъ, то и дѣло, съ особенно дѣловымъ видомъ проходилъ мимо, а старшій офицеръ, добродушный синьоръ Мазини, во время дежурства Андреа, приходилъ говорить намъ о немъ самыя лестныя вещи и даже нерѣдко, хитро подмигнувъ глазомъ, отправлялся на мостикъ, чтобы смѣнить его раньше времени.

О, этотъ Ponte dei sospiri (мостикъ вздоховъ), какъ ненавидѣлъ его Андреа и какихъ только фантастическихъ предлоговъ не придумывалъ онъ, чтобы хоть на минуту убѣжать съ него...

Наши спутники III-го класса также горячо интересовались нами. Они смотрѣли на насъ, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на свою собственность, и на свой ладъ любили и баловали насъ.

Когда поздно вечеромъ мы возвращались

внизъ,—на койкахъ поднимался невѣроятный гамъ. Если кто стоялъ на нашей дорогѣ, ему оглушительно со всѣхъ сторонъ приказывали отойти. Женщины ласково кивали намъ головой, а мужчины говорили какіе-то комплименты на своемъ ломанномъ нарѣчіи.

Мужъ Италіи, тщедушный маленькій Элизео, каждые три-четыре дня приносившій воды въ тазикѣ и мывшій тряпочкой лицо своей жены и дѣтей, каждый разъ предлагалъ намъ свои услуги, а когда въ сумерки мы шли въ уборную, насъ сопровождать собиралась шумная многочисленная свита. Нѣсколько итальянцевъ, красиво набросивъ плащи, становились на дежурство у дверей уборной, и въ овальныя окна безъ стеколъ къ намъ по очереди просовывались головы: Будьте покойны, signorina! son'io (это я), мы никого не пустимъ къ вамъ!

Микель-Анджело, аккуратно появлявшійся каждое утро на койкѣ итальянки, ожидался всѣми со страстнымъ любопытствомъ. Таинственно шепчась, передавалъ онъ, конечно, по своему, подслушанные имъ наканунѣ разговоры. Не безъ волненія ожидался и Чортъ, приносившій намъ, по распоряженію капитана, ежедневно хорошаго краснаго вина и свѣжаго бѣлаго хлѣба, единственное, чѣмъ мы питались въ продолженіе трехъ недѣль.

На 17-й день нашего путешествія въ сумерки

показались вдали огоньки, а къ 10-ти часамъ вечера мы вступили въ Гибралтаръ, и передъ нами волшебной декораціей раскинулись облитые яркимъ луннымъ свѣтомъ скалистые берега Европы и Африки.

Лаура была страшно взволнована. Она увидѣла Испанію, родину Сарасате.

Средиземное море во все время нашего переѣзда было гладко, какъ зеркало. Вечерами поднимался туманъ; казалось, корабль летитъ въ серебристомъ эфирѣ. На третьи сутки мы подошли къ Ливорно и бросили якорь. Обычный шумъ машины смолкъ, тихо плескались волны.

Насталъ послѣдній вечеръ нашего пребыванія на «Готтардо».

Андреа, по дѣламъ службы, былъ посланъ въ городъ; но я не ложилась и ждала его.

Поздно вечеромъ, когда все кругомъ давно уже успокоилось, раздался наконецъ вдали шумъ веселъ, и вскорѣ маленькая лодочка причалила къ пароходу. Это былъ Андреа. Торопливыми шагами подошелъ онъ ко мнѣ. Я сидѣла, какъ всегда, на своемъ обычномъ мѣстѣ, но Лаура и Ольга уже ушли спать. Мы были въ первый разъ совершенно одни.

— Вы никогда не хотѣли ничего принять отъ меня, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Я привезъ вамъ скромное Евангеліе; не-

ужели и сегодня вы откажетесь взять отъ меня это скромное воспоминаніе?

И онъ съ мольбой опустился передо мною на колѣни. Я протянула ему руки, и, сжавъ ихъ, въ безумномъ порывѣ онъ припалъ къ нимъ лицомъ. На мнѣ были тѣ самыя поношенныя шерстяныя перчатки, надъ которыми, надвязывая ихъ, старушка Жиру проливала горькія слезы разлуки.

Теперь на нихъ упали слезы жгучей страсти.

— Я люблю тебя, Елена, прошепталъ Андреа:—я люблю тебя съ первой секунды нашей встрѣчи!

Въ это время невдалекѣ показался силуэтъ Чорта; его кривыя ноги ясно рисовались на горизонтѣ.

Андреа всталъ.

— И такъ, signorina, черезъ нѣсколько дней я разсчитываю получить отпускъ и имѣтъ счастье встрѣтиться съ вами въ Неаполѣ...

И еще разъ, крѣпко сжавъ мою руку, онъ передалъ мнѣ небольшую книжечку.

Мы разстались.

Это итальянское Евангеліе и шерстяныя перчатки до сихъ поръ хранятся у меня, какъ реликвіи молодости.

— Я люблю тебя, Елена!

XVII.

Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt.
Er ist dahin, der susse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube
Was einst so schön, so goettlich war.

Schiller (Die Ideale).

L'injure est une vieille habitude humaine.

V. Hugo.

На слѣдующее утро къ нашему «Готтардо» подъѣхало нѣсколько огромныхъ лодокъ, и эмигрантовъ партіями стали перевозить на сравнительно небольшой пароходъ «Седжиста», который долженъ былъ довезти насъ до Неаполя.

Отъѣзжая, мы видѣли издали Андреа, который съ высокаго мостика махалъ намъ платкомъ.

Микель-Анджело передалъ мнѣ отъ него букетъ фіалокъ и сказалъ, что сопровождаетъ насъ

до «Седжествы», чтобы тамъ устроить насъ поудобнѣе, такъ какъ пассажиры третьяго класса помѣщаются на открытой палубѣ, гдѣ нѣтъ даже скамеекъ для сидѣнья. Но это нисколько не смутило насъ. Мы поблагодарили его за хлопоты и просили не безпокоиться болѣе о насъ. На прощанье онъ далъ намъ свой адресъ, написанный на голубомъ листкѣ съ розой, и просилъ навѣстить его, если мы когда-нибудь заглянемъ въ Ниццу.

На новомъ пароходѣ было довольно-таки тѣсно. Всюду на полу размѣстились эмигранты. Мы взобрались на свернутый канатъ, и намъ казалось очень удобно просидѣть на немъ тѣ двое сутокъ, которыя намъ оставалось еще быть въ дорогѣ.

Капитанъ, правда, тотчасъ же сказалъ, что намъ немыслимо выдержать такую пытку и предложилъ, отъ имени графа Лароза, устроить насъ во второмъ классѣ; но мы, съ обычною гордостью, отвергли его предложеніе. Но за гордость пришлось намъ на этотъ разъ пострадать не мало. Наше 48-ми-часовое путешествіе представляется мнѣ какимъ-то ужаснымъ бредомъ. Только первые три-четыре часа мы бодро сидѣли на нашей вышкѣ и любовались южнымъ колоритомъ воды и неба. Потомъ солнце зашло. Подулъ острый сѣверный вѣтеръ. Начался холодъ, а съ нимъ и мучительный голодъ. На слѣдующее утро мы

были еле-еле живы. Главное желаніе было прилечь, —хотя на одну секунду прилечь. Едва помню, какъ мы промаялись этотъ день. Хорошо еще, что солнце хоть немного согрѣло насъ. Къ вечеру мы подошли къ Неаполю. Былъ сочельникъ, весь городъ былъ иллюминованъ. Надъ городомъ взвивались ракеты. Вдали свѣтился Везувій. Но любоваться этой картиной я была не въ силахъ. Глаза смыкались, голова падала на грудь. Стуча зубами отъ холода, я почти упала на палубу, крѣпко, однако, держа въ рукахъ букетъ фіалокъ. Какая-то добрая женщина сжалилась надо мною и накрыла меня своимъ теплымъ одѣяломъ. Понемногу я согрѣлась подъ нимъ. Цвѣты благоухали такъ чудно!... Я заснула мертвымъ сномъ.

На слѣдующее утро Ольга и Лаура разбудили меня. Имъ удалось согрѣться и уснуть недалеко отъ машины. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже садились въ маленькую лодочку, плавно качавшуюся на прозрачно-зеленыхъ волнахъ. Погода снова была чудная. Наши физическія страданія были кончены. Въ Неаполѣ мы остановились въ хорошей гостинницѣ, и я тотчасъ же телеграфировала домой съ просьбой выслать мнѣ на обратную дорогу денегъ.

Черезъ два дня посѣтилъ меня русскій консулъ. Мама̀ просила его узнать о моемъ здоровьи. На третій день мы зашли уже въ банкъ за

деньгами. Теперь мы могли ѣхать, но я медлила: Andrea вѣдь обѣщалъ навѣстить насъ въ Неаполѣ. Я видѣла, однако, что Ольга рѣшительно была не въ силахъ долѣе ждать. Ее неудержимо влекло въ Римъ, чтобы тамъ скорѣе устроиться и начать ту артистическую жизнь, о которой она мечтала. Взявъ съ собою всего 100 фр. она простилась съ нами и уѣхала. Я хорошо помню выраженіе ея лица въ окошкѣ вагона: щеки ея ввалились, горячимъ блескомъ горѣли широко раскрытые глаза...

Прошло нѣсколько дней, и южная жизнь, полная блеска, страсти и солнца, все болѣе и болѣе очаровывала и нѣжила меня. Я страстно мечтала о свиданіи съ Андреа... но не суждено намъ было болѣе встрѣтиться съ нимъ!

Разъ, возвращаясь съ прогулки, я нашла на своемъ столѣ письмо отъ него, полное отчаянія и тоски. Онъ писалъ изъ Палермо. Синьоръ Мазини внезапно серьезно заболѣлъ, и капитанъ, при всемъ желаніи, не могъ дать ему отпуска. Еслибы я могла подождать его?... Если нѣтъ— онъ просилъ позволенія лѣтомъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы переговорить съ моей матерью. Потомъ онъ говорилъ о своихъ пламенныхъ чувствахъ ко мнѣ. Мой героизмъ на пароходѣ вызывалъ въ немъ неописанный восторгъ, и онъ былъ увѣренъ, что цѣль нашего путешествія было убіеніе плоти во имя религіи. Ti voglio

bene, carina; non dimenticare il tuo per sempre Andrea*). Этими словами кончалось письмо.

— Вотъ тебѣ на! сказала Лаура. — Скоро же итальянцы рѣшаютъ свою судьбу. Ужъ не собираешься ли ты въ самомъ дѣлѣ выскочить замужъ за этого ничтожнаго мальчишку?

— Можетъ быть и собираюсь... Но дѣло не въ томъ. Надо подумать, какъ намъ поступить теперь... Денегъ у насъ уже мало осталось, едва хватитъ на дорогу, а еще просить не хочется. Не лучше ли намъ завтра же выѣхать въ Петербургъ?

— Хоть сейчасъ!—воскликнула Лаура: я вѣдь тебя только и жду!

И она зажгла свѣчку и немедленно принялась за укладку.

Я вышла на балконъ. Смеркалось. На небѣ уже зажигались звѣзды. Вдали, надъ кратеромъ Везувія вспыхивалъ огонь, а подо мною шумѣлъ Неаполь... Всюду уже горѣли многочисленные огни. Движеніе на улицахъ удвоилось: хлопали бичи, стучали колеса, раздавались веселые возгласы. Подъ окнами проходили шарманки и мандолины, но звуки ихъ скоро сливались въ общемъ гулѣ. Интенсивная страстная жизнь била кругомъ.

Я чувствовала себя безконечно одинокой. Я

---

*) Я люблю тебя, дорогая, и прошу не забывать твоего навсегда Андреа.

отдала бы, кажется, все на свѣтѣ въ эту минуту, чтобы видѣть Андреа...

На слѣдующій день мы выѣхали. Addio, ma bella Napoli! На третьи сутки мы были въ Вержболовѣ. Стояла глубокая зима. Въ морозномъ воздухѣ звонко раздавалась родная, русская рѣчь...

Денегъ у насъ оставалось очень мало. Мы рѣшили ѣхать до Петербурга въ третьемъ классѣ. Въ теченіе всего дня я сидѣла неподвижно.

Эти безконечныя снѣжныя равнины какъ-то совсѣмъ особенно подѣйствовали на меня. Когда стемнѣло, я вышла на заднюю площадку вагона.

Вагонъ нашъ былъ послѣдній. Рельсовый путь таинственно убѣгалъ въ даль темной ночи. Въ воздухѣ летали и тухли искры. Отъ времени до времени на горизонтѣ мелькали огоньки. Тамъ, гдѣ-то, точно отрѣзанные отъ всего міра, въ полузанесенныхъ снѣгомъ избахъ, борясь съ голодомъ, холодомъ и нуждою, жили люди,—русскіе люди... Какое-то особенное чувство умиленія и любви къ нимъ переполнило мое сердце.

— Имѣю ли я право, спросила я себя вдругъ,— бросить ихъ навсегда и уйти на далекій югъ, чтобы тамъ, подъ лучами теплаго солнца, наслаждаться безмятежнымъ счастіемъ? Имѣю ли я право забыть родину? А что если нѣтъ? Но тогда я должна отказаться навѣки отъ Андреа. Отказаться отъ Андреа!—какое ужасное слово!

И я закрывала глаза и вспоминала теплыя, лунныя ночи на кораблѣ, наши вечернія встрѣчи, его ласковый голосъ, и это послѣднее пожатіе руки. И отчего мы такъ скоро разстались тогда?

Воспоминанія будили страсть, первую, жгучую... А кругомъ завывалъ холодный вѣтеръ, и въ воздухѣ летали и тухли искры..

Поздно ночью вернулась я, наконецъ, въ вагонъ. Пассажировъ было много; нѣкоторые изъ нихъ громко храпѣли. Въ душной, тяжелой атмосферѣ тускло горѣли фонари. Лаура крѣпко спала на короткой деревянной скамейкѣ, вытянувъ ногу, на которой виднѣлся грубый бѣлый чулокъ, сильно запачканный въ дорогѣ.

На моей скамейкѣ сидѣлъ старый еврей; онъ дремалъ, и пейсы падали ему на носъ. Я разбудила его и попросила подвинуться. Онъ почтительно сѣлъ на самый край скамейки.

Забившись въ уголъ, за спиною этого стараго жида, я торжественно принесла въ эту ночь мое сердце въ жертву родинѣ. Я чувствовала, какъ горячо люблю ее. Я должна остаться, должна дѣлить ея горести и радости! Эти занесенныя снѣгомъ избы не дали бы мнѣ покоя тамъ, на далекомъ, свѣтломъ югѣ...

А Андреа? А моя любовь къ нему? Что же? Это былъ мигъ счастья, воспоминаніе о которомъ я должна свято хранить. Это была одна

изъ тѣхъ искръ, которыя летали и гасли въ холодномъ воздухѣ.

. . . . . .

Въ Петербургѣ, на воксалѣ, мы разстались съ Лаурой. Я наняла огромную дешевую карету и съ грохотомъ покатила по улицамъ. Дома незнакомый лакей отворилъ мнѣ двери (старый Иванъ умеръ во время моего отсутствія, а Василій выслужилъ свой срокъ). Остальные люди— также все были новые. Я слышала, какъ они столпились въ коридорѣ и шептались, глядя на меня въ щель, пока я въ недоумѣніи и тоскѣ стояла посреди столовой. Мама не было дома. Она вернулась поздно, почти одновременно съ Левой.

Я поцѣловала ей руку.

— Вотъ что ты сдѣлала со мною!— воскликнула она, приподнимая обѣими руками со лба свои уже сѣдѣющіе волосы.

Лева съ какою-то холодной усмѣшкой подалъ мнѣ руку.

Я пошла въ уборную и молча сѣла на свою розовую кушетку. На меня точно столбнякъ нашелъ. Мысли застыли, сердце, казалось, превратилось въ ледъ,—и это состояніе сдѣлало меня надолго совершенно равнодушной ко всему окружающему.

На другой день мама сказала мнѣ, что для возстановленія моей репутаціи необходимо бу-

детъ сдѣлать визиты всѣмъ знакомымъ и побывать на нѣкоторыхъ вечерахъ.

— Можетъ быть со временемъ, если ты будешь примѣрно держать себя, общество проститъ тебѣ твою выходку, хотя замужъ уже никто не возьметъ тебя. На это ты навсегда можешь поставить крестъ.

Сопротивляться я рѣшительно не была въ силахъ, и, какъ только были готовы заказанные для меня наряды, начались выѣзды.

Только изъ уваженія къ мамà принимали меня, какъ намекали мнѣ дамы, умѣло завернувъ уколъ въ красивую французскую фразу. Свѣтскіе люди смотрѣли на меня слишкомъ открытымъ, нехорошимъ взглядомъ, молодыя дѣвушки и кузины—съ ужасомъ и любопытствомъ. Никто открыто не обвинялъ меня ни въ чемъ, только чувствовалось что-то недосказанное и ужасное; о моемъ путешествіи также никто не говорилъ со мною, и слово «Америка» никогда не упоминалось въ моемъ присутствіи.

Такъ тянулась зима. Съ Лаурой я не видѣлась. Она просила меня не бывать у нея, такъ какъ семья ея все еще была сильно возмущена противъ меня.

Какъ-то разъ, въ концѣ марта, дѣвушка таинственно доложила мнѣ, что на черной лѣстницѣ стоитъ барышня и желала бы меня видѣть. Это была Лаура.

— Ну, поздравь меня,—воскликнула она весело, какъ только я вышла къ ней на лѣстницу. — Я невѣста Велькена! Удалось-таки мнѣ окончательно влюбить его письмами. Тогда въ Чикаго я отлично видѣла, что онъ начинаетъ увлекаться мною и знала, что разлука только разожжетъ его чувства... Я играла роль аристократки передъ нимъ, и онъ увѣренъ, что сдѣлаетъ черезъ меня карьеру... И тебя и Ольгу я ревновала къ нему... ты понимаешь теперь, какъ нашъ отъѣздъ былъ мнѣ въ руку... Велькенъ богатъ: у него удивительная коммерческая жилка! Меня ждетъ счастье и роскошь. Ну, а ты? Однако, мнѣ некогда—дома мнѣ шьютъ приданое, и я нужна каждую минуту. Всѣ мои платья будутъ на шелку, а бѣлье съ кружевами и лентами, какъ у тебя. Я вотъ хотѣла взять у тебя на фасонъ рубашку. Потомъ я хотѣла спросить не живъ ли у тебя шарфъ изъ настоящихъ кружевъ? Я бы его купила, хоть за рубль. Тебѣ онъ куда? Вѣдь навѣрно тебя никто не принимаетъ?..

Лаура цинично раскрывала себя передо мною; очевидно, я была ей болѣе не нужна.

Молча пошла я въ свою комнату и вернулась назадъ съ пакетомъ.

— Вотъ, сказала я,—то, чего ты желала; денегъ мнѣ за это не надо.

Мы разстались, чтобы никогда болѣе не встрѣтиться.

Въ тотъ же день, вечеромъ, мнѣ совершенно случайно пришлось подслушать разговоръ горничныхъ. Онѣ готовили ванну для мамà, и не знали, что я дома и сижу въ уборной.

— Что, Варвара Ѳедоровна, видѣли вы рыженькую на лѣстницѣ, что сегодня къ нашей барышнѣ приходила?—спросила молодая горничная Маша.

— Видѣла, что-жъ съ того?

— А это видно та самая и будетъ, про которую деньщикъ Василій разсказывалъ; васъ тогда, Варвара Ѳедоровна, еще тута не было.

— Что-жъ онъ разсказывалъ?

— Э, батюшки, да всего и не припомнить! Бывало выйдетъ это онъ на лѣстницу, станетъ этакъ руки скламши на груди, и начнетъ, и начнетъ! Народу-то понабьется: антересно, конечно, послушать; и про рыженькую это все больше... Онѣ, говорятъ, вдвоемъ съ нашей барышней почище гусаровъ вино-то тянутъ, всю наливку до чиста вызудили... какъ...

Въ эту минуту Маша начала мыть ванну; нѣкоторыя слова исчезали въ шумѣ воды.

— Также насчетъ пажей... Горничная Сашка... Къ бабкѣ-голанкѣ... Только я не вѣрю,—сказала она, закрывая кранъ:—наша барышня и по сихъ

поръ на ребенка похожа. Мало ли что народъ говоритъ зря!

— Чего зря, не зря, а правду,—внушительно проговорила Варвара Ѳедоровна:—и швейцаръ говоритъ, и дворникъ; и татаръ звали, и вещи продавали да закладывали потихоньку. Не всѣ же станутъ въ одинъ голосъ зря говорить... Тоже вотъ на дняхъ сродственница ихняя, что̀ на вечерахъ чай разливаетъ, Софья Ивановна, что ли, ее звать, вышла въ коридоръ покурить и говоритъ: «Судьбу благодарю, что ваша-то удрала, а то, бывало, ко мнѣ съ мальчишками заберется»... (Маша опять открыла кранъ)... Не мудрено... заграница...

— Конечно, все можетъ быть, сказала она уже убѣжденно.—Еще вотъ Софья тутъ разсказывала... Общество потайное... Только я насчетъ этого не могу хорошо вамъ объяснить. А еще,—и Маша покатилась со смѣху:—Василій-то представлялъ, какъ это онѣ съ господиномъ у барина въ кабинетѣ цѣловались, и такъ это онъ ловко губки оборочкой складывалъ... Я, говоритъ, самъ-то за дверьми стоямши, чуть не околѣлъ со смѣху...

Я вскочила съ своего мѣста. При этихъ словахъ меня всю точно кипяткомъ обдало. Мнѣ такъ ясно вспомнился Аполлонъ Дмитріевичъ, наше пари съ нимъ, и тотъ вечеръ послѣ «Фауста»... Неужели этотъ поцѣлуй, котораго я такъ

стыдилась, былъ подслушанъ и осмѣянъ, и кѣмъ же? Больше слушать я не могла, потихоньку на цыпочкахъ я вышла изъ уборной и пробралась въ залу.

«Ну, положимъ, въ этомъ я виновата»,—шептала я, расхаживая взадъ и впередъ:—«но въ остальномъ? Вѣдь это были все мои самыя чистыя, самыя лучшія стремленія».

Въ это время въ залу вошелъ человѣкъ и подалъ мнѣ письмо.

— Кажется, Елена Сергѣевна, что вамъ, адресъ что-то плохо написанъ, не разобрать...

Да, оно было мнѣ.

«Дарагая не, забвенная благо детилъ нѣца и Барышня прасти тѣ что рѣша юс бесъ покоить вашу ми Лость но Я на днясь был у Пречастия оно не пашло впрокъ гля души такъ какъ я бальшои Грех имею перѣт вам и ставо маменъта какъ сцѣркви увдомъ прешел у мене серцѣ тресет се внутре и пакою сѣбе неимѣ ю так какъ и батюш ке на духу не признал ся Я нису, на сѣбѣ тежолый грех и ежеле вы прастити. то миня отъ кахътей злова Духаъ вырвѣ ти и возъ вратите сертцу благополучіе. Я тахда шампанско вино небилъ а землекомъ вы пилъ и скаъзал што бутылъ калопнула а бутылъ ка тожѣ никаму на голову нѣ падала и городовъ—ихъ не было на чорной лестнице, я все вралъ и дѣнь ги свасъ Даромъ палучилъ и проъ жилъ. Астой

менуты мой пакой изчесъ как вы мне часы подарили и я падуъ малъ вотъ андѣлъ его обманываютъ а онъ добро тваритъ таму чилове ку.

«Прастите и насъ четъ наливки на Вас маменьки намекъ подавал что исчезъ ла, за Вашу Милость сжѣною изъ здетками изволю за васъ Богу малится ваш преданный слуга бывшей деньщикъ Василій.

«Асофья ва Шей Милости валаса тахда за 30 рублѣй сѣрѣбромъ проъда ла аска зала чтоъ потиряла, ана также навас въ зводит языком».

По случаю ванны мама̀ въ этотъ вечеръ вернулась рано.

— Завтра, сказала она,—tante Nadine на цѣлый день даетъ мнѣ свою карету. Я хочу, чтобы и ты воспользовалать ею и съѣздила, пока у меня будетъ парикмахеръ, къ Антонинѣ Евгеньевнѣ. Ты до сихъ поръ не сдѣлала ей визита, и это мнѣ очень непріятно.

Антонина Евгеньевна была наша очень близкая родственница. Домъ ея считался богатымъ и аристократичнымъ.

На слѣдующій день въ 4 часа я была у нея.

— Что, дома генеральша?—спросила я лакея, отворившаго мнѣ дверь.

— Дома, пожалуйте.

Онъ снялъ съ меня шубу и поспѣшно пошелъ докладывать.

— Елена Сергѣевна Толимова.

Антонина Евгеньевна была рядомъ, въ гостиной.

— Кто такой?

Онъ повторилъ.

— Съ кѣмъ?

— Однѣ-съ.

— Non, avez vous vu ça! воскликнула она громко.—Celle-là ose mettre les pieds chez moi?! quelle hardiesse *). Чтобъ эту, вы понимаете, эту чтобъ никогда не принимать, меня для нея никогда нѣтъ дома.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Лакей вышелъ, но она опять вернула его.

— Постойте, скажите, что мнѣ некогда, но что я хочу ее видѣть на... на минуту.

Послѣ этого разговора, умышленно громкаго, я, конечно, могла сейчасъ уйти, но какое-то жгучее любопытство охватило меня. Совершенно спокойно вошла я въ гостиную, мнѣ казалось, что я сама превратилась въ зрителя. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ эта ловкая, опытная женщина будетъ оскорблять провинившуюся передъ свѣтомъ молодую дѣвушку.

Она сидѣла на диванѣ, раскинувъ вѣеромъ по ковру шлейфъ своего платья.

Екатерина Великая едва ли умѣла быть величественнѣе. Окинувъ меня съ головы до ногъ

---

*) Видали вы это! Эта смѣетъ являться ко мнѣ! Вотъ дерзость!

презрительно-холоднымъ взглядомъ, она приказала свой дочери оставить насъ вдвоемъ. 18-тилѣтняя Тата послушно вышла изъ комнаты.

— Я хотѣла Вамъ напомнить, начала она, аффектированно сложивъ кружкомъ большой и указательный палецъ правой руки,—какой безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ, какой высоконравственной считается въ свѣтѣ моя репутація, и что всѣ, кому я разрѣшаю доступъ въ свой домъ, уже этимъ являются для общества людьми высшей пробы и чести... тѣ же... (моя родственница гордо во весь ростъ встала передо мною), тѣ же, кого нельзя вытащить изъ грязи, кому даже имени нѣтъ... (она протянула руку по направленію къ передней и быстро вытянула указательный палецъ).

Сцена достигала своего апогея, но какъ разъ въ эту минуту въ передней раздался звонокъ и черезъ мгновеніе я совершенно неожиданно очутилась въ чьихъ-то дружескихъ объятіяхъ. Это была кузина Катя.

— Вотъ ужъ рада такъ рада тебя видѣть! воскликнула она весело,—ты истинный молодчина и я, ей Богу, любуюсь тобой.—Вотъ мой мужъ, я ему уши прожужжала про тебя, и мы давно были бы у тебя, еслибъ я была здорова. Можно завтра къ тебѣ?

Красивый свитскій генералъ пожалъ мнѣ руку.

— Конечно, можно, Catherine,—сказала я, обнимая ее:—я всегда рада васъ видѣть.

Антонина Евгеньевна, такъ неожиданно сбитая съ позиціи, имѣла немного растерянный видъ. Я сдѣлала общій поклонъ и поспѣшно вышла изъ залы.

Дома я нашла два письма. Одно было отъ княжны Алексъ. «Я слышала, что ты увлекаешься самостоятельностью», — писала она.—«Не хочешь ли мѣсто бонны къ двумъ маленькимъ дѣтямъ. Я могла бы рекомендовать тебя. Жалованья 15 р. въ мѣсяцъ.»—Другое было отъ баронессы Кернау. Она предлагала мнѣ комнату въ подвалѣ ея обширнаго деревенскаго дома. «Можетъ быть, прибавляла она, — у васъ хватитъ время присмотрѣть за хозяйствомъ».

Вечеромъ я осталась одна дома.

«Мое положеніе самое глупое», — вполголоса говорила я, расхаживая взадъ и впередъ по темной залѣ: — «я всегда и вездѣ чужая. На фермѣ въ Америкѣ я пришлецъ. Въ семьѣ Лауры — я аристократка. Гдѣ-нибудь на мѣстѣ — меня будутъ презирать за то, что я ищу заработка. Въ моей средѣ мнѣ никогда не простятъ моей самостоятельности... Призванія къ чему нибудь у меня также нѣтъ... Я люблю все,— меня одинаково тянетъ къ себѣ и искусство, и и наука, и родина, и природа, и сама пестрая, разнообразная жизнь. До сихъ поръ я только

искала, только ошибалась... Aber wie ein nasser Pudel kam sie nach Haus! вспомнились мнѣ вдругъ слова фрау Лауферъ въ Дрезденѣ. Wie ein nasser Pudel!»

Невыразимая горесть наполнила мое сердце, и слезы брызнули изъ глазъ.

И зачѣмъ это Catherine растравила мои заснувшія чувства, зачѣмъ она напомнила мнѣ, что есть на землѣ дружба и участіе? Мой столбнякъ помогалъ мнѣ все переносить, а теперь... теперь ледъ въ груди таетъ — и нравственныя муки становятся нестерпимы.

Единственный человѣкъ, который навѣрное понялъ бы меня, это — чудная графиня; но она далеко! Что дѣлать? Неужели всѣмъ тѣмъ силамъ, которыя еще кипятъ въ груди, нѣтъ приложенія?!...

Громко всхлипывая, я упала на колѣни:

«Боже мой! Неужели все, все въ жизни кончено?!...»

Куоккала.
Вилла Репо.
1898 года.